

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2023 Том 10 № 3
DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-3

Научный журнал
Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконев С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Накисбаев Д.В.,

кандидат политических наук, доцент и заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вергинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Войтащик К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, г. Варшава, Польша

Вольфманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Дирекция научно-технических программ», ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энсхеде, Нидерланды

Чуев С.Е. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник Ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, г. Сент-Пол, США

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов Иванов В.Г.
Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 20.09.2023. Выход в свет 30.09.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 13,98. Тираж 500 экз. Заказ № 1138. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2023 Volume 10 Issue 3

DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-3

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitriy V. Nakisbaev,
PhD in Political Science, Head
of the Department of Public
Administration, RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEP, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

Konstanty A. Wojtaszczyk — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies University of Warsaw, Warsaw, Poland

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor K.V. Zenkin
English Text Editor V.G. Ivanov
Layout Designer I.A. Chernova
Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Титова Е.С. «Зелёная» экономика в стратегиях развития регионов России	315
Белоконев С.Ю., Алексеенко Д.А., Колесников В.А. Анализ результатов реализации государственной политики по поддержке малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае в 2018–2023 гг.	330
Маслюкова Е.А., Александрова М.В., Юткина О.В. Государственная политика в сфере занятости населения: региональный аспект	347
Кольба А.И., Орфаниди Э.В. Городские сообщества как группы интересов в локальной политике: концептуальный анализ	357
Кесян Г.Н. Преступления медицинских работников как социально-правовая проблема российского общества	367
Карякина Е.С. Подходы и методология формирования мировоззрения старшеклассников: опыт социализации детей Донбасса в летней профильной смене.....	376

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ханалиев Н.У. Религиозный фактор в столкновении цивилизаций с точки зрения государственно-управленческого аспекта	385
Nasirudeen L.O., Kadir N.A. Human Security as a Basic Ingredient for the Smooth Running of Society: The Nigerian Experience (Насирудин Л.О., Кадир Н.А. Безопасность человека как основной компонент социального управления: опыт Нигерии).....	404
Anwar A., Rosidah R., Pramazuly A.N., Setiawan R., Mladenov S.V. Administrative Traditions of China and Indonesia (Анвар А., Росидах Р., Прамазулы А.Н., Сетиаван Р., Младенов С.В. Административные традиции Китая и Индонезии).....	418
Бабинцева Е.А. Управление водными ресурсами Африки.....	434
Arifin Z. Public Service Performance: A Case Study in Public Relation Information and Communication South Sulawesi Province (Арифин З. Эффективность государственной службы: тематическое исследование информационных и коммуникационных аспектов сферы связей с общественностью в провинции Южный Сулавеси, Индонезия).....	450
Oghuvbu E.A. Godfatherism and Its Effects on Nigeria's Democracy (Огувбу Э.А. Эффект «крестного отца» и его влияние на нигерийскую демократию)	465

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Titova E.S. “Green” Economy in the Russian Regions’ Development Strategies.....	315
Belokonev S.Yu., Alekseenko D.A., Kolesnikov V.A. Analysis of the Results of the State Policy Implementation to Support Small and Medium-sized Businesses in the Stavropol Territory in 2018-2023	330
Maslyukova E.A., Alexandrova M.V., Yutkina O.V. State Policy in the Field of Employment: Regional Aspect.....	347
Kolba A.I., Orfanidi E.V. Urban Communities as Interest Groups in Local Politics: A Conceptual Analysis.....	357
Kesian G.N. Crimes of Medical Workers as a Socio-legal Problem of Russian Society	367
Karyakina E.S. Approaches and Methodology of Forming the Worldview of High School Students: The Experience of Socialization of Donbass Children in the Summer Profile Shift	376

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Khanaliev N.U. The Religious Factor in the Clash of Civilizations from the Point of View of the State-Administrative Aspect	385
Nasirudeen L.O., Kadir N.A. Human Security as a Basic Ingredient for the Smooth Running of Society: The Nigerian Experience	404
Anwar A., Rosidah R., Pramazuly A.N., Setiawan R., Mladenov S.V. Administrative Traditions of China and Indonesia.....	418
Babintseva E.A. Water Resources Management in Africa	434
Arifin Z. Public Service Performance: A Case Study in Public Relation Information and Communication South Sulawesi Province.....	450
Oghuvbu E.A. Godfatherism and Its Effects on Nigeria’s Democracy.....	465

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-315-329

EDN: XCWADK

Научная статья / Research article

«Зелёная» экономика в стратегиях развития регионов России

Е.С. Титова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36

 es_titova@inbox.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения общих тенденций, складывающихся в государственном управлении «зелёной» экономикой, которую характеризуют как особый вид хозяйственной деятельности, базирующей на разнообразных биотехнологиях и направленной на решение актуальных экологических задач. Подчеркивается, что по ряду зарубежных публикаций и отечественных нормативных документов биотехнологический инструментарий, используемый в рамках «зелёной» экономики, ориентирован во многом на переработку агропромышленных и бытовых отходов в сочетании с производством биотоплива. По результатам лексикометрического анализа показано, что проблемы «зелёной» экономики уже находятся в поле зрения практически у половины субъектов РФ. При этом особое внимание привлечено к четырем регионам (две области — Кемеровская и Курская, а также две республики — Бурятия и Северная Осетия-Алания), где многолетнее государственное регулирование развития «зелёной» экономики осуществляется в рамках специальных законов о стратегиях социально-экономического развития. Как следствие, отмечается, что у «зелёной» экономики имеются широкие перспективы для применения в различных регионах РФ, в частности, в целях снижения антропогенных нагрузок на окружающую среду и обеспечения устойчивого развития.

Ключевые слова: зелёная экономика, биотехнологии, биотопливо, стратегии развития, регионы России, промышленный симбиоз, государственное управление

© Титова Е.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (выполнение научно-исследовательских работ молодежными коллективами в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»).

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.04.2023. Принята к публикации: 20.06.2023.

Для цитирования:

Титова Е.С. «Зелёная» экономика в стратегиях развития регионов России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 315–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-315-329>

“Green” Economy in the Russian Regions’ Development Strategies

Ekaterina S. Titova

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation, 117997

 es_titova@inbox.ru

Abstract. This study presents the results of the «green» economy public administration general trends study. Besides, «green» economy is characterized as a special type of economic activity based on various biotechnologies and aimed at solving urgent environmental problems. It is emphasized that according to a number of foreign publications and domestic regulatory documents, the biotechnological tools used in the «green» economy framework are largely focused on the processing of agroindustrial and household waste in combination with the biofuels production. According to the lexicometric analysis results, it is shown that the «green» economy problems are already in the field of view in almost half of the Russian Federation subjects. At the same time, special attention is drawn to four regions (two regions — Kemerovo and Kursk, as well as two republics — Buryatia and North Ossetia-Alania), where long-term state regulation of the «green» economy development is carried out within the special laws on socio-economic development strategies framework. As a result, it is noted that the «green» economy has broad application prospects in various regions of the Russian Federation, in particular, in order to reduce anthropogenic pressures on the environment and ensure sustainable development.

Keywords: green economy, biotechnologies, biofuel, development strategies, regions of Russia, industrial symbiosis, public administration

Acknowledgements: Work with the financial support of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” (performance of research work by youth teams as part of the implementation of the program of academic leadership “Priority-2030”).

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.04.2023. The article was accepted on 20.06.2023.

For citation:

Titova E.S. “Green” Economy in the Russian Regions’ Development Strategies. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023; 10(3): 315–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-315-329>

Введение

Термины биоэкономика, «зелёная» промышленность, «зелёная» экономика и «зелёные» технологии получили широкое распространение в научной литературе особенно в начале третьей декады XXI века [1–4]. В частности, «зелёную» экономику характеризуют как набор мероприятий, реализуемых в соответствии с различными государственными проектами и программами развития, которые направлены на повышение качества жизни граждан при сохранении или даже улучшении окружающей среды [3].

Во многих западных странах и в РФ планируемые работы по «зелёной» экономике обычно связывают с необходимостью комплексно решать экологические проблемы. Так, в нашей стране уже ряд лет реализуется крупномасштабный среднесрочный национальный проект «Экология», включающий несколько разделов, непосредственно относящихся к «зелёной» экономике [5]. Цитируемые авторы представили аналитические материалы о ходе реализации этого и некоторых других федеральных проектов за период 2019–2022 гг. и дополнительно до 2026 года. Кроме того, в нашей стране существуют отдельные региональные и муниципальные программы по развитию «зелёной» экономики [6].

Считается, что для развития «зелёной» экономики определяющее значение имеют государственное управление и использование современных эффективных биотехнологий. Соответственно, целью данной работы стало изучение общих тенденций, складывающихся в настоящее время в государственном управлении «зелёной» экономикой, а также отдельных аспектов применяемых биотехнологий в нашей стране и за рубежом.

Исследование проводилось на основе сведений из ряда нормативно-правовых актов РФ, а также по материалам отечественных и зарубежных документов министерств и ведомств. Кроме того, анализировались общедоступные данные международных объединений: Всемирной организации здравоохранения, ЮНИСЕФ ООН, Всемирной торговой организации и других. В частности, подбор материалов осуществляли в нескольких общедоступных базах данных (ScienceDirect, PubMed NCBI и отечественной Научной электронной библиотеке). Собранные сведения изучали с использованием методов экспертных оценок, а также с помощью библиометрического и лексикометрического анализа [4; 7].

«Зелёная» экономика для достижения целей устойчивого развития

Качественному изменению отношения к «зелёной» экономике во второй декаде XXI века способствовали Конференции ООН по устойчивому развитию и резолюция Генеральной ассамблеи ООН, принятая в 2015 г.¹ Эта

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf. (дата обращения: 25.05.2023)

резолуция содержала формулировки семнадцати целей («Цели в области устойчивого развития»), достижение которых могло бы снизить существующие проблемы, связанные с высокой антропогенной нагрузкой на окружающую среду. Предполагалось, что для ряда обозначенных целей требовалось формирование «зелёной» экономики (рис. 1).

Рис. 1. Ожидаемое участие «зелёной» экономики для достижения отдельных целей устойчивого развития

Источник: составлено автором по данным ООН (<https://www.un.org/>).

Fig. 1. Role of the «green» economy in sustainable development goals achieving

Source: compiled by the author on UN data (<https://www.un.org/>).

Как следствие, «зелёная» экономика должна была стать важной составляющей в хозяйственной деятельности многих государств, способствовать увеличению уровня национального благосостояния и приблизить национальную экономику к достижению Целей устойчивого развития. Результаты соответствующей работы, связанной с государственным управлением «зелёной» экономикой в РФ и за рубежом, находят отражение в различных публикациях, например [5; 6; 8]. В целом, за десятилетний период (2013–2022 гг.) количество ежегодных публикаций, содержащих ключевые слова «green economy» или «зелёная экономика», в трех крупных общедоступных базах данных (ScienceDirect, PubMed NCBI и Научной электронной библиотеке (НЭБ)) при существенных абсолютных различиях увеличились кратно (рис. 2А, 2Б, 2В). Так, в базе данных ScienceDirect наблюдается почти пятикратный рост (с ~ 260 публикаций в 2013 г. до ~ 2260 — в 2022 г.). При этом из рис. 2 видно и то, что за трехлетний период (2020–2022 гг.) рост числа ежегодных публикаций начал приобретать экспоненциальный характер.

Таким образом, из представленных на рис. 2 данных следует, что к настоящему времени сложилась устойчивая тенденция к расширению исследований различных аспектов «зелёной» экономики.

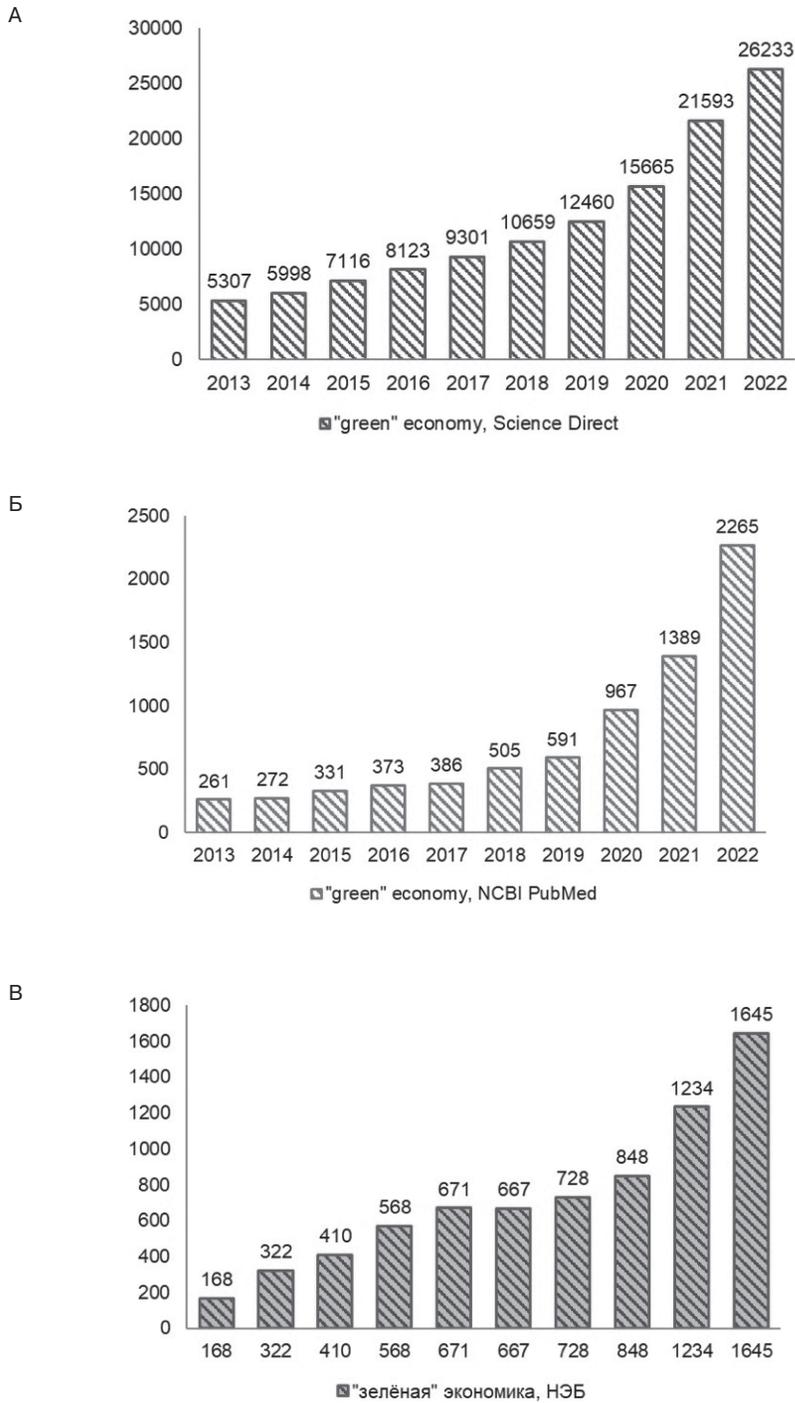

Рис. 2. Динамика количества ежегодных публикаций, содержащих ключевые слова «green economy» или «зелёная экономика» (по базам данных), 2013–2022 гг

Источник: Авторское исследование, 2023.

Fig. 2. Annual publications containing the keywords «green» economy» number dynamics (on dabases), 2013-2022

Source: own research, 2023.

Естественно, наблюдаемый рост подобных работ основывается на необходимости решения актуальных экологических задач (в частности переработке агропромышленных отходов и производству биотоплива). При этом используется специальный *технологический инструментарий* (представленный многочисленными биотехнологиями) в сочетании с соответствующими механизмами эффективного управления [9]. Этой проблематике посвящаются ежегодно сотни публикаций, включая профильные обзоры (рис. 3).

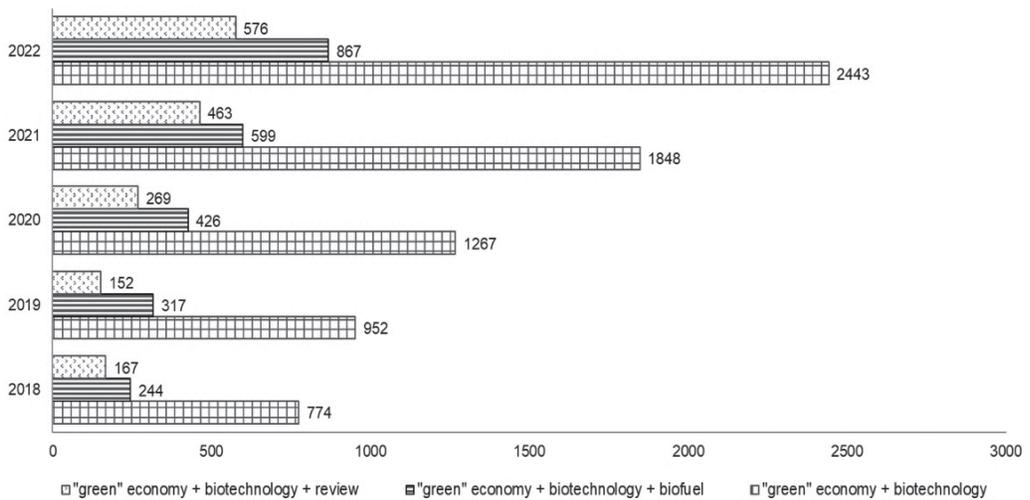

Рис. 3. Результаты библиометрического анализа материалов базы данных ScienceDirect (по ключевым словам), 2018–2022 гг.

Источник: составлено автором, 2023.

Fig. 3. Bibliometric analysis results on the ScienceDirect database materials (by keywords), 2018-2022

Source: own research, 2023.

Из представленной на рис. 3 диаграммы можно сделать заключение о том, что в мировой литературе за период 2018–2022 гг. сформировалась явная тенденция роста внимания к биотехнологиям, которые ориентированы на решение задач «зелёной» экономики, включая производство биотоплива.

Биотехнологии для «зелёной» экономики

Во второй декаде XXI века сложились определенные представления о том, что именно комплекс создаваемых биотехнологий способен обеспечить и глобальный экономический рост, и сформировать новые рабочие места, и предотвратить деградацию окружающей среды из-за

антропогенной деятельности, иными словами, создать условия для устойчивого развития. Например, Gartland K.M. et al. [10] в своей обзорной работе с говорящим названием «Продвижение к «золотому веку» биотехнологии» отметили, что биотехнологии используют возобновляемые ресурсы — вещества, материалы или экстракты, получаемые из живых клеток, благодаря чему для европейцев уже были созданы 22 миллиона рабочих мест.

Биотехнологический инструментарий, используемый в рамках «зелёной» экономики, ориентирован на решение многих задач экологического характера. Среди них особо отмечаются усилия по переработке пластика и отходов органической природы (агропромышленных и бытовых), по очистке сточных вод с получением хозяйственно-ценных побочных продуктов, включая биотопливо, а также утилизация парниковых газов [2; 11] и биоремедиация [12].

Характеризуя роль биотехнологий в развитии «зелёной» экономики, представляется важным подчеркнуть, что масштабы деградации окружающей среды из-за антропогенной деятельности в настоящее время достигли таких пределов, которые требуют решения не только вопросов, связанных с накоплением различных отходов, но и с организацией эффективных систем их переработки [13]. Более того, складывающаяся ситуация начинает угрожать здоровью людей. Например, стало известно, что частицы так называемого, «микропластика» (который образуется из полиэтиленовых изделий, а также из других источников), способны проникать в организм человека с водой, пищей и воздухом. Как следствие, «микропластик» уже обнаруживают в лёгких и крови людей [14].

Анализ многочисленных публикаций, появившихся за период 2018–2022 гг. с ключевыми словами «green economy» и «biotechnology» (рис. 3), в частности, [13–15], дал основания выделить два основных подхода, различающихся по некоторым акцентам в использовании биотехнологий для «зелёной» экономики. Один из них имеет непосредственно технологический акцент и обеспечивает развитие «зелёной» экономики за счет расширения спектра объектов, возможных к переработке, и получаемых побочных продуктов. Для второго характерен акцент на используемое сырьё. Благодаря такому сырьевому подходу происходит принципиальное изменение природы используемых материалов при производстве товаров, например, начинает применяться биоразлагаемое сырьё (как альтернатива пластику, полученному из ископаемого сырья).

Сложившиеся тенденции применения двух основных подходов по использованию биотехнологий для «зелёной» экономики схематично показаны на рис. 4.

Как видно из рис. 4, современные биотехнологии обеспечили широкий инструментарий, ориентированный на решение многих задач экологического характера в рамках «зелёной» экономики. При этом существующие биотехнологические подходы позволяют как перерабатывать

не востребуемые ресурсы с получением хозяйственно-ценных побочных продуктов (то есть обеспечивать замкнутый цикл производства), так и формировать специфический промышленный симбиоз [16]. Считается, что промышленный симбиоз формируется как особое направление в организации хозяйственной деятельности и предполагает развитие объединений хозяйствующих субъектов для достижения конкурентного преимущества через обмен материалами, побочными и другими продуктами с целью последующей переработки.

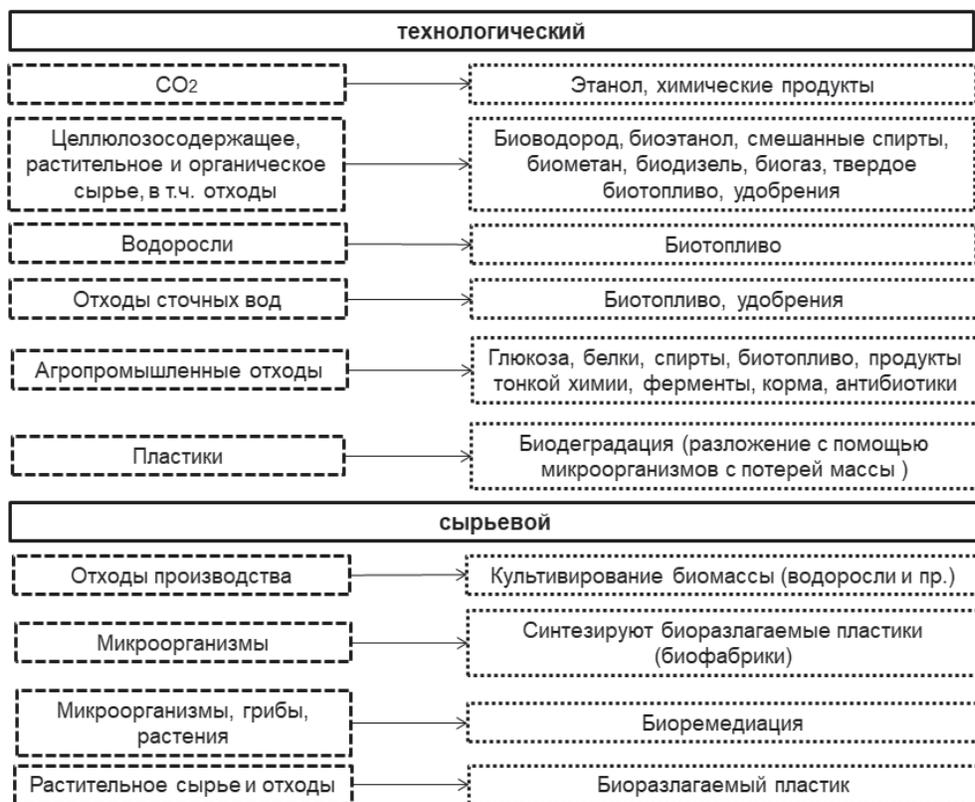

Рис. 4. Сложившиеся тенденции в применении двух основных подходов по использованию биотехнологий для «зелёной» экономики

Источник: составлено автором по [1–12].

Fig. 4. Biotechnologies for solving environmental problems

Source: compiled by the author from [1–12].

По всей видимости, в ближайшей перспективе от развития биотехнологий с учетом достижений современных наук о жизни (омиксные технологии, методы метаболической инженерии, синтетической биологии, микробной инженерии и пр.), можно ожидать существенного прогресса. Соответственно, «зелёная» экономика также получит новый импульс к развитию во многих странах, включая Россию.

Государственное управление «зелёной» экономикой в отдельных регионах России

Для оценки состояния «зелёной» экономики в отдельных регионах России был проведен лексикометрический анализ (по [7]) для определения частоты встречаемости соответствующих ключевых слов². Анализом были охвачены актуальные стратегии социально-экономического развития 85 субъектов Российской Федерации. Полученные результаты представлены на Рис. 5. В целом выбранные ключевые слова были обнаружены в 44 из 85 проанализированных стратегий.

Рис. 5. Результаты лексикометрического анализа стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

Источник: составлено автором, 2023.

Fig. 5. Lexicometric analysis of the Russian Federation regions socio-economic development strategies results

Source: own research, 2023.

С учетом результатов лексикометрического анализа для дальнейшего исследования были выбраны четыре региона России — лидеры по результатам лексикометрического анализа (две области — *Кемеровская и Курская*, а также две республики — *Бурятия и Северная Осетия-Алания*), в стратегиях социально-экономического развития которых содержались указания на приоритетность формирования «зелёной» экономики. В этих регионах со второй

² Анализ проводился по ключевым словам: зелёная экономика, зелёное развитие, зелёные инвестиции, зелёный каркас, зелёные кластеры, зелёная энергия, зелёное сельское хозяйство, зелёный стандарт, зелёный тариф, зелёные материалы, зелёная инфраструктура, зелёный регион, зелёное производство, зелёная химия, зелёная отрасль, зелёный тариф, зелёные облигации, зелёные мощности, зелёная наука, зелёные рынки, зелёные навыки, зелёные рабочие места, зелёное производство, зелёные инновации (с учетом морфологии).

декады XXI века многолетнее государственное регулирование развития «зелёной» экономики осуществлялось в рамках специальных нормативно-правовых актов [17–20].

Так, в *Кемеровской области* в 2018 г. был принят Закон Кемеровской области — Кузбасса «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года» [17]. В соответствии данной стратегией этот регион планируется превратить в «центр новых компетенций и рабочих мест „зелёной“ экономики». Для достижения указанной цели предусматривается внесение ещё ряда изменений в законодательство региона. Утвержденная стратегия предполагает создание агропромышленных предприятий безотходного производства, а также тарификацию электрической энергии, полученной с применением «зелёных» технологий, и размещение «зелёных» облигаций. Отмечена необходимость формирования новых, «зелёных» отраслей и диверсификации получаемых из угля химических продуктов.

Вместе с тем в числе региональных приоритетов определено продвижение инновационных технологий по очистке воды и стоков с использованием микроорганизмов и биологических реакторов, биохимических технологий против микрополлютантов и строительство предприятий по производству соответствующего оборудования, определено применение технологий производства биогаза. Отрадно отметить, что достижения биотехнологии предполагаются к использованию и в агропромышленном комплексе (АПК) Кузбасса. Стратегически определено развитие экоориентированного сельского хозяйства, а применение «зелёных» технологий заявлено среди результатов преобразований АПК 2021–2022 гг.

Кроме того, ожидается реализация комплекса соответствующих просветительских и образовательных мероприятий.

Таким образом, принятая стратегия развития Кузбасса свидетельствует о том, что государственное управление «зелёной» экономикой направлено на снижение негативных последствий добычи каменного и коксующегося угля — то есть «зелёные» технологии используются в этой коннотации. Важно отметить, что законодатели, принимая Стратегию социально-экономического развития Кемеровской области, рассматривали развитие «зелёной» экономики, как способ улучшения качества жизни местного населения за счет преодоления существующих серьёзных экологических проблем региона. С указанной целью реализуется и стратегическая инициатива «Чистый уголь — зелёный Кузбасс» в рамках соответствующего комплексного научно-технического проекта (КНТП), который подробно рассмотрен в работе И.А. Ганиевой с соавт. [6].

В *Курской области* в соответствии с принятым Законом «О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года» [18] предусмотрено использование «зелёных» технологий для повышения продуктивности агропромышленного комплекса (АПК) и рекультивации почв, что обусловлено специализацией экономики данного региона.

При этом законодатели запланировали различные меры государственного управления для реализации принципов «зелёной» экономики.

Выбранная стратегия (под названием «Зеленый и безопасный регион») направлена на осуществление «комплексной экологизации» и внедрение системы ценностей для устойчивого развития. С учетом сельскохозяйственного профиля региона среди ключевых мероприятий предусмотрено строительство объектов переработки органических отходов в биотопливо на предприятиях АПК. Ожидается, что планируемое производство не только позволит утилизировать накапливающиеся отходы, но и будет обеспечивать энергией районы области с децентрализованным энергоснабжением. Представляется важным подчеркнуть, что организация подобного производства откроет пути и к утилизации некоторых коммунальных отходов с получением энергии. Более того, в Курской области планируется применение методов биоремедиации для очистки вод, грунтов и атмосферы, а также переход на использование биоразлагаемых аналогов некоторых традиционных видов пластика.

В Законе Республики Бурятия «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года» [19] отмечено, что данный регион обладает рядом важных условий для развития «зелёной» экономики. В основу предложенной стратегии был заложен принцип «триединства природы, человека и экономики», который предусматривал широкое использование возобновляемых источников энергии и внедрение новых технологий в АПК. При этом особое внимание обращалось на производство биотоплива из низкосортной древесины и отходов лесопиления.

Принятая стратегия ориентировалась, в частности, на использование «зелёных» технологий в животноводстве, что рассматривалось как средство укрепления экономических связей с приграничными территориями, в том числе зарубежными. По мнению разработчиков, подобное сотрудничество могло бы стать особой «точкой роста» и способствовать привлечению инвестиций. Важным отличительным элементом стратегии социально-экономического развития Республики *Бурятия*, несомненно, является и раздел о приложении «зелёных» принципов к созданию этнокультурных центров на озере Байкал.

Изложенная в Законе № 60-РЗ от 18.09.2019 [20] стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия Алания (РСОА) исходит из необходимости формирования экономики, основанной на знаниях и развитии так называемого шестого технологического уклада (с нано- и биотехнологиями). Среди общих задач по борьбе с проявлениями негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, в этой стратегии особый акцент сделан на работу, связанную со снижением выбросов углекислого газа и сокращением зависимости экономики от углеводородного сырья. Решение указанной задачи предполагается обеспечить за счет реализации программы «Кластер «зелёной» энергетики» (ветро-, гидро-, солнечная и геотермальная энергетика), которая должна базироваться на производстве соответствующего оборудования и внедрении новых методов управления энергетическими

сетями. При этом ожидалось достижение общей цели по экологизации промышленности путем широкого использования агро- и биотехнологий.

Особого внимания в рассматриваемой стратегии заслуживают разделы (например, «Промышленная экология и биотехнологии»), которые предусматривают целенаправленную подготовку кадров с необходимыми знаниями биотехнологии по программам среднего и высшего образования.

Сравнение рассмотренных выше четырех региональных программ, содержащих планы социально-экономического развития, свидетельствует о наличии в каждой из них задач, которые предлагается решать с помощью «зелёной» экономики. Вместе с тем каждая из этих программ имеет характерные отличия, обусловленные сложившимися условиями хозяйственной деятельности в регионе и его географическими особенностями.

Однако в большинстве из изученных документов отмечается возникновение значительных финансовых нагрузок, необходимых для развития «зелёной» экономики, осуществления соответствующих инновационных решений и их внедрения в практику. Как следствие, ожидается, что эффективное государственное управление позволит преодолеть существующие трудности, которые включают, в частности, нехватку специального промышленного оборудования для массового производства «зелёной» продукции, недостаточный уровень развития инфраструктуры и межрегиональных связей.

Заключение

«Зелёная» экономика, которую описывают как особый вид хозяйственной деятельности, базирующейся на разнообразных биотехнологиях и направленной на повышение качества жизни людей при сохранении или даже улучшении окружающей среды, стала предметом многочисленных исследований, опубликованных в 2018–2022 гг. Эти исследования активно проводятся и за рубежом, и в РФ. Они, как правило, обладают междисциплинарным характером, что находит отражение в изучаемых вопросах, относящихся к постгеномным научным дисциплинам и/или к прикладным задачам, непосредственно связанным с промышленным производством.

По результатам анализа работ, отражающих развитие «зелёной» экономики, представилось возможным выделить два подхода, различающиеся по целевым установкам в применении биотехнологий. Один из них (технологический) ориентирован на расширение спектра получаемых продуктов, а второй (сырьевой) — связан с вовлечением в переработку принципиально новых материалов, например, биоразлагаемого сырья в качестве альтернативы химически инертному пластику. При этом осуществляется создание агропромышленных предприятий безотходного производства, получение электрической энергии с применением «зелёных» технологий и обеспечиваются

льготные условия для привлечения инвестиций. Соответственно, для эффективного решения разнообразных задач «зелёной» экономики требуется адекватное государственное управление, как в форме общих крупных программ, так и региональных проектов.

В нашей стране проблемы «зелёной» экономики находятся в поле зрения практически в половине субъектов Федерации, а некоторые из них рассматривают отдельные аспекты «зелёной» экономики как приоритетные задачи в стратегиях социально-экономического развития.

Таким образом, очевидно, у «зелёной» экономики имеются широкие перспективы для применения во многих регионах РФ, что будет способствовать, в частности, снижению антропогенных нагрузок на окружающую среду и достижению целей устойчивого развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Boyarov A., Osmakova A., Popov V. Bioeconomy in Russia: Today and Tomorrow // *New Biotechnology*. 2021. 60. P. 36–43. <https://doi.org/10.1016/j.nbt.2020.08.003>
2. Nyangchak N. Emerging Green Industry Toward Net-zero Economy: A Systematic Review // *Journal of Cleaner Production*. 2022. 378. 134622. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134622>
3. Ionescu R.V., Antohi V.M., Zlati M.L. et al. To a Green Economy across the European Union // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. 19 (19). 12427. <https://doi.org/10.3390/ijerph191912427>
4. Тимова Е.С., Шишкин С.С., Штыхно Д.А. Биоэкономика — один из путей к устойчивому развитию регионов // *Федерализм* 2023. Т. 28, № 1 (109). С. 56–79. <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-56-79>
5. Фатуева Е.А., Шпилькина Т.А. Программа развития «зелёной экономики» в рамках реализации нацпроекта «Экология» в условиях санкций // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 5–3 (87). С. 138–146. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-3-138-146>
6. Ганиева И.А., Шенелев Г.В., Бобылев П.М. и др. Опыт и уроки подготовки комплексного научно-технического проекта «Чистый уголь — Зеленый Кузбасс» // *Уголь*. 2022. № 11 (1160). С. 17–25. <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2022-11-17-25>
7. Mandják T., Lavissière A., Hofmann J. et al. Port Marketing from a Multidisciplinary Perspective: A Systematic Literature Review and Lexicometric Analysis // *Transport Policy*. 2019. 84. P. 50–72. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.11.011>
8. Santeramo F.G. Circular and Green Economy: The State-of-the-art // *Heliyon*. 2022. 8 (4). E09297. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09297>
9. Raskin L., Nielsen P.H. Editorial Overview: Integrating Biotechnology and Microbial Ecology in Urban Water Infrastructure through a Microbiome Continuum Viewpoint // *Current Opinion in Biotechnology*. 2019. 57. iii-vi. <https://doi.org/10.1016/j.copbio.2019.05.001>
10. Gartland K.M., Bruschi F., Dundar M. et al. Progress Towards the ‘Golden Age’ of Biotechnology // *Curr Opin Biotechnol*. 2013. 24 (1). P. S6–13. <https://doi.org/10.1016/j.copbio.2013.05.011>
11. Ozkan M., Nayak S.P., Ruiz A.D., Jiang W. Current Status and Pillars of Direct Air Capture Technologies // *iScience*. 2022. 25 (4). 103990. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.103990>
12. Демин А.В., Рыбальченко И.В., Милькина И.В. и др. Технологии устойчивого развития территорий: фиторемедиация как инновационный метод санации депрессивных территорий // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2022. Т. 9. № 2. С. 124–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-2-124-136>

13. Nandy S., Fortunato E., Martins R. Green Economy and Waste Management: An Inevitable Plan for Materials Science // *Progress in Natural Science: Materials International*. 2022. 32 (1). P. 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.pnsc.2022.01.001>.
14. Jenner L.C., Rotchell J.M., Bennett R.T. et al. Detection of Microplastics in Human Lung Tissue Using μ FTIR Spectroscopy // *Science of the Total Environment*. 2022. 831. 154907. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2022.154907>
15. Titova E.S. Biofuel Application as a Factor of Sustainable Development Ensuring: The Case of Russia // *Energies*. 2019. 12. 3948. <https://doi.org/10.3390/en12203948>
16. Пастухов А.Л. Модернизация промышленных комплексов на основе создания промышленных симбиозов // *Экономическая наука сегодня*. 2021. № 13. С. 85–92.
17. Закон Кемеровской области — Кузбасса от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области — Кузбасса на период до 2035 года». URL: <https://base.garant.ru/47036908/> (дата обращения: 11.05.2023).
18. Закон Курской области от 14.12.2020 № 100-ЗКО «О Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2030 года». URL: <https://base.garant.ru/75070518/> (дата обращения: 11.05.2023).
19. Закон Республики Бурятия от 18.03.2019 № 360-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года». URL: <https://base.garant.ru/45672012/> (дата обращения: 11.05.2023).
20. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 18.09.2019 № 60-РЗ «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года». URL: <https://base.garant.ru/72755682/> (дата обращения: 11.05.2023).

REFERENCES

1. Boyarov A., Osmakova A., Popov V. Bioeconomy in Russia: Today and Tomorrow. *N Biotechnol.* 2021;60:36–43. <https://doi.org/10.1016/j.nbt.2020.08.003>
2. Nyangchak N. Emerging Green Industry toward Net-zero Economy: A Systematic Review. *J Clean Prod.* 2022;378:134622. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134622>
3. Ionescu R.V., Antohi V.M., Zlati M.L. et al. To a Green Economy across the European Union. *Int J Environ Res Public Health.* 2022;19(19):12427. <https://doi.org/10.3390/ijerph191912427>
4. Titova E.S., Shishkin S.S., Shtykhno D.A. Bioekonomika — odin iz putei k ustoichivomu razvitiyu regionov [Bioeconomy as One of the Ways to Sustainable Development of Russian Regions]. *Federalism.* 2023;28(1):56–79. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-1-56-79>. (In Russ.).
5. Fatueva E.A., SHpil'kina T.A. Programma razvitiya «zelenoi ekonomiki» v ramkakh realizatsii natsproekta «Ekologiya» v usloviyakh sanktsii [The Program of Development of the “Green Economy” within the Framework of the Implementation of the National Project “Ecology” in the Context of Sanctions]. *Journal of Economy and Business.* 2022; 5–3 (87): 138–146. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-3-138-146> (In Russ.).
6. Ganieva I.A., Shepelev G.V., Bobylev P.M. et al. Opyt i uroki podgotovki kompleksnogo nauchno-tekhnicheskogo proekta «Chisty i ugol’ — Zelenyi Kuzbass» [Experience and Lessons of Preparation of the Complex Scientific and Technical Project “Clean Coal — Green Kuzbass”]. *Coal.* 2022;11(1160):17–25. <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2022-11-17-25> (In Russ.).
7. Mandják T., Lavissière A., Hofmann J. et al. Port Marketing from a Multidisciplinary Perspective: A Systematic Literature Review and Lexicometric Analysis. *Transport Policy.* 2019;84:50–72. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.11.011>
8. Santeramo F.G. Circular and Green Economy: The State-of-the-art. *Heliyon.* 2022; 8 (4): E09297. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09297>
9. Raskin L., Nielsen P.H. Editorial Overview: Integrating Biotechnology and Microbial Ecology in Urban Water Infrastructure through a Microbiome Continuum Viewpoint. *Curr Opin Biotechnol.* 2019;57:3–6. <https://doi.org/10.1016/j.copbio.2019.05.001>

10. Gartland K.M., Bruschi F., Dundar M. et al. Progress towards the ‘Golden Age’ of Biotechnology. *Curr Opin Biotechnol.* 2013;24(1):S6–13. <https://doi.org/10.1016/j.copbio.2013.05.011>
11. Ozkan M., Nayak S.P., Ruiz A.D., Jiang W. Current Status and Pillars of Direct Air Capture Technologies. *iScience.* 2022;25(4):103990. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.103990>
12. Demin A.V., Rybal’chenko I.V., Mil’kina I.V. et al. Tekhnologii ustoichivogo razvitiya territorii: fitoremediatsiya kak innovatsionnyi metod sanatsii depressivnykh territorii [Technologies of Territorial Sustainable Development: Phytoremediation as an Innovative Method for Recovery of Depressed Territories]. *RUDN Journal of Public Administration.* 2022;9(2):124–136. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2022-9-2-124-136>. (In Russ.).
13. Nandy S., Fortunato E., Martins R. Green Economy and Waste Management: An Inevitable Plan for Materials Science. *Prog Nat Sci.* 2022;32(1):1–9. <https://doi.org/10.1016/j.pnsc.2022.01.001>
14. Jenner L.C., Rotchell J.M., Bennett R.T. et al. Detection of Microplastics in Human Lung Tissue Using μ FTIR Spectroscopy. *Sci Total Environ.* 2022;831:154907. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2022.154907>
15. Titova E.S. Biofuel Application as a Factor of Sustainable Development Ensuring: The Case of Russia. *Energies.* 2019;12:3948. <https://doi.org/10.3390/en12203948>
16. Pastuhov A.L. Modernizatsiya promyshlennykh kompleksov na osnove sozdaniya promyshlennykh simbiozov [Modernization of Industrial Complexes Based on the Creation of Industrial Symbioses]. *Economic Science Today.* 2021;13:85–92 (In Russ.).
17. *Zakon Kemerovskoi oblasti — Kuzbassa ot 26.12.2018 № 122-OZ «Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoi oblasti — Kuzbassa na period do 2035 goda»* [Law of the Kemerovo region — Kuzbass No. 122-OZ dated 26.12.2018 “On Approval of the Strategy of Socio-economic Development of the Kemerovo region — Kuzbass for the Period up to 2035”]. URL: <https://base.garant.ru/47036908/> (accessed: 11.05.2023). (In Russ.).
18. *Zakon Kurskoi oblasti ot 14.12.2020 № 100-ZKO «O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Kurskoi oblasti na period do 2030 goda»* [The Law of the Kursk region No. 100-WKO dated 12.14.2020 “On the Strategy of socio-economic development of the Kursk region for the period up to 2030”]. URL: <https://base.garant.ru/75070518/> (accessed: 11.05.2023) (In Russ.).
19. *Zakon Respubliki Buryatiya ot 18.03.2019 № 360-VI «O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Buryatiya na period do 2035 goda»* [The Law of the Republic of Buryatia No. 360-VI dated 18.03.2019 “On the Strategy of socio-economic development of the Republic of Buryatia for the period up to 2035”]. URL: <https://base.garant.ru/45672012/> (accessed: 11.05.2023) (In Russ.).
20. *Zakon Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya ot 18.09.2019 № 60-RZ «O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya do 2030 goda»* [Law of the Republic of North Ossetia-Alania No. 60-RZ dated 18.09.2019 “On the Strategy of socio-economic development of the Republic of North Ossetia-Alania until 2030”]. URL: <https://base.garant.ru/72755682/> (accessed: 11.05.2023) (In Russ.).

Информация об авторе:

Титова Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института развития образования, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (ORCID ID: 0000-0002-2639-9502) (e-mail: es_titova@inbox.ru).

Information about the author:

Ekaterina S. Titova — PhD in Economy, Leading Researcher of the Education Development Research Institute, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2639-9502) (e-mail: es_titova@inbox.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-330-346

EDN: XBCRFA

Научная статья / Research article

Анализ результатов реализации государственной политики по поддержке малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае в 2018–2023 гг.

С.Ю. Белоконев^{1,2} , Д.А. Алексеенко¹ , В.А. Колесников³

¹Финансовый университет при правительстве РФ,
126167, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49

²Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский просп., 99

³Московский государственный строительный университет,
129337, Россия, Москва, Ярославское ш., 26

 syubelokonev@fa.ru

Аннотация. Исследуются основные меры по поддержке малого и среднего предпринимательства на федеральном уровне и их реализация на примере Ставропольского края. Анализируются статистические данные Единого реестра малого и среднего предпринимательства в РФ, отражающие динамику изменения численности населения региона, вовлечённого в деятельность малого и среднего предпринимательства: индивидуальных предпринимателей, работников субъектов малого и среднего бизнеса, самозанятых. Делается вывод о низкой эффективности политики поддержки предпринимательства в Ставропольском крае.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, национальные проекты, поддержка МСП, Ставропольский край, налоговая политика

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.05.2023. Принята к публикации: 04.07.2023.

Для цитирования:

Белоконев С.Ю., Алексеенко Д.А., Колесников В.А. Анализ результатов реализации государственной политики по поддержке малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае в 2018–2023 гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 330–346. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-330-346>

Analysis of the Results of the State Policy Implementation to Support Small and Medium-sized Businesses in the Stavropol Territory in 2018-2023

Sergey Yu. Belokonev^{1,2} , Danil A. Alekseenko² ,
Vladislav A. Kolesnikov³

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 126167

²State University of Management,
99, Ryazansky prospect, Moscow, Russia, 109542

³Moscow State University of Civil Engineering,
26, Yaroslavskoe sh., Moscow, Russia, 129337

 syubelokonev@fa.ru

Abstract. The study examines the main measures to support small and medium entrepreneurship at the federal level, and their direct implementation at the regional level on the example of the Stavropol Territory. The study provides statistical data of the Unified Register of Small and Medium Entrepreneurship in the Russian Federation, reflecting the dynamics of changes in the region's population involved in small and medium entrepreneurship: individual entrepreneurs, employees of small and medium businesses, self-employed. The conclusion is drawn that the policy pursued at the federal and regional level regarding the development of entrepreneurship in the Stavropol Territory is not very effective.

Keywords: small and medium entrepreneurship, national projects, SME support, Stavropol krai, tax policy

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.05.2023. The article was accepted on 04.07.2023.

For citation:

Belokonev S.Yu., Alekseenko D.A., Kolesnikov V.A. Analysis of the Results of the State Policy Implementation to Support Small and Medium-sized Businesses in the Stavropol Territory in 2018–2023. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):330–346. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-330-346>

Становление рыночной экономики подразумевает последовательное развитие предпринимательства, в том числе малого и среднего. Согласно концепции Дугласа Норта институциональные изменения в обществе могут быть двух видов: инкрементные — последовательное и эволюционное развитие, дискретные — резкое и революционное [1. С. 116]. Становление института предпринимательства в нашей современной России тесно связано со вторым видом институциональных изменений. Распад СССР и радикальные реформы в народном хозяйствовании привели к закрытию ряда предприятий, повышению безработицы, снижению уровня жизни населения, хотя постепенно стал складываться слой предпринимателей. Количество предпринимателей в 1990-х увеличивалось по всей стране, но это не означало развития

качественных связей во взаимоотношениях между ними самими и государством. Если сравнивать разные модели развития малого и среднего предпринимательства (далее — МСП), то российский путь больше всего подходит под модель Вест-Мидленда, которая была распространена в Великобритании [2. С. 197]. Она подразумевала ряд мер по стимулированию населения занятением предпринимательством вместо потерянных рабочих мест во время структурного экономического кризиса. Эта модель в первую очередь подразумевает достижение количественных показателей, а не развития конкурентоспособности новых предприятий. Поэтому в долгосрочной перспективе модель Вест-Мидленда не будет эффективной, так как, несмотря на увеличение числа предпринимателей, конкурентоспособность в их среде проявится не сразу, что приведёт к банкротству ряда предприятий, как только государство прекратит их поддержку

Но после череды дискретных изменений приходит время инкрементных-эволюционных. Институт предпринимательства в России последовательно развивается в соответствии с запросами государственной власти. Но так как Россия — страна с большим количеством регионов, необходимо производить мониторинг соответствия федеральных показателей с тем, что происходит на практике в субъектах. В данной статье будет анализироваться реализация государственной политики поддержки МСП на территории Ставропольского края. Мы обратимся к количественным показателям национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», методике расчёта численности населения, вовлечённого в деятельность МСП, а также к данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства по исследуемому региону. На основании этой информации будет дана оценка реализации государственной политики по поддержке субъектов МСП в Ставропольском крае, что является целью статьи.

Анализ основных мер федеральной политики по поддержке МСП

7 мая 2012 года В.В. Путин подписал ряд указов, среди которых был указ «О долгосрочной государственной экономической политике». В этом документе были определены показатели, которые страна должна была достигнуть к 2018 году. Однако в документе деятельность МСП не упоминалась напрямую, вместо этого использовался термин «предпринимательство». Однако «не всякий бизнес — это предпринимательство, существует специфическое малое предпринимательство как форма предпринимательской деятельности... это отношения по поводу дела, деятельности небольших групп людей, направленные на получение определённого результата (прибыли)» [2. С. 193]. В Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. 29.12.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3] указываются критерии МСП:

1. Юридические критерии: в уставном капитале доля российских юридических и публичных образований составляет не более 25 %, а иностранцы не более 49 %;
2. Критерии по численности: микропредприятия считаются до 15 человек включительно, малые предприятия — до 100 человек включительно, средние до 250, а в некоторых случаях до 1000 и 1500;
3. Критерии по доходу: микропредприятия — доход до 120 млн рублей, малое предприятие — доход до 800 млн рублей, среднее предприятие — доход до 2 млрд рублей.

В этом же законе поясняется, что к субъектам МСП относятся: «хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели» [3]. Важно отметить, что в это число не входят лица, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональную деятельность» (далее — НПД), то есть самозанятые, институт которых появился в нашей стране в 2019 году.

Ведение бизнеса, стратегическое планирование развития МСП, изменение плана приватизации, улучшение инвестиционного климата, создание института уполномоченного по защите прав предпринимателей — это лишь часть мер и поручений, отражённых в указе Президента РФ от 7 мая 2012 года. Более глубокая проработка вопроса поддержки МСП была показана в государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» от 15 апреля 2014 года. В этой программе уже существовала отдельная подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства», где среди ожидаемых результатов были перечислены: упрощение процедуры ведения предпринимательской деятельности, повышение доступности финансирования для МСП, создание системы поддержки МСП, увеличение количества представителей МСП в расчёте на 1 тыс. человек населения РФ с 42,2 ед. в 2012 году до 52,7 ед. в 2020 году, обеспечение государственной поддержки 1 650 000 ед. МСП, создание новых 980 000 рабочих мест в секторе МСП [4].

В дальнейшем поддержка малого и среднего бизнеса была отражена в Указе Президента РФ от 07.05.2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В этом документе была поставлена новая количественная цель: увеличение населения, вовлечённого в МСП, включая индивидуальных предпринимателей, до 25 млн человек [5]. Достижение этой цели зависит от выполнения ряда задач, связанных с улучшением условий ведения предпринимательской деятельности, созданием цифровых платформ для поддержки МСП, совершенствованием системы государственных закупок, упрощением доступа к льготному финансированию, созданием системы акселерации субъектов малого и среднего предпринимательства, улучшением системы поддержки экспортёров среди МСП. Для реализации нового майского указа Президента РФ были разработаны специальные национальные проекты. Для поддержки

МСП в рамках Указа был создан национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Мы видим, что поддерживающая роль для МСП со стороны государства подчёркивается в каждом из документов. Это также напоминает модель «Вест-Мидленда», ориентированную на увеличение количества самих предпринимателей сферы МСП, активное воздействие государства на достижение числовых показателей, путём снижения налогов, строительства необходимой инфраструктуры. Повышение количества человек, задействованных в малом и среднем предпринимательстве, является ключевым показателем эффективности реализации национального проекта в регионах России.

Также одним из документов, включающим в себя основные меры по поддержке МСП, является «Стратегия развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации на период до 2030 года» [6]. В рамках Стратегии и национального проекта реализуются следующие меры:

- 1) предоставление субсидий;
- 2) улучшение условий кредитования;
- 3) создание инфраструктуры для поддержки предпринимательства;
- 4) реформирование режимов налогообложения предпринимательства.

В качестве создания институтов поддержки предпринимательства были открыты специальные центры «Мой бизнес», задачи которых состоят в обеспечении консультирования, подготовки начинающих субъектов МСП. Эти центры позволяют ознакомиться с информацией о возможных льготах, получить прохождение курса по ведению предпринимательского дела. Главная цель центров «Мой бизнес» — сделать бизнес доступнее для тех, кто только хотел бы начать им заниматься, то есть основная ориентация на микропредприятия.

Согласно опубликованной Стратегии до 2030 года на федеральном уровне будут проходить изменения и в налоговой политике:

- мониторинг фискальной нагрузки на МСП;
- наложение моратория на увеличение налоговой нагрузки с возможностью дальнейшего его сохранения;
- разработка и совершенствование специальных налоговых режимов и патентной системы;
- создание дополнительных фискальных стимулов и налоговых вычетов;
- внедрение контрольно-кассовой техники для осуществления цифровизации процесса сбора информации;
- смягчение фискальной нагрузки на МСП [7. С. 199].

В теории политической экономии описаны следующие способы поддержки предпринимательства со стороны государства. Кейнсианский подход делится на две методологические школы: американскую и европейскую. Американские последователи Дж.М. Кейнса выступали за последовательное изменение налоговых ставок, тем самым либо стимулируя, либо ограничивая деятельность предпринимательства.

Стимулирование бизнеса должно было происходить через вложение значительного объема государственных средств в эту сферу. Европейская школы, представленная французским «дирижизмом», вдохновителем которого стал Фр. Перру, предполагала введение индикативного планирования для развития предпринимательства. Государство ставит целевые показатели в производстве, социальной политике, экспорте товаров, после чего поощряет предпринимателей, достигающих необходимых результатов. Другим подходом является монетаризм и его модификации, которые сформировались в экономической науке последней трети XX века последователями М. Фридмана. Этот подход заключается в стабилизации ситуации на рынке путём контроля за денежной массой. Предприниматели должны самостоятельно бороться за своё существование путём конкурентной борьбы друг с другом в условиях снижения государством своего воздействия в экономической сфере. Основание монетаризма лежит в убеждении, что рыночная экономика саморегулируема, и вмешательство государства будет только мешать её последовательному развитию, а ему самому необходимо проводить политику приватизации собственности. Соответственно, основными инструментами поддержки предпринимательства в этой системе станет денежно-кредитная политика, а не налоговое или административное воздействие.

Сравнивая эти концепции, мы видим, что подход, изложенный в майском указе Президента РФ 2018 года, больше основан на кейнсианском взгляде — сочетании американской и европейской школ. Политика в области поддержки предпринимательства проводится через введение разных налоговых режимов для бизнеса: общего режим налога обложения, упрощённой системы налогообложения, патентной системы налогообложения, налога на профессиональную деятельность (далее — ОРН, УСН, ПСН, НПД соответственно).

Результаты федеральной политики поддержки МСП на территории Ставропольского края с 10.05.2018 г. по 10.05.2023 г.

На данный момент основными видами хозяйственной деятельности, в которых также задействовано МСП в Ставропольском крае, являются: агропромышленный комплекс, промышленный и топливно-энергетический комплекс, туризм [8. С. 277]. Несмотря на большой экономический потенциал региона, он испытывает сложности в экономическом развитии: 26,7 млрд рублей Ставропольский край получил в качестве дотации от федерального уровня на новый 2022 год, из-за чего субъект РФ входит в десятку самых дотационных регионов России [9]. Конечно, нельзя сводить необходимость дотационной поддержки лишь к проблемам с развитием МСП в регионе, но это можно рассматривать как одно из логичных следствий.

В рамках общего вектора государства на поддержку предпринимательской инициативы в Ставропольском крае был создан ряд

организаций, ориентированных на тесную работу с малым и средним предпринимательством. В 2010 году создана Некоммерческая организация «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в Ставропольском крае», основной задачей которой стала выдача микрозаймов субъектам МСП под низкий процент. Так, за период деятельности Фонда было выдано 6197 микрозаймов на сумму более 6,5 млрд рублей [13]. На данный момент предоставляются разные виды займов, которые могут достигать суммы от 300000 до 5000000 рублей, со ставками, как правило, близкими к ключевой ставке Банка России. Также осуществляется поддержка демобилизованных участников СВО — для них существует специальный льготный заём «За наших».

Позже, в соответствии с курсом майских указов Президента 2012 года по улучшению состояния МСП будет создана Министерством экономического развития региона некоммерческая организация «Фонд поддержки предпринимательства в Ставропольском крае». Именно на базе этой структуры действует региональный центр «Мой бизнес», предоставляющий услуги и консультации по открытию своего дела. В их перечень входят консультации по антикризисной деятельности, услуги по популяризации продуктов предпринимателей, повышения квалификации предпринимателей и так далее [14].

Помимо специальных организаций была образована территория опережающего социально-экономического развития «Невинномысск», где налог на прибыль организаций в первые 5 лет реализации инвестиционного проекта составляет не более 5 % при стандартной ставке в 20 % [15]. Кроме того, в регионе расположен ряд индустриальных парков, которые представляют собой инфраструктуру для создания новых производств. Также правительство Ставропольского края проводит на конкурсной основе выделение субсидий на возмещение части затрат субъектов МСП, связанных с модернизацией производства [17].

В рамках вектора, заложенного майским указом Президента РФ 2018 года, в Ставропольском крае в том же году было принято постановление об утверждении государственной программы Ставропольского края «Экономическое развитие и инновационная экономика», целью которой стало привлечение инвестиций в регион. Количественной целью проекта стало достижение 0,27 млн человек, занятых в сфере МСП в 2022 году и другие количественные показатели [16].

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» строится на достижении количественного показателя 25 млн человек, задействованных в секторе МСП к 2024 году. Методика расчёта этого показателя включает в себя численность работников у юридических лиц — субъектов МСП, численность работников у индивидуальных предпринимателей, уникальное количество индивидуальных предпринимателей и уникальное количество плательщиков налога на профессиональный доход [10]. Здесь

мы видим противоречие с уже принятым Федеральным законом № 209, к которому мы обращались для определения субъектов, входящих в категорию МСП. Самозанятые, согласно данному НПА, не входят в это число. Тем не менее в последних редакциях методики лица, уплачивающие НПД, входят в численность вовлечённых в деятельность МСП, хотя самозанятые могут и не заниматься реальной предпринимательской деятельностью. Но мы должны рассмотреть динамику всех субъектов МСП, включая самозанятых, чтобы отразить результаты Ставропольского края в достижении этого основного показателя для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Опираясь на данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства [11], мы можем построить соответствующие графики, отражающие количественные изменения в структуре МСП Ставропольского края.

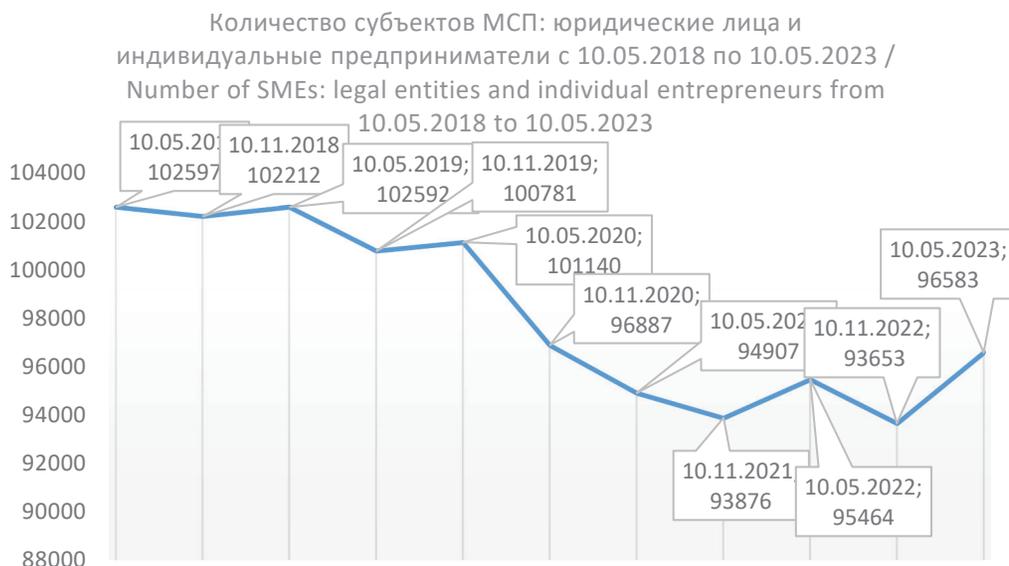

Рис. 1. Количество субъектов МСП: юридические лица и индивидуальные предприниматели с 10.05.2018 по 10.05.2023

Источник: [11].

Fig. 1. Number of SMEs: legal entities and individual entrepreneurs from 05.10.2018 to 05.10.2023

Source: [11].

Количество МСП без учёта самозанятых до начала пандемии «Covid-19» в Ставропольском крае было в своём пике 10.05.2018, то есть на момент опубликования майского указа Президента РФ. Затем происходит резкое снижение, что объясняется введёнными ограничениями во время пандемии. По последним данным количество субъектов МСП составляет 96583 ед. на 10.05.2023.

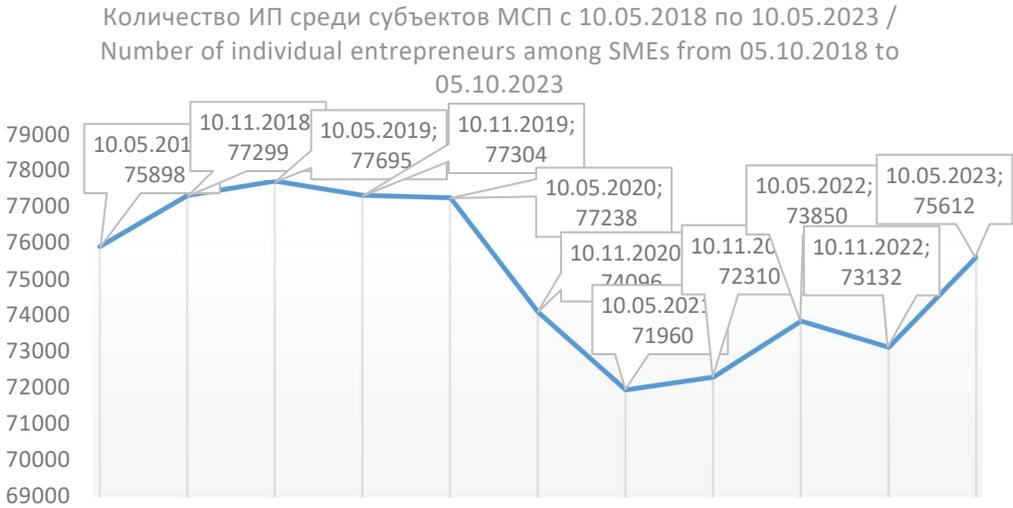

Рис. 2. Количество ИП среди субъектов МСП с 10.05.2018 по 10.05.2023

Источник: [11].

Fig. 2. Number of individual entrepreneurs among SMEs from 05.10.2018 to 05.10.2023

Source: [11].

Мы видим изменение количества индивидуальных предпринимателей за указанный период. График практически повторяет предыдущий: резкий спад в 2020 году и начало роста в 2022–2023 годах. На 10.05.2023 количество ИП лишь немного отстает от данных 10.05.2018–75612 ед., против 75898 ед.

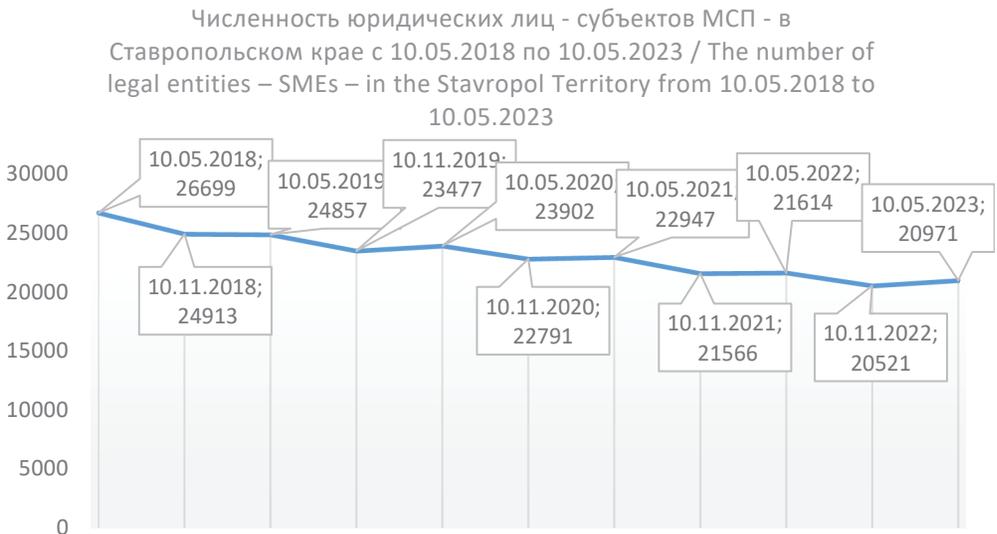

Рис. 3. Численность юридических лиц — субъектов МСП — в Ставропольском крае с 10.05.2018 по 10.05.2023

Источник: [11].

Fig. 3. The number of legal entities — SMEs — in the Stavropol Territory from 10.05.2018 to 10.05.2023

Source: [11].

На рис. 3 мы видим, что количество юридических лиц — субъектов МСП — последовательно сокращается практически на всех временных участках. Если 10.05.2018 их численность была 26699 ед., то 10.05.2023—20071 ед.

Рис. 4. Численность работников субъектов МСП с 10.05.2018 по 10.05.2023
 Источник: [11].

Fig. 4. Number of employees of SMEs from 05.10.2018 to 05.10.2023
 Source: [11].

Тренд численности работников юридических лиц и индивидуальных предпринимателей снижается с мая 2018 по май 2023 г., что также вызвано уменьшением общего числа субъектов МСП. Максимальное количество 228418 ед. было 10.05.2018 года, а наименьшее 200214 ед. — 10.05.2022 года.

Рис. 5. Численность физических лиц — плательщиков НПД без ИП с 30.09.2020 по 30.04.2023
 Источник: [11].

Fig. 5. The number of individuals — NAP payers without IP from 09.30.2020 to 04.30.2023
 Source: [11].

Последний рисунок отражает последовательный рост количества самозанятых в Ставропольском крае с момента их появления в регионе. Учитывая, что на численности самозанятых не могла отразиться пандемия, так как они сами стали отсчитываться в субъекте РФ с сентября 2020 года, мы видим, что эта форма вовлечения в структуру МСП наиболее релевантная для жителей Ставропольского края.

Из приведённых данных следует, что численность субъектов МСП согласно ФЗ № 209 сократилось: на 10.05.2018 года их количество составляло 102597, а на 10.05.2023—96583 ед. Несмотря на то, что в Ставропольском крае самозанятые появились только в июле 2020 года, их численность к 30.04.2023 года достигла 97993 чел., что больше, чем численность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц на 10.05.2023 года — 96583 ед. В свою же очередь количество юридических лиц — субъектов МСП — последовательно сокращается — вместо 26669 субъектов 10.05.2018 на 10.05.2024 г. в крае функционируют только 20971. Количество индивидуальных предпринимателей в последнее время увеличивается и достигло в мае 2023 года 75898 ед., но это примерно то же самое количество, что было в 2018 году — 75612 ед. Сокращается и количество работников, задействованных в секторе МСП — 228419 человек на 10.05.2018 против 203680 на 10.05.2023.

Из этих данных можно сделать промежуточный вывод, что существует противоречие между нормативно-правовыми актами: с точки зрения Федерального закона № 209 количество субъектов МСП в Ставропольском крае уменьшилось, и, наоборот, с точки зрения опубликованной методики численность населения, вовлечённого в деятельность МСП, увеличилась, но произошло это за счёт роста количества самозанятых. Кроме того, если мы используем данную методику для оценки реализации государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» в Ставропольском крае, то количественный показатель в 0,27 млн человек в 2022 году в регионе был достигнут ещё на момент её принятия: на 10.11.2018 года насчитывалось 30108 индивидуальных предпринимателей и работников субъектов МСП. Этот же показатель в 0,27 млн чел. остался неизменным в будущих редакциях программы. То есть региональные показатели качества исполнения государственных программ расходятся с показателями национального проекта по поддержке МСП, потому что, согласно федеральной методике, численность вовлечённых в МСП уже была достигнута на момент принятия программы.

Из графиков мы видим, что на количестве индивидуальных предпринимателей больше всего отразилась пандемия 2020 года, когда произошло их резкое снижение. Введение санкций в 2022 году не сказалось также негативно, как это было ранее, на количестве ИП, и на данный момент их количество растёт — приблизилось к показателям 2018 года. При этом количество юридических лиц — субъектов МСП — снижается практически на всех

временных отрезках графика. Отсюда мы можем сделать ещё один промежуточный вывод, что достижение показателей майских указов Президента РФ 2018 года будет связано в первую очередь с резким увеличением количества самозанятых, так как они также входят в методику расчёта численности людей, вовлечённых в деятельность МСП. Самозанятые находятся на специальном налоге режиме НПД, что намного привлекательнее других режимов — ОРН, УСН и ПСН.

Снижение количества юридических лиц в регионе говорит о неэффективности федеральных и региональных программ по поддержке среднего бизнеса. Базовым налоговым режимом для предпринимателей является для ОРН — налогообложения, который подразумевает 20 % налог на прибыль организаций, и 13 % для индивидуальных предпринимателей. УСН, где ставка налога составляет обычно 6 %, имеет свои ограничения: не более 100 работников, доходы не более 150 млн рублей в год. Мы уже указывали, что существует деление внутри МСП на микропредприятия, малые и средние. Одним из основных делений мы можем считать деление по численности и доходу. Средними предприятия могут считаться в случае, если количество работников внутри них находится от 100 до 150 человек. Таким образом, средние предприятия не попадают в критерий численности работников, и даже введенное превышение до 130 человек, не приводит к изменению ситуации. Также средние предприятия совершенно не попадают в критерий доходности, так как их доход может составлять от 800 млн до 2 млрд рублей. Средние предприятия в основном не смогут пользоваться специальным налоговым режимом УСН, а значит платить налог будут больше. Льготное налогообложение касается преимущественно ИП и самозанятых, так как для самозанятых будет существовать НПД, а для индивидуальных предпринимателей, попадающих под критерии малого предприятия, — УСН. Патентная система налогообложения предназначена только для индивидуальных предпринимателей.

Эта политика на территории Ставропольского края приводит к уменьшению количества юридических лиц, небольшого роста числа индивидуальных предпринимателей и резкому скачку среди самозанятых, которые необязательно будут заниматься на постоянной основе предпринимательской деятельностью. Существующая ТОСЭР не может резко изменить ситуацию, так как её выгодами могут пользоваться лишь ограниченное количество предпринимателей в Невинномысске. Остальные программы по поддержке предпринимательства: займы, консультационная поддержка, региональные субсидии — не останавливают снижение численности среднего бизнеса и лишь поддерживают на плаву малый и микробизнес.

Итоги реализации федеральной политики по поддержке МСП в регионе также отражены в ежегодных докладах Президенту РФ уполномоченного по защите прав предпринимателей [12]. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Ставропольском крае Кузьмин Кирилл Александрович зафиксировал следующие проблемы: недопонимание

между региональной властью, которая не реализует в полной мере вектор федеральной власти на облегчение ведения предпринимательской деятельности. Происходит рост налоговых и неналоговых платежей, увеличивается количество проверок, применяется безосновательное уголовное преследование предпринимателей. Также в докладе о деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Ставропольском крае за 2022 г. был проведен опрос представителей микро-, малого и среднего предпринимательства. Самой распространённой проблемой для развития было названо падение внутреннего спроса — 56,1 % [18].

Заключение

На примере Ставропольского края мы показали, что поддержка МСП, заявленная в майском указе Президента РФ от 07.05.2018 и реализующаяся через национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», в основном включает в себя льготы именно для микро- и малого бизнеса, но не среднего. Достижение количественного показателя для всей России в 25 млн человек, вовлечённых в деятельность МСП, на территории Ставропольского края возможно благодаря росту количества плательщиков налога на профессиональную деятельность — самозанятых, но не традиционных форм юридических лиц и индивидуального предпринимательства.

Таким образом, текущая политика поддержки МСП, напоминающая политику кейнсианства из-за большой роли налогов и субсидий, а также институтов консультационной и займовой поддержки, может действительно помочь в увеличении количества микро- и малого бизнеса на территории Ставропольского края, но без изменений в налоговой политике на федеральном уровне средний бизнес продолжит сокращение своей численности. Кроме того, есть несоответствия показателей программы «Экономическое развитие и инновационная экономика», реализуемой в регионе, и федеральной методики подсчёта численности, вовлечённых в деятельность МСП, согласно которой показатель в 0,27 млн человек был достигнут уже на момент принятия этой программы. Реализация федеральной поддержки на территории Ставропольского края имеет свои ограничения, что отражается в ежегодном докладе Президенту РФ уполномоченного по защите прав предпринимателей. Среди частых проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в Ставропольском крае, встречаются та же самая высокая налоговая нагрузка, частые налоговые проверки, уголовное преследование для предпринимателей. Эти события также приводят к снижению роста субъектов МСП в Ставропольском крае, за исключением самозанятых, которые в свою очередь могут не заниматься реальной предпринимательской деятельностью в отличие от индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Модель Вест-Мидленда, которой больше всего соответствует политика России по поддержке малого и среднего предпринимательства, неэффективна в условиях нашей страны, что было показано на примере Ставропольского края. Достижение количественных показателей весьма условное, так как включение самозанятых в методику расчёта численности населения, вовлечённого в МСП во многом «фиктивно». Самозанятые не входят в субъекты МСП согласно Федеральному закону № 209, а их появление было обусловлено необходимостью вывести из тени людей, предоставляющие свои услуги в частном порядке. Цели федеральной и региональной политики по поддержке МСП следует трансформировать от увеличения количества предпринимателей, вовлечённых в МСП, в сторону увеличения более качественных показателей: конкурентоспособность бизнеса, число желающих заняться предпринимательской деятельностью, доходность предприятия, количество сотрудников, распространение предпринимательского мышления среди населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
2. Денисов Б.А., Кашин В.А., Крылов В.К. Политическая экономия и история экономических учений. М.: ГУУ, 2011. С. 555.
3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (последняя редакция). Ст. 4. КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbdc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения: 15.05.2023).
4. Постановление от 15 апреля 2014 г. № 316 об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (с учётом изменений от 26 апреля 2023 г. № 657). URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravitelstva_rf_ot_15_aprelya_2014_g_n_316.html (дата обращения: 15.05.2023).
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 15.05.2023).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHvetyq7hfPO96.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).
7. Левишуква О.А., Захарова Д.П., Клевцова Д.В. Основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса на 2022 год // Вестник Академии знаний. 2022. № 50 (3). С. 197–202.
8. Акоюн К.А., Агоева М.М., Вирабова М.Р., Жоглина Е.В., Коваленко А.А. Основные тенденции экономического развития Ставропольского края. Образование и право. 2021. № 4. С. 275–280.
9. Федеральный закон «О Федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» от 06.12.2021 № 390-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (дата обращения: 17.05.2023).
10. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 1 ноября 2022 № 594 об утверждении методики расчёта показателя «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей». URL: <https://e-ecolog.ru/docs/mKTrPvhBO0lm9uGgEytSG/full> (дата обращения: 17.05.2023).

11. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.05.2023&level=0&fo=4&ssrf=26&t=1685872581501&t=1685872581501> (дата обращения: 17.05.2023).
12. Доклады Президенту РФ от уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2022.html (дата обращения: 17.05.2023).
13. Официальный сайт «МКК Ставропольский краевой фонд микрофинансирования». URL: <https://www.microfond26.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).
14. Официальный сайт «Фонд поддержки предпринимательства Ставропольского края». URL: <https://old.fppsk26.ru/> (дата обращения: 17.05.2023).
15. Официальный сайт Официальный сайт Министерства экономического развития Ставропольского края. URL: <https://stavinvest.ru/invest/toser-nevinnomysk-/> (дата обращения: 20.05.2023).
16. Постановление от 29 декабря 2018 года № 626-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Экономическое развитие и инновационная экономика»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550308484> (дата обращения: 20.05.2023).
17. О мерах государственной финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства (субсидии). URL: <https://stavinvest.ru/work/on-measures-of-state-financial-support/> (дата обращения: 20.05.2023).
18. Доклад о деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Ставропольском крае за 2022 год. URL: <http://n.ai26.ru/docs/doklad.html> (дата обращения: 20.05.2023).

REFERENCES

1. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and the Functioning of the Economy]. Moscow: Foundation for Economic Books “Beginnings”; 1997.
2. Denisov B.A., Kashin V.A., Krylov V.K. *Politicheskaya ekonomiya i istoriya ekonomicheskikh uchenii* [Political economy and the history of economic doctrines]. Moscow: GUU; 2011:555.
3. *O razvitií malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 24.07.2007 N 209-FZ (poslednyaya redaktsiya) St. 4* [About development of small and medium-scale business in the Russian Federation : Federal law from 24.07.2007 N 209-FZ (last edition) Art. 4.]. ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (accessed: 15.05.2023).
4. *Postanovlenie ot 15 aprelya 2014 g. № 316 ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika» (s uchetom izmenenii ot 26 aprelya 2023 g. № 657)* [Decree of April 15, 2014 № 316 on the approval of the state program of the Russian Federation «Economic development and innovation economy» (with amendments and additions)]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pravitelstva_rf_ot_15_aprelya_2014_g_n_316.html (accessed: 15.05.2023).
5. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2018 № 204 “O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda”* [Decree of the President of the Russian Federation from 07.05.2018 № 204 “On national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation for the period up to 2024”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (accessed: 15.05.2023).
6. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 2 iyunya 2016 g. № 1083-r* [Order of the Government of the Russian Federation from June 2, 2016 № 1083-r]. URL: <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf> (accessed: 15.05.2023).
7. Levshukova O.A., Zakharova D.P., Klevtsova D.V. *Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego biznesa na 2022 god* [Main directions of state support for small and medium business for 2022]. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;50(3):197-202.

8. Akopyan K.A., Agoeva M.M., Virabova M.R., Zhoglina E.V., Kovalenko A.A. Osnovnye tendentsii ekonomicheskogo razvitiya Stavropol'skogo kraya. Obrazovanie i parvo [Main tendencies of economic development of Stavropol Territory]. *Education and law*. 2021;4:275-280.
9. *Federal'nyi zakon «O Federal'nom byudzhete na 2022 god i na planovyi period 2023 i 2024 godov» ot 06.12.2021 № 390-FZ* [Federal Law “On the Federal Budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024” from 06.12.2021 № 390-FZ]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/ (accessed: 17.05.2023).
10. *Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii ot 1 noyabrya 2022 № 594 ob utverzhenii metodiki rascheta pokazatelya «Chislennost' zanyatykh v sfere malogo i srednego predprinimatel'stva, vklyuchaya individual'nykh predprinimatelei»* [Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of November 1, 2022 № 594 on the approval of the methodology of calculation of the indicator “The number of employed in the sphere of small and medium entrepreneurship, including individual entrepreneurs”]. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/mKTrPvhBO0lm9uGgEytSG/full> (accessed: 17.05.2023).
11. *Edinyi reestr sub'ektiv malogo i srednego predprinimatel'stva* [The unified register of subjects of small and medium entrepreneurship]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.05.2023&level=0&fo=4&ssrf=26&t=1685872581501&t=1685872581501> (accessed: 17.05.2023).
12. *Doklady Prezidentu RF ot upolnomochennogo pri Prezidente RF po zashchite prav predprinimatelei* [Reports to the President of the Russian Federation from the Presidential Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights]. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2022.html (accessed: 17.05.2023).
13. *Ofitsial'nyi sait «MKK Stavropol'skii kraevoi fond mikrofinansirovaniya»* [Official website of the “MKK Stavropol Regional Microfinance Fund”]. URL: <https://www.microfond26.ru/> (accessed: 17.05.2023).
14. *Ofitsial'nyi sait «Fond podderzhki predprinimatel'stva Stavropol'skogo kraya»* [Official website of the “Stavropol Krai Fund for the Support of Entrepreneurship”]. URL: <https://old.fppsk26.ru/> (accessed: 17.05.2023).
15. *Ofitsial'nyi sait Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Stavropol'skogo kraya* [Official website Official website of the Ministry of Economic Development of the Stavropol Territory]. URL: <https://stavinvest.ru/invest/toser-nevinnomyssk/> (accessed: 20.05.2023).
16. *Postanovlenie ot 29 dekabrya 2018 goda № 626-p «Ob utverzhenii gosudarstvennoi programmy Stavropol'skogo kraya «Ekonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ekonomika»»* [Decree of 29 December 2018 No. 626-p “On the approval of the state programme of the Stavropol Territory “Economic development and innovation economy”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550308484> (accessed: 20.05.2023).
17. *O merakh gosudarstvennoi finansovoi podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva (subsidii)* [On measures of state financial support for small and medium-sized enterprises (subsidies)]. URL: <https://stavinvest.ru/work/on-measures-of-state-financial-support/> (accessed: 20.05.2023).
18. *Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimatelei v Stavropols'kom krae za 2022 god* [Report on the activities of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Stavropol Territory in 2022]. URL: <http://n.ai26.ru/docs/doklad.html> (accessed: 20.05.2023).

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — директор Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при правительстве РФ, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Алексеенко Данил Алексеевич — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве РФ (ORCID ID: 0000-0002-5563-5738) (e-mail: aleksdan101@yandex.ru).

Колесников Владислав Алексеевич — студент Института промышленного и гражданского строительства Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (ORCID ID: 0000-0002-5563-5738) (e-mail: vladislav.ko9@mail.ru).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — Director of the Institute of Global Studies, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor of State and Municipal Management Department, State University of Management (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Danil A. Alekseenko — Student at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-5563-5738) (e-mail: aleksdan101@yandex.ru).

Vladislav A. Kolesnikov — Student of Institute of Industrial and Civil Engineering of National Research Moscow State University of Civil Engineering (ORCID ID: 0009-0007-7850-9447) (e-mail: vladislav.ko9@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-347-356

EDN: WZUETX

Научная статья / Research article

Государственная политика в сфере занятости населения: региональный аспект

Е.А. Маслюкова , М.В. Александрова , О.В. Юткина

Российский государственный университет правосудия,
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69

 katrinamas@mail.ru

Аннотация. Изложены результаты исследования региональных особенностей проведения государственной политики в сфере занятости населения. Проведен мониторинг основных показателей рынка труда г. Москвы, структуры безработных по возрастным группам и структуры занятых по уровню образования в г. Москве. Сделан вывод о наличии основной проблемы на рынке труда в городе Москве, проявляющейся в высоком уровне безработицы среди молодежи в возрасте от 20 до 39 лет с высшим и средним специальным образованием. В целях повышения занятости среди молодежи предлагается организация профессиональной ориентации школьников, повышение информированности обучающихся вузов о наличии профильных вакансий, обучение выпускников навыкам самопрезентации и усиление информирования работодателей о возможности получения льгот при трудоустройстве выпускников.

Ключевые слова: государственное политика, занятость населения, рынок труда, безработица среди молодежи, структура безработных

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.04.2023. Принята к публикации: 04.07.2023.

Для цитирования:

Маслюкова Е.А., Александрова М.В., Юткина О.В. Государственная политика в сфере занятости населения: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 347–356. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-347-356>

State Policy in the Field of Employment: Regional Aspect

Ekaterina A. Maslyukova , Margarita V. Alexandrova ,
Olga V. Yutkina

Russian State University of Justice,
69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russian Federation, 117418

 katrinamas@mail.ru

Abstract. The study presents the results of a study of the regional peculiarities of the state policy in the field of employment. The monitoring of the main indicators of the Moscow labor market, the structure of the unemployed by age groups and the structure of the employed by the level of education in Moscow was carried out. It is concluded that there is a major problem in the labor market in the city of Moscow, manifested in a high level of unemployment among young people aged 20 to 39 years with higher and secondary specialized education. In order to increase employment among young people, it is proposed to organize joint events by the management of secondary schools and regional employment services to address issues of vocational guidance of schoolchildren, increase awareness of university students about the availability of specialized vacancies, train graduates in self-presentation skills that promote employment and strengthen employers' awareness of the possibility of obtaining benefits when graduates are employed.

Keywords: public policy, employment, labor market, youth unemployment, structure of the unemployed

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.04.2023. The article was accepted on 04.07.2023.

For citation:

Maslyukova E.A., Alexandrova M.V., Yutkina O.V. State Policy in the Field of Employment: Regional Aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):347–356. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-347-356>

Введение

В современных условиях эффективное развитие региональной экономики во многом зависит от функционирования рынка труда, особенностей его регулирования, уровня занятости различных категорий населения, качества и уровня квалификации трудовых ресурсов.

Основными приоритетами в управлении трудовыми ресурсами должны быть:

- формирование активных и преданных предпринятию работников, в том числе молодежи, заинтересованной в его процветании, через их участие в управлении или собственности, планирование деловой карьеры, реализацию их способностей в процессе труда;

- согласование критериев мотивации персонала с целями предприятия;
- создание условий для внештатной карьеры работников, желающих проявить себя в работе во временных проектах по соответствующему росту уровня оплаты труда [1].

Цель научного исследования — мониторинг основных показателей рынка труда города Москвы и определение направлений совершенствования политики в сфере занятости населения.

Методы исследования включают общенаучные методы и подходы, прежде всего системный, правовой, сравнительный, а также ситуационный и статистический анализ, информационно-аналитический и графический методы.

Результаты. Современное состояние конъюнктуры рынка труда России характеризуется сокращением численности рабочей силы в стране, отсутствием системной взаимосвязи профессионально-квалификационной структуры подготовки кадров с потребностями рынка труда, низким уровнем мобильности национальной рабочей силы, дефицитом рабочей силы по отдельным видам и сферам деятельности, что требует государственного участия в решении проблем занятости населения [2].

В целях повышения уровня защищенности и расширения возможностей трудоустройства безработных граждан в России реализуется государственная политика в сфере занятости населения. При этом в каждом регионе существуют особенности, которые необходимо принимать во внимание при разработке региональных программ, что позволит повысить эффективность государственных инструментов политики занятости.

Так, например, в целях обеспечения развития рынка труда и содействия занятости населения города Москвы разработана подпрограмма «Развитие рынка труда и содействие занятости населения». Основными задачами подпрограммы являются: сохранение низкого уровня показателя «уровень регистрируемой безработицы»; увеличение числа граждан, обратившихся в службу занятости как к крупнейшему оператору по поиску работы; повышение уровня трудоустройства граждан, обратившихся в службу занятости населения города Москвы; повышение конкурентоспособности на рынке труда граждан, имеющих трудности в поиске работы; снижение уровня бедности через технологию социального контракта и трудоустройства с доходом, позволяющим выйти из бедности; развитие сети службы занятости населения города Москвы.

Изучение показателей рынка труда г. Москвы в 2020–2022 гг. свидетельствует о ежегодном росте численности населения в городе. Так, в 2020 году этот показатель составлял 12 678 тыс. чел., в 2021 году — 12 655 тыс. чел., а в 2022 году численность населения составляла 13 015 тыс. чел. Безработных в 2022 году насчитывалось 28,1 тыс. чел., в то время как в 2021 году их количество составляло 37,2 тыс. чел. (75,5 %). Установленная среднемесячная заработная плата увеличилась и в 2022 году составила 111 900 рублей, что на 8,5 % выше показателя 2021 г.

Табл. 1 / Table 1

Основные показатели рынка труда г. Москвы в 2020–2022 гг.
The main indicators of the Moscow labor market in 2020-2022

Показатели / Indicators	Единица измерения / Unit of measurement	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Темп роста, % / Growth rate, %	
					2022 г. к 2020 г. / 2022 by 2020	2022 г. к 2021 г. / 2022 by 2021
Общая численность населения / Total population	тыс. чел. / thousand rubles	12 678	12 655	13 015	103,1	100,7
Численность занятого населения / Number of employed population	тыс. чел. / thousand rubles	7 147	7 150	7 116	99,6	99,5
Численность безработного населения / Number of unemployed population	тыс. чел. / thousand rubles	96,4	37,2	28,1	29,1	75,5
Уровень зарегистрированной безработицы / Registered unemployment rate	%	1,32	0,5	0,39	-	-
Уровень безработицы по МОТ / Unemployment rate according to the ILO	%	5,9	4,3	3,7	-	-
Среднемесячная номинальная зарплата / Average monthly nominal salary	тыс. руб. / thousand rubles	93,1	103,1	111,9	120,2	108,5
Количество рабочих мест / Number of jobs	тыс. / thousand	7 987	8 101	8 350	104,5	103,1

Источник: [3]

Source: [3]

Анализ показателей, приведенных в таблице 1, говорит о том, что численность населения в г. Москве в 2022 г., по сравнению с 2021 г., увеличилась почти на 1 %, но при этом численность занятого населения сократилась на 0,5 %. Обращает внимание, что значения показателей уровень зарегистрированной безработицы и уровень безработицы, определяемый Международной

организацией труда, не совпадают, что свидетельствует о высокой доле безработных, официально не зарегистрированных в государственных службах занятости.

Мониторинг данных Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области позволил выявить, что в структуре безработных Москвы в 2021 году незанятые в возрасте от 15 до 19 лет составляли 3 %, в возрасте от 20 до 29 лет — 24,9 %, в возрасте от 30 до 39 лет — 25 % от общего числа безработных г. Москвы, от 40 до 49 лет — 16 %, безработные в возрасте от 50 до 59 лет составляют — 23,2 % от общего числа (рис. 1).

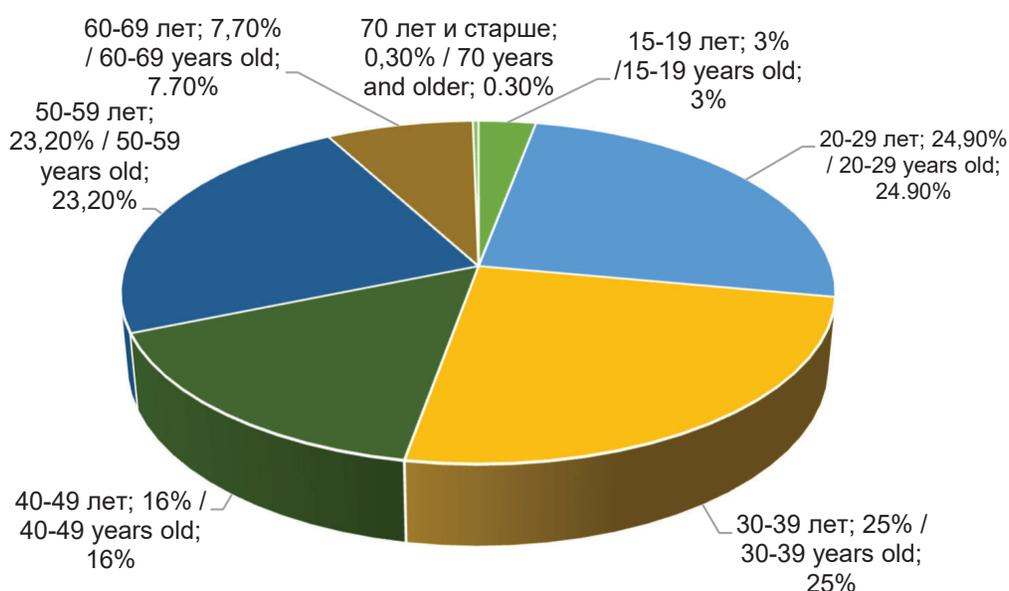

Рис. 1. Структура безработных по возрастным группам в 2021 г., %
 Источник: [3].

Fig. 1. Structure of unemployed by age group in 2021, %
 Source: [3].

Обращает внимание, что половина безработных Москвы в 2021 году имело высшее образование и среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов среднего звена. Безработные, имеющие среднее профессиональное образование по программе подготовки специалистов, составляют 25,1 % от общей численности безработных, безработные со средним профессиональным по программе подготовки квалифицированных работников 15,3 %, в то время как безработное население со средним общим образованием составляют 18,2 %, с основным общим образованием — 5,6 %, а доля безработных, не имеющих образование составляет 0,4 % (рис. 2).

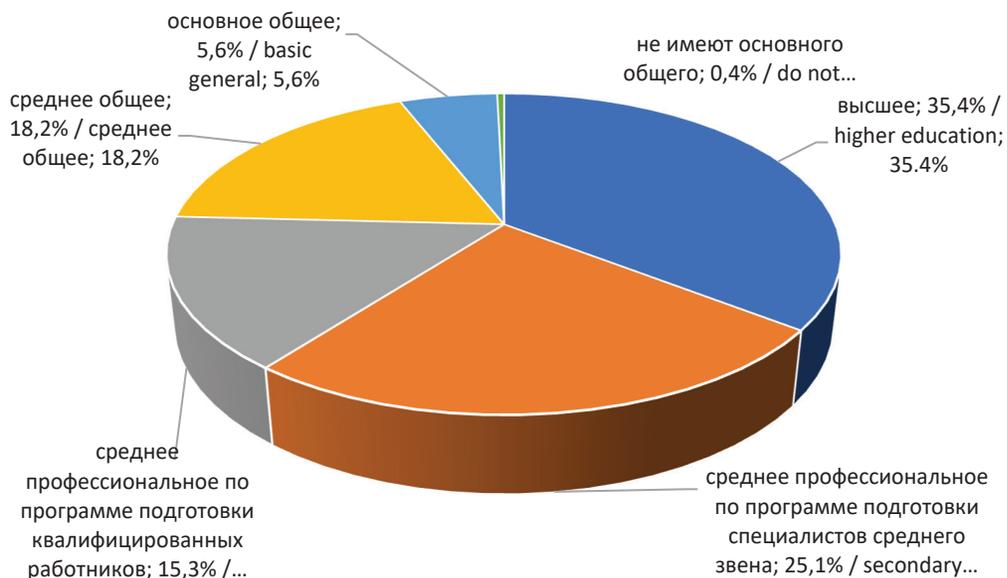

Рис. 2. Структура занятых по уровню образования в г. Москве в 2021 г., %

Источник: [3].

Fig. 2. Structure of employed by level of education in Moscow in 2021, %

Source: [3].

Таким образом, портрет среднестатистического безработного москвича имеет следующие характеристики: возраст от 20 до 39 лет, уровень образования — высшее или среднее профессиональное.

Обсуждение

В рамках исследования был проведен социологический опрос, в котором приняло участие 150 респондентов-соискателей, состоящих из лиц трудоспособного возраста. В опросе приняли участие лица в возрасте от 25 до 45 лет. По результатам опроса среди респондентов 50 % имеют высшее образование (в том числе и ученую степень), 19 % — не имеют законченного образования, остальные 31 % — среднее профессиональное образование. Только 15 % ответили, что нашли место с помощью службы занятости. Остальные ответили, что им не предложили никаких вакансий, хотя их образование и специальность востребованы на рынке труда.

Среди причин отказа опрошенные отмечают:

- не было вакансий для специалистов с такой высокой должностью, уникальной специальностью или высокой квалификацией — 15,5 % опрошенных;
- предложенные вакансии не соответствовали специальности — 45,5 % опрошенных;
- не устроил размер оплаты труда — 39 % опрошенных.

По данным социологического опроса, можно сделать вывод о недоверии населения к деятельности региональных служб занятости.

Таким образом, рынок труда России характеризуется постепенным сокращением численности трудоспособного населения как следствием естественного сокращения численности населения страны и одновременном увеличении численности населения пенсионного возраста. Существующие демографические тенденции приводят к расширению использования на рынке труда рабочей силы возраста старше трудоспособного [2].

В настоящее время около 834 тысяч человек (37,9%), окончивших образовательные учреждения, из числа молодежи в возрасте до 29 лет являются безработными. В этой связи профессиональная ориентация молодежи должна играть более существенную роль при формировании спроса на образовательные услуги, обуславливая тем самым более высокую занятость выпускников образовательных учреждений и обеспеченность экономики необходимыми кадровыми ресурсами [4].

В рамках исследования необходимо проанализировать структуру безработных по способам поиска работы. Так, в 2021 году почти 73% населения при поиске работы обращались к знакомым и друзьям, около 54% — воспользовались интернет-ресурсами, напрямую обратились к работодателям чуть более 20% опрошенных, и только 36% воспользовались услугами службы занятости (рис. 3).

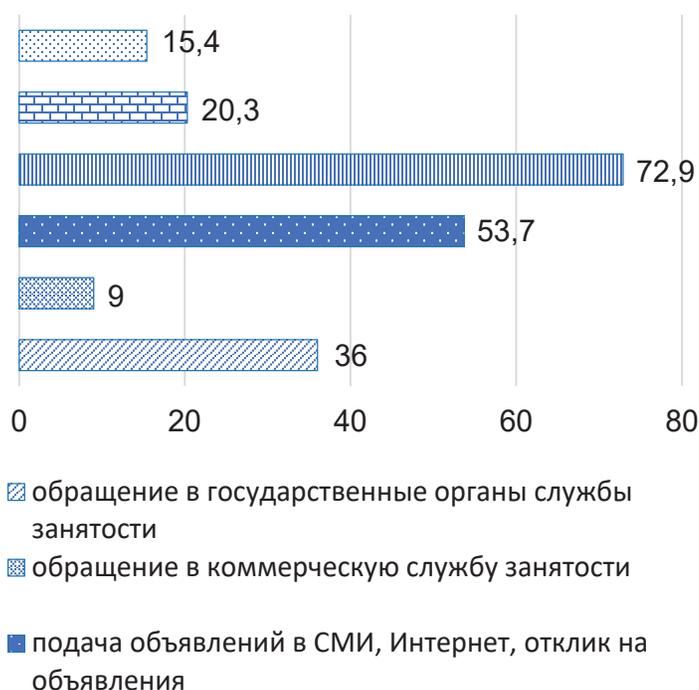

Рис. 3. Распределение респондентов по способу поиска работы в 2021 г., %

Источник: [3].

Fig. 3. Distribution of respondents by job search method in 2021, %

Source: [3].

Полученные данные еще раз подтверждают низкий уровень доверия населения к деятельности служб занятости, в том числе в неоправданных ожиданиях качества рабочих мест. Так же молодежь не устраивает низкая заработная плата в государственных и муниципальных службах, а также отсутствие возможности для карьерного роста.

Необходимо отметить, что в государственных службах слабо используется планирование продвижения по карьерной лестнице, равно как и условия мотивации муниципального служащего. Непосредственно карьерный рост считается вспомогательным способом формирования мотивации у муниципального служащего [5].

Таким образом, анализ показателей рынка труда г. Москвы и структуры безработного населения позволил выявить следующие проблемы и сформулировать направления для их решения.

Основной проблемой при реализации государственной политики в сфере занятости населения является высокий уровень безработицы среди населения в возрасте от 20 до 39 лет с высшим и средним специальным образованием. Данная ситуация объясняется несоответствием реализуемых направлений подготовки образовательных учреждений и численности выпускников реальному спросу на рынке труда. Ввиду этого наблюдается ежегодное увеличение роста индекса безработицы среди выпускников профессиональных учебных учреждений.

В этой связи необходимо проведение совместных мероприятий руководством средних школ и региональными службами занятости по решению вопросов профессиональной ориентации школьников. Данное мероприятие должно быть направлено в первую очередь на выпускников 9 и 11 классов общеобразовательных школ. Профорientация позволит школьникам более осознанно выбрать свою будущую профессию.

В период обучения в высших учебных заведениях следует повышать информированность обучающихся о наличии вакансий и возможности прохождения стажировок по профилю обучения в организациях, с которыми сотрудничают учебные учреждения на договорной основе.

Также необходимо проводить обучение выпускников навыкам самопрезентации при трудоустройстве, в том числе с участием представителей ведущих рекрутинговых компаний России. Необходимо отметить, что благодаря проведению тренингов и мероприятий по самопрезентации студенты получают навыки составления портфолио и резюме, осваивают умения презентации своих деловых и личностных качеств, повысят стрессоустойчивость при прохождении собеседования.

Еще одним направлением решения проблемы трудоустройства молодежи является выделение субсидий для работодателей, принимающих на работу выпускников. С этой целью уже предусмотрено стимулирование работодателей путем выделения субсидий из бюджета для покрытия расходов на заработную плату трудоустроенных по квоте выпускников. Для дальнейшего развития данного направления необходимо усилить

информирование работодателей о возможности получения льгот при трудоустройстве выпускников.

Предлагаемые меры по совершенствованию регионального управления в сфере занятости населения будут способствовать снижению безработицы среди молодежи, повышению уровня доверия населения к деятельности государственных служб занятости, привлекательности вакансий, предоставляемых государственными и муниципальными организациями и повышению престижа работы в государственной службе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Башлыкова Ю.Л., Ершова Н.А. Система и методы управления трудовыми ресурсами // В сборнике: Тенденции и перспективы государственного управления социально-экономическим развитием регионов и территорий: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2018. С. 31–35.
2. Маслюкова Е.А., Юткина О.В., Александрова М.В. Особенности конъюнктуры рынка труда России в современных условиях // *Russian Journal of Management*. 2022. Т. 10. № 2. С. 71–75. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-71-75>
3. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2023).
4. Маслюкова Е.А., Савина А.И. Особенности формирования рынка труда в России на современном этапе // Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 2020. С. 100–108.
5. Александрова М.В., Волкова А.В. Мотивация труда государственных и муниципальных служащих в условиях инновационного развития экономики // Актуальные вопросы развития инновационной экономики: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией В.А. Трифонова, Я.В. Паттури. Великий Новгород, 2019. С. 19–23.

REFERENCES

1. Bashlykova Yu.L., Ershova N.A. Sistema i metody upravleniya trudovymi resursami [System and Methods of Human Resources Management]. *Trends and Prospects of Public Administration of Socio-economic Development of Regions and Territories*. Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow; 2018:31–35 (In Russ.).
2. Maslyukova E.A., Yutkina O.V., Alexandrova M.V. Osobennosti kon'yunktury rynka truda Rossii v sovremennykh usloviyakh [Features of the Russian Labor Market Conjuncture in Modern Conditions]. *Russian Journal of Management*. 2022;10(2):71–75 (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-2-71-75>
3. Department of the Federal State Statistics Service for Moscow and the Moscow region. URL: <https://77.rosstat.gov.ru/> (accessed:10.04.2023) (In Russ.).
4. Maslyukova E.A., Savina A.I. Osobennosti formirovaniya rynka truda v Rossii na sovremennom etape [Features of the Formation of the Labor Market in Russia at the Present Stage]. *Transformation of the National Socio-economic System of Russia*. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Moscow; 2020:100–108 (In Russ.).
5. Alexandrova M.V., Volkova A.V. Motivatsiya truda gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Motivation of Work of State and Municipal Employees in the Conditions of Innovative Economic Development]. *Topical Issues of Innovative Economy Development*. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Edited by V.A. Trifonov, Y.V. Patturi. Velikiy Novgorod; 2019:19–23 (In Russ.).

Информация об авторах:

Маслюкова Екатерина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (ORCID ID: 0000-0003-3474-3833) (e-mail: katrinamas@mail.ru).

Александрова Маргарита Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (ORCID ID: 0000-0002-9564-302X) (e-mail: 4664290@mail.ru).

Юткина Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия (ORCID ID: 0000-0001-8119-5257) (e-mail: olga_yutkina@mail.ru).

Information about the authors:

Ekaterina A. Maslyukova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3474-3833) (e-mail: katrinamas@mail.ru).

Margarita V. Alexandrova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9564-302X) (e-mail: 4664290@mail.ru).

Olga V. Yutkina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Russian State University of Justice (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8119-5257) (e-mail: olga_yutkina@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-357-366

EDN: WZSPSR

Научная статья / Research article

Городские сообщества как группы интересов в локальной политике: концептуальный анализ

А.И. Кольба , Э.В. Орфаниди

Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, Ставропольская ул., 149

 alivka2000@mail.ru

Аннотация. Городские сообщества выступают в локальной политике как одна из разновидностей групп интересов. Рассматриваются каналы и возможности их влияния на формирование политической повестки дня. Анализируются ресурсы взаимодействия сообществ с другими политическими субъектами. Успешность сообществ в защите групповых интересов оценивается с точки зрения двух типов факторов — внутренних, отражающих состояние и ресурсную базу самих сообществ, и внешних, в первую очередь институциональных. Выявлены практики влияния городских сообществ на локальную политику, а также степень и барьеры участия в политических процессах крупных городов в современной России.

Ключевые слова: городские сообщества, группы интересов, городской конфликт, принятие политических решений, городской политической режим

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.03.2023. Принята к публикации: 24.05.2023.

Для цитирования:

Кольба А.И., Орфаниди Э.В. Городские сообщества как группы интересов в локальной политике: концептуальный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 357–366. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-357-366>

Urban Communities as Interest Groups in Local Politics: A Conceptual Analysis

Alexey I. Kolba , Elvira V. Orfanidi

Kuban State University,
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350040

 alivka2000@mail.ru

Abstract. Urban communities are one of the varieties of interest groups in local politics. The study examines the channels and the possibilities of their influence on the political agenda formation. The resources of interaction communities with other political subjects are analyzed. The success of communities in protecting group interests is assessed in terms of factors of two types — internal, reflecting the state and resource base on the communities themselves, and external, primarily institutional. The influence practices in the urban communities on local politics, as well as the degree and barriers to participation in the political processes in large cities in modern Russia are revealed.

Keywords: urban communities, interest groups, urban conflict, political decision making, urban political regime

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 09.03.2023. The article was accepted on 24.05.2023.

For citation:

Kolba A.I., Orfanidi E.V. Urban Communities as Interest Groups in Local Politics: A Conceptual Analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):357–366. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-357-366>

Введение

Роль городских сообществ в политических процессах локального уровня в настоящее время является предметом весьма активных научных дискуссий. Среди обсуждаемых проблем, в частности, рассматриваются возможности их участия в принятии политических решений по различным вопросам развития городов. Разногласия, несовпадение точек зрения на использование городского пространства, неспособность систем управления городами согласовать интересы различных субъектов становятся причиной многочисленных конфликтов. С позиций теории городского конфликта одним из важных механизмов управления ими может быть обеспечение доступа к обсуждению проектов принимаемых решений представителей значимых в городской среде групп интересов. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о том, каким образом городские сообщества могут выступать как группы интересов локального уровня, какие политические институты и механизмы необходимы для этого. Представленное исследование посвящено концептуальному анализу этой проблемы.

Особенности реализации групповых интересов на локальном уровне политики

Городские сообщества традиционно рассматриваются учеными и экспертным сообществом как важные субъекты городской политики и изменений. Одно из важных направлений научного анализа их активности сложилось в рамках исследований городского конфликта [1–3]. При этом наибольшее внимание уделяется таким аспектам деятельности сообществ, как формирование стратегий поведения в конфликтах, сценарии их развития, влияние конфликтов на решение проблем городского пространства и на развитие самих сообществ, участие в переговорных процессах и т.д. Рассмотрение этих проблем происходит как в контексте возможностей согласования интересов (коллаборативное, адвокативное планирование и др.), так и в рамках более конфликтных сценариев в духе борьбы за «право на город».

Последний особенно интересен тем, что отражает существующее неравенство различных сегментов городского населения относительно реализации своих интересов в пространстве города, обусловленное институциональными и ресурсными ограничениями. Как отмечают исследователи, возможности участвовать в конфликтах и решениях относительно существующих в городском пространстве противоречий неравномерно распределяются между различными слоями и группами населения городов [4]. При этом граждане считают процессы формирования политики менее легитимными, если некоторые ключевые заинтересованные стороны имеют в консультациях приоритет над другими [5]. Это неравенство, фиксируемое как на концептуальном, так и на эмпирическом уровне, требует анализа в контексте возможностей организованного представления различных интересов в городской политике, каналах и ресурсах политического влияния её «игроков», в частности, городских сообществ.

Взаимодействие групп интересов и органов власти на локальном уровне имеет определённые отличия от схожих видов отношений на более высоких «этажах» политической системы. В частности, группы интересов в местной политике активнее используют механизмы прямого, а не опосредованного, например, через политические партии, взаимодействия с представительной и исполнительной властью [6; 7]. Ряд исследований демонстрирует, что в условиях плюралистического режима городского управления бизнес-структуры, ведущие деятельность на территории города, зачастую имеют не большее влияние, чем объединения граждан (соседские, экологические, религиозные, профсоюзы и др.) [8]. Это также является существенной особенностью локальной политики. Кроме того, в качестве существенных характеристик деятельности местных групп интересов выделяют более низкий уровень конкуренции по поводу реализации той или иной государственной политики и более низкий уровень знаний и участия граждан на субнациональном уровне, что создает условия, которые более благоприятны для групповой активности [9]. Таким образом, роль групп интересов в муниципальной политике весьма значима, и значительную

часть городских конфликтов можно рассматривать в контексте их влияния на решение актуальных проблем города.

Существенной характеристикой возможностей политического влияния групп интересов на местном уровне является наличие каналов взаимодействия с органами представительной и исполнительной власти. Степень, в которой заинтересованные группы получают доступ к политикам, часто объясняется сосредоточением внимания на обмене ресурсами в диадических отношениях между заинтересованными группами и политиками, а также способностью создавать коалиции [10]. В то же время сообщества, на основе лоббирования получающие доступ к распределяемым государственными или муниципальными властями ресурсам, становятся более рентабельными, что проявляется в мобилизации их социального капитала и конвертации его в политическое влияние в борьбе за дальнейшее расширение такого доступа [11]. Значительным фактором с точки зрения доступа к влиянию на проводимую политику также является «плотность» групп интересов в определённой области [12].

Х. Клювер отмечает, что длительность существования группы интересов в политическом пространстве зависит от двух ключевых факторов: общественной значимости представляемых интересов и степени их концентрации в рамках определённого сектора экономики, территории и т.д. [13]. Таким образом, успешность городских сообществ в защите своих интересов зависит от наличия собственных ресурсов (человеческого, социального, политического и других видов капитала), так и от сочетания внешних факторов, связанных с институциональным дизайном и политической конкуренцией в сфере взаимодействия заинтересованных сторон. Исходя из комплекса указанных условий складываются определённые практики их участия в локальной политике и влияния на процессы принятия решений.

Практики влияния городских сообществ на локальную политику

Одним из зримых проявлений политического влияния городских сообществ на местном уровне является городской активизм, проявляющийся как в деятельности отдельных горожан, так и в возникновении активистских движений. Последнее связано с реакцией на внешние воздействия, угрожающие разрушением сложившихся городских сообществ (со стороны властей или бизнеса), потенциалом самоорганизации, в частности, наличием низовых связей (дружеских, соседских и др.). Зачастую социальные инициативы подобного типа имеют антиинституциональную ориентацию, противопоставляя себя более формализованным организациям (НКО, профсоюзы и др.) и опираясь на сетевые способы коммуникации и управления [14]. Их развитие отражает концепт критического планирования в городской конфликтологии [15]. Степень их влияния на формирование

городской политики в отношении актуальных проблем, как правило, зависит от возможности обеспечить достаточно массовое и организованное участие в проводимых акциях. Отсутствие централизованного руководства, а в некоторых случаях — и признаваемого большинством участников лидерства является преимуществом с точки зрения гибкости структуры, но может препятствовать артикуляции и продвижению конструктивных требований, необходимых для участия в принятии решений.

Ещё один возможный аспект влияния связан с взаимодействием с политическими организациями, действующими на местном уровне. К таковым прежде всего можно отнести политические партии. В целом отношения между группами интересов и политическими партиями рассматриваются в политической науке как сложный комплекс формальных и неформальных связей, основанных на идеологической близости и возможности обмена ресурсами [16], что позволяет партиям участвовать в процессе лоббирования групповых интересов, не слишком отклоняясь от собственного политического курса [17]. На местном уровне, как уже отмечалось, необходимость взаимодействия с политическими партиями не столь велика для сообществ, однако оно может быть значимым: партии могут кооптировать в свои ряды городских активистов, а те, в свою очередь, придать определённый политический статус себе и своей деятельности.

Традиционно политическое влияние осуществляется через институты представительной власти, которые рассматриваются в качестве основных площадок для лоббизма. Корпоративный тип представительства интересов в данных структурах зачастую подвергается критике, однако, как уже упоминалось, способствует легитимации принимаемых решений. В политологических исследованиях распространено мнение, что связь депутатов местных legislатур с гражданами является более тесной в силу пространственной близости. Однако ещё в 1985 г. Г. Эбни и Т. Лаут поставили под сомнение это утверждение, отмечая, что степень чувствительности местной власти к требованиям групп интересов в большей мере определяется институциональными условиями [18]. В целом нет оснований считать, что муниципальные парламенты «по умолчанию» могут быть площадками для преимущественного отстаивания интересов сообществ.

Теоретически эффективными для реализации общественных интересов могут быть институты прямой демократии на муниципальном уровне, в частности, публичные слушания. Однако в исследованиях их функционирования часто отмечается, что обсуждение в ходе слушаний имеет преимущественно формальный характер и мало влияет на принятие муниципальных актов [19]. Ограничивает возможности для участия в принятии решений, рекомендательный характер принимаемых в режиме «консультативной демократии» [20] заключений, а также необходимость достаточно высокого развития профессиональных навыков оценки и критики обсуждаемых проектов (чаще всего данный механизм принимается в градостроительных и инфраструктурных решениях).

В последние десятилетия отмечается рост влияния на принятие политических решений сетевых взаимодействий. Ряд исследователей отмечает весьма значимую роль общественных ассоциаций и некоммерческих организаций в формировании сетей по конкретным проблемам на муниципальном уровне, хотя ключевыми акторами управления все-таки остаются бюрократические структуры [21]. Данный тип взаимодействия может быть описан как гетерархия [22], где инициаторами формирования новых связей могут выступать как властные, так и общественные структуры [23]. Однако само по себе включение городских сообществ в сетевые структуры не гарантирует возможности отстаивать свои интересы в процессе принятия решений. Важно наличие ресурсов, позволяющих оказать влияние на центры их принятия.

В связи с растущими темпами цифровизации политики, в том числе и на городском уровне, всё более распространёнными становятся цифровые сетевые способы взаимодействия с органами власти, в первую очередь исполнительной. Они в некоторых случаях могут стать наиболее коротким путём к реализации интересов соответствующими группами. Формируется «гибридное пространство коммуникаций» [24]. Для городских сообществ это открывает определённые перспективы, о чём косвенно свидетельствует распространение групп, посвящённых городским проблемам, в социальных сетях. Во многом перемещается на цифровые платформы и городской активизм. Однако, как отмечают исследователи, это также создаёт определённые проблемы: в частности, цифровые практики отчуждают пользователей от реальных протестных действий, а различия в доступе к ним порождают новые формы цифрового неравенства и социальные дистанции [25].

Возможности и ограничения реализации групповых интересов городских сообществ в крупных городах современной России

Таким образом, городские сообщества имеют возможность «входа» в формирование актуальной повестки дня в локальной политике. При этом их «удельный вес» может ограничиваться рядом факторов, связанных с численностью, структурой и деятельностью самих сообществ. Так, агрегирование интересов и артикулирование требований в публичной сфере требуют достаточного уровня организованности и наличия лидеров, имеющих полномочия представлять сообщество. Для продвижения интересов сообщества необходимы социальные и экономические ресурсы. Важным фактором является численность сообщества и наличие активного «ядра» участников, что обеспечивает репрезентативность представительства интересов.

Большое значение имеют и внешние факторы, связанные политико-режимными характеристиками пространства публичной политики. В частности, на муниципальном уровне они проявляются в функционировании

городских политических режимов, представляющих собой различного типа коалиции с участием городских властей, бизнеса, действующего на территории города, и, возможно, городских сообществ, которые в этом случае получают возможность выражать и отстаивать свои интересы. Наличие в составе коалиции сообществ, степень их участия в формировании повестки дня, принятия и реализации решений в данном случае являются маркерами влияния.

Как отмечают российские исследователи, в крупных российских городах в 2010-х гг. происходит унификация локальных политических порядков, связанная с централизацией власти и сокращением автономии городов. В большинстве из них устанавливаются политически неконкурентные городские режимы, в которых бизнес преимущественно связан с партией власти [26]. Как правило, бизнес широко представлен в городских структурах представительной власти, чему способствует внедрение смешанной системы их избрания, а также часто находится в особых отношениях с городскими администрациями.

Способность городских сообществ в этих условиях мобилизоваться и оказывать существенное влияние на принятие решений связана с достаточной плотностью организационных структур [27] (НКО, отделения политических партий, низовые движения, соседские сообщества), которой не наблюдается в большинстве крупных российских городов. Данное обстоятельство также препятствует кооптации более или менее значительной части активистов в структуры публичной политики.

В целом роль городских сообществ как групп интересов и их влияние на формирование повестки дня и принятие решений по вопросам, связанным с городскими конфликтами, весьма ограничена. Она в основном сводится к позиции «внимательной публики», которая участвует в публичном дискурсе, однако слабо включена в процессы выбора альтернатив, их утверждения и реализации решений, активизируясь на стадии обратной связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (2). С. 239–252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>
2. Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (2). С. 205–222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>
3. Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 31 (4). С. 33–56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
4. Verloo N., Davis D. The Phenomenology of Change: How Conflict Drives Urban Transformation // Built Environment. 2021. № 47 (1). P. 119–135. <https://doi.org/10.2148/benv.47.1.119>

5. *Rasmussen A., Rehe S.* (Inequality in) Interest Group Involvement and the Legitimacy of Policy Making // *British Journal of Political Science*. 2023. № 53 (1). P. 45–64. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000242>
6. *Cooper C.A., Nownes A.J., Roberts S.* Perceptions of Power: Interest Groups in Local Politics // *State & Local Government Review*. 2005. № 37 (3). P. 206–216.
7. *Anzia S.F.* Interest Groups in US Local Politics: Introduction to the Special Issue // *Interest Groups & Advocacy*. 2022. № 11. P.179–188.
8. *Molins J.M., Medina I.* Local Interest Groups and the Perception of Power in Spanish Cities // *Revista Española de Ciencia Política*. 2018. № 46. P. 77–102.
9. *Anzia S.F.* Looking for Influence in All the Wrong Places: How Studying Subnational Policy Can Revive Research on Interest Groups // *The Journal of Politics*. 2019. № 81 (1). P. 343–351.
10. *Beyers J., Braun C.* Ties That Count: Explaining Interest Group Access to Policymakers // *Journal of Public Policy*. 2014. № 34 (1). P. 93–121.
11. *Chamlee-Wright E., Storr V.* Social Capital, Lobbying and Community-based Interest Groups // *Public Choice*. 2011. № 149. P. 167–185.
12. *Hanegraaff M., Ploeg J., Berkhout J.* Standing in a Crowded Room: Exploring the Relation Between Interest Group System Density and Access to Policymakers // *Political Research Quarterly*. 2020. № 73 (1). P. 51–64.
13. *Klüver H.* The Survival of Interest Groups: Evidence from Germany // *West European Politics*. 2020. № 43 (7). P. 1436–1454.
14. *Polanska D.V.* Going Against Institutionalization: New Forms of Urban Activism in Poland // *Journal of Urban Affairs*. 2018. № 2. P. 1–12.
15. *Merrifield A.* *The New Urban Question*. London: Pluto Press, 2014. 160 p.
16. *Allern E.H., Klüver H., Marshall D., Otjes S., Rasmussen A., Witko C.* Policy Positions, Power and Interest Group-party Lobby Routines // *Journal of European Public Policy*. 2022. № 29 (7). P. 1029–1048.
17. *Allern E.H., Otjes S., Poguntke T., Hansen V.W., Saurugger S., Marshall D.* Conceptualizing and Measuring Party-interest Group Relationships // *Party Politics*. 2021. № 27 (6). P. 1254–1267.
18. *Abney G., Lauth T.P.* Interest Group Influence in City Policy-Making: the Views of Administrators // *Political Research Quarterly*. 1985. № 38. P. 148–161.
19. *Зуйкина А.С., Никитина В.Л.* Публичные слушания: процедурные правила и результаты проведения (на примере города Перми) // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018. № 10 (3). С. 502–518.
20. *Холопов В.А.* Эффективность организационно-правового регулирования проведения публичных слушаний как фактор обеспечения легитимности решений органов местной власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2015. № 7. С. 20–24.
21. *Da Cruz N.F., Rode P., McQuarrie M., Badstuber N., Robin E.* Networked Urban Governance: A Socio-Structural Analysis of Transport Strategies in London and New York // *Urban Affairs Review*. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/10780874221117463> (дата обращения: 15.03.2023).
22. *Осинов В.А.* Понятие «гетерархия»: концептуализация, предметное поле и эвристические возможности в анализе публичной политики: дис. канд. пол. н. М., 2018. 170 с.
23. *Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Морозова Е.В.* Гетерархии как гибридные политические институты новой политической реальности // *Каспийский регион: политика, экономика культура*. 2015. № 4 (45). С. 116–121.
24. *Castells M.* Communication, Power and Counter-power in the Network Society // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. P. 238–266.
25. *Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А.* Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // *Социологическое обозрение*. 2020. № 19 (3). С. 376–408.
26. *Бедерсон В., Шевцова И.* Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19 (2). С. 285–300.

27. Бедерсон В.Д. Московских окон негасимый свет: коммуникационные и организационные факторы гражданской и политической активности в районах Москвы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (2). С. 158–175.

REFERENCES

1. Gluhova A.V., Kol'ba A.I., Sokolov A.V. Strategii vzaimodeistviya territorial'nykh soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh ekspertnogo oprosa v krupnykh regional'nykh tsentrakh RF) [Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (Based on Materials from large Regional Centers of Russia)]. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(2):239–252 (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>
2. Zhelnina A.A., Tykanova E.V. «Igroki» na «arenakh»: analiz vzaimodeistvii v gorodskikh lokal'nykh konfliktakh (sluchai Sankt-Peterburga i Moskvy) [“Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow)]. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(2):205–222 (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>
3. Skalaban I.A., Sergeeva Z.N., Lobanov Ju.S. Zashchishchayushchiesya. Oboronitel'nye funktsii soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh g. Novosibirska) [The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk)]. *Mir Rossii. Sociologiya. Jetnologiya*. 2022;31(4):33–56 (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
4. Verloo N., Davis D. The Phenomenology of Change: How Conflict Drives Urban Transformation. *Built Environment*. 2021;47(1):119–135. <https://doi.org/10.2148/benv.47.1.119>
5. Rasmussen A., Reher S. (Inequality in) Interest Group Involvement and the Legitimacy of Policy Making. *British Journal of Political Science*. 2023;53(1):45–64. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000242>
6. Cooper C.A., Nownes A.J., Roberts S. Perceptions of Power: Interest Groups in Local Politics. *State & Local Government Review*. 2005;37(3):206–216.
7. Anzia S.F. Interest Groups in US Local Politics: Introduction to the Special Issue. *Interest Groups & Advocacy*. 2022;11:179–188.
8. Molins J.M., Medina I. Local Interest Groups and the Perception of Power in Spanish Cities. *Revista Española de Ciencia Política*. 2018;46:77–102.
9. Anzia S.F. Looking for Influence in All the Wrong Places: How Studying Subnational Policy Can Revive Research on Interest Groups. *The Journal of Politics*. 2019;81(1):343–351.
10. Beyers J., Braun C. Ties That Count: Explaining Interest Group Access to Policymakers. *Journal of Public Policy*. 2014;34(1):93–121.
11. Chamlee-Wright E., Storr V. Social Capital, Lobbying and Community-based Interest Groups. *Public Choice*. 2011;149:167–185.
12. Hanegraaff M., Ploeg J., Berkhout J. Standing in a Crowded Room: Exploring the Relation between Interest Group System Density and Access to Policymakers. *Political Research Quarterly*. 2020;73(1):51–64.
13. Klüver H. The Survival of Interest Groups: Evidence from Germany. *West European Politics*. 2020;43(7):1436–1454.
14. Polanska D.V. Going Against Institutionalization: New Forms of Urban Activism in Poland. *Journal of Urban Affairs*. 2018;2:1–12.
15. Merrifield A. *The New Urban Question*. London: Pluto Press; 2014. 160 p.
16. Allern E.H., Klüver H., Marshall D., Otjes S., Rasmussen A., Witko C. Policy Positions, Power and Interest Group-party Lobby Routines. *Journal of European Public Policy*. 2022;29(7):1029–1048.
17. Allern E.H., Otjes S., Poguntke T., Hansen V.W., Saurugger S., Marshall D. Conceptualizing and Measuring Party-interest Group Relationships. *Party Politics*. 2021;27(6):1254–1267.
18. Abney G., Lauth T.P. Interest Group Influence in City Policy-Making: The Views of Administrators. *Political Research Quarterly*. 1985;38:148–161.

19. Zujkina A.S., Nikitina V.L. Publichnye Slushaniya: Protsedurnye Pravila i Rezul'taty Provedeniya (na Primere Goroda Permi) [Public Hearings: Procedural Rules and Results (Based on the Example of Perm City)]. *Ars Administrandi* (Iskusstvo upravleniya). 2018;10(3):502–518 (In Russ.).
20. Holopov V.A. Jefferktivnost' organizacionno-pravovogo regulirovaniya provedeniya publichnyh slushanij kak faktor obespecheniya legitimnosti reshenij organov mestnoj vlasti [Efficiency of Organizational-law Regulation of Carrying out of Public Hearings as a Factor of Ensuring Legitimacy of Decisions of Agencies of Local Power]. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2015;7:20–24 (In Russ.).
21. Da Cruz N.F., Rode P., McQuarrie M., Badstuber N., Robin E. Networked Urban Governance: A Socio-Structural Analysis of Transport Strategies in London and New York. *Urban Affairs Review*. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/10780874221117463> Accessed: 15.03.2023.
22. Osipov V.A. Ponyatie «geterarkhiya»: kontseptualizatsiya, predmetnoe pole i evristicheskie vozmozhnosti v analize publichnoi politiki: dis. kand. pol. n. [The Concept of “Heterarchy”: Conceptualization, Subject Field and Heuristic Possibilities in the Analysis of Public Policy: dis. cand. polit. s.] Moscow; 2018. 170 p. (In Russ.).
23. Miroshnichenko I.V., Rjabchenko N.A., Morozova E.V. Geterarkhii kak gibridnye politicheskie instituty novoi politicheskoi real'nosti [Heterarchies as Hybrid Political Institutions of a New Political Reality]. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2015;4(45):116–121 (In Russ.).
24. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*. 2007;1:238–266.
25. Ermolaeva P.O., Ermolaeva Ju. V., Basheva O.A. Tsifrovoi ekologicheskii aktivizm kak novaya forma ekologicheskogo uchastiya naseleniya [Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation]. *Russian Sociological Review*. 2020;19(3):376–408 (In Russ.).
26. Bederson V., Shevcova I. Zastroishchiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentсии v rossiiskikh millionnikakh: tipologiya gorodskikh rezhimov v 2010-e gg. [Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-Plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s]. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021;19(2):285–300 (In Russ.).
27. Bederson V.D. Moskovskikh okon negasimyi svet: kommunikatsionnye i organizatsionnye faktory grazhdanskoi i politicheskoi aktivnosti v raionakh Moskvy [An Influential Light of Moscow Windows: Communication and Organizational Factors of Civil and Political Activity in Moscow Districts]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(2):158–175 (In Russ.).

Информация об авторах:

Кольба Алексей Иванович — доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (ORCID ID: 0000-0002-7663-8890) (e-mail: alivka2000@mail.ru).

Орфаниди Эльвира Викторовна — соискатель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-5833-882X) (e-mail: elviravictorovna@gmail.com).

Information about the authors:

Alexey I. Kolba — Doctor of Political Sciences, Full Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9067-6228) (e-mail: alivka2000@mail.ru).

Jel'vira V. Orfanidi — Applicant of the Department Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5833-882X) (e-mail: elviravictorovna@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-367-375

EDN: YNWWVK

Научная статья / Research article

Преступления медицинских работников как социально-правовая проблема российского общества

Г.Н. Кесян

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48
 Gayanekes@gmail.com

Аннотация. Основным правовым актом, регулирующим права граждан на охрану здоровья, является статья 20 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что каждый гражданин Российской Федерации имеет право на бесплатную медицинскую помощь при различных нарушениях здоровья и утрате трудоспособности. При этом бесплатная медицинская помощь, направленная на сохранение жизни и здоровья граждан, оказывается медицинскими работниками, работающими в муниципальных, частных и других медицинских учреждениях. Медицинские работники обладают статусом государственных служащих в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной гражданской службе. Государственный служащий несет предусмотренную федеральным законом ответственность за действия или бездействие, ведущие к нарушению прав и законных интересов граждан. Мы рассматриваем случаи, когда медицинские работники, которые являются государственными служащими, совершают преступления против жизни и здоровья гражданина при исполнении своих обязанностей. Мы отмечаем, что несмотря на большое количество правонарушений, совершенных медицинским персоналом, официальная статистика по этим правонарушениям до сих пор отсутствует, и, в связи с этим очень сложно определить общее количество правонарушений, совершаемых медицинским персоналом. Мы приходим к выводу, что правонарушения, совершенные медицинскими сотрудниками, являются преступлениями общественной опасности и медицинские работники нарушают свои профессиональные обязательства при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, причинение вреда здоровью, правонарушения, совершенные медицинским работником, халатность медицинского работника, раскрытие преступлений, общественная опасность, государственный служащий, ответственность государственного служащего

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.01.2023. Принята к публикации: 24.05.2023.

© Кесян Г.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Кесян Г.Н. Преступления медицинских работников как социально-правовая проблема российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 367–375. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-367-375>

Crimes of Medical Workers as a Socio-legal Problem of Russian Society

Gaiane N. Kesian

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika River embankment, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186

 Gayanekes@gmail.com

Abstract. The main legal act regulating the rights of citizens to health protection is Article 20 of the Constitution of the Russian Federation, which states that every citizen of the Russian Federation has the right to free medical care for various health disorders and disability. At the same time, free medical care aimed at preserving the life and health of citizens is provided by medical workers working in municipal, private and other medical institutions. Medical workers have the status of civil servants in accordance with the legislation of the Russian Federation on state civil service. A civil servant is liable under federal law for actions or omissions leading to violation of the rights and legitimate interests of citizens. In this study we consider cases when medical workers who are civil servants commit crimes against the life and health of a citizen in the performance of their duties. We note that despite the large number of offenses committed by medical personnel, there are still no official statistics on these offenses, and therefore it is very difficult to determine the total number of offenses committed by medical personnel. In this study, we conclude that the offenses committed by medical staff are crimes of public danger and medical workers violate their professional obligations in the performance of their professional duties.

Keywords: crimes against life and health, causing harm to health, offenses committed by a medical professional, negligence of a medical worker, solving crimes, public danger, civil servant, responsibility of a civil servant

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.01.2023. The article was accepted on 24.01.2023.

For citation:

Kesian G.N. Crimes of Medical Workers as a Socio-legal Problem of Russian Society. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):367–375. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-367-375>

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами федерального и международного права государство выступает гарантом сохранения жизни и здоровья своих граждан. Однако существует множество случаев, когда медицинские работники

совершают преступления против жизни и здоровья гражданина при исполнении своих обязанностей. Из всех правонарушений, совершаемых медицинским персоналом, наиболее распространенным является причинение вреда здоровью по неосторожности. Такие преступления регулируются ч. 2 ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Если медицинский работник действует халатно при исполнении своих профессиональных обязанностей и тем самым причиняет вред здоровью пациента, несовместимый с жизнью. То данный тип правонарушения регулируется ч. 2 ст. 109 УК РФ. Важно добавить статью ч. 4 ст. 122 УК РФ, устанавливающую ответственность за распространение или заражение другого лица ВИЧ, к положениям, регулирующим преступления, совершенные медицинскими работниками. Однако неоказание медицинским персоналом медицинской помощи пациенту также является общим преступлением и регулируется ст. 124 УК РФ.

Несмотря на значительное количество случаев правонарушений, совершенных медицинским персоналом, официальная статистика по этим правонарушениям до сих пор отсутствует. Поэтому трудно определить общее количество правонарушений, совершаемых медицинским персоналом каждый год, и их динамику.

Вместе с тем существуют и трудности в раскрытии преступлений из-за халатности медицинского персонала. Действительно, сначала необходимо установить объективные стороны преступления, которое было совершено. Ведь смерть пациента может наступить во время исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей по ряду причин, некоторые из которых объективно находятся за пределами возможностей медицинского работника. Существуют также трудности в проведении уголовного процесса, включая судебно-медицинскую экспертизу. Это связано с тем, что оно основано на опросах коллег подозреваемого, которые не всегда предоставляют следователю достоверную информацию и отдают предпочтение дружеским отношениям с правонарушителем, тем самым игнорируя требования закона [1. С. 141–143].

Расследование таких преступлений затруднено еще и потому, что законодательные недостатки уголовного кодекса не отвечают объективным потребностям защиты прав пациентов в условиях стремительного научно-технического прогресса.

В этих условиях мы можем актуализировать ключевые вопросы нашего исследовательского проекта о влиянии уголовного правосудия на преступления против жизни и здоровья, совершенные медицинскими работниками.

Необходимо дополнить Уголовный кодекс положениями, регламентирующими отягчающие обстоятельства. Научная строгость результатов исследования обеспечивается методологией и методиками исследования, нормативно-теоретической базой и эмпирическим материалом, на котором основаны научные положения, рекомендации и выводы.

Научная строгость правового исследования обеспечивается методологией и методиками исследования, нормативно-теоретической базой и эмпирическим материалом, на котором основаны научные положения, рекомендации и выводы.

В теоретическом плане данная работа рационализирует и расширяет существующие знания по теме исследования, выявляя представленные проблемы и оптимизируя направления дальнейшего совершенствования научных разработок в исследуемой области.

Поправки к правовым нормам, регулирующим деятельность правоохранительных органов, разработанные в ходе исследования, позволяют выявить и устранить ошибки классификации и включить в смежные правовые положения.

Рекомендации, рассмотренные в данной статье, допускают практическую реализацию, включая дополнение уголовного законодательства и подробное разъяснение правонарушений, совершенных медицинским персоналом, для вышестоящих судебных органов.

Правонарушения, совершенные медицинскими работниками, которые наносят серьезный вред здоровью пациентов или лишают их жизни, подпадают под юрисдикцию уголовного права.

Уголовная ответственность врача может наступить в результате действия или бездействия. Уголовная ответственность врача будет оправдана, если в совокупности будут соблюдены следующие условия:

- происходит врачебная ошибка, под которой понимается действие, противоречащее медицинским знаниям и практике;
- негативный эффект, который наступает в виде нарушения или подвергания прямой опасности правового блага в виде непредумышленного убийства (ст. 155 УК РФ), тяжкого вреда здоровью (ст. 156 УК РФ), вреда здоровью средней и легкой тяжести (ст. 157 УК), пренатального вреда (ст. 157а УК РФ) и подвергания опасности утраты жизни или здоровья человека (ст. 160 УК РФ);
- установление причинно-следственной связи между поведением врача и негативным влиянием на здоровье или жизнь пациента.

Телесные повреждения, полученные в результате медицинских процедур, то есть действий, направленных также на защиту жизни и здоровья человека, лишены признаков материального противоправного деяния при условии, что процедура была проведена в соответствии с общепризнанными принципами медицинских знаний и искусства. Следовательно, врач может быть привлечен к уголовной ответственности только в том случае, если ошибка произошла в результате поведения врача, который в процессе лечения не соблюдал действующие стандарты медицинского поведения, разработанные наукой, в ситуации, когда он мог предвидеть риск для жизни или здоровья пациента [2. С. 30–37].

Медицинский работник подлежит уголовной ответственности, если своим действием или бездействием он вызывает внешние изменения

в виде нарушения такого правового блага, как человек, его тело и жизнь. Последствиями могут быть смерть, тяжелые, умеренные или легкие телесные повреждения, а также дородовые повреждения.

Воздействие опасности, которая не вызывает конкретных изменений во внешнем мире, но несет в себе непосредственную угрозу гибели людей или нанесения тяжких телесных повреждений, также считается элементом воздействия.

Правонарушение со стороны медицинского работника возникает при наличии причинно-следственной связи между совершенным деянием и его последствиями.

Таким образом, можно сказать, что пока не установлена причинная связь между деянием врача и правонарушением с его последствиями, атрибуция вины правонарушителя исключена.

Основным приемом для проверки существования такой причинно-следственной связи является текст *conditio sine qua non* (условие «без него»), который вытекает из так называемой теории эквивалентности [3. С. 138–153].

Она основана на том, что из цепи событий, предшествующих наступлению изменения внешнего мира, определяемого в уголовном законе как признак последствия, мы выделяем то, которое составляет сущность данного деяния, значение которого для наступления этого изменения внешнего мира мы хотим установить, и рассматриваем, произошло бы без его совершения это изменение внешнего мира или нет.

То есть речь идет о такой связи явлений, при которой одно вытекает из другого, и без возникновения первого (условия) не возникло бы другое (следствие, эффект) [4. С. 152–155].

Обязанность и возможность для исполнителя предвидеть последствия преступного поведения должны быть установлены на основе конкретных фактов. Постулат конкретности предполагает два момента:

1) объективные, то есть то, что должен был предвидеть правонарушитель, и

2) субъективные, т.е. текущая ситуация правонарушителя и, в частности, его жизненный опыт, определенный объем знаний и функционирование ассоциативного процесса, как те факторы, от которых зависит определение предвидимости последствий деяния, особенно когда наступившие последствия являются нетипичным следствием действий правонарушителя.

В целях совершенствования охраны прав и законных интересов субъектов трансплантации органов и тканей и их родственников представляется необходимым предусмотреть в ст. 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 года № 4180–1 возможность изъятия органов и (или) тканей у трупа только в случаях получения предварительного согласия лица на изъятие органа или тканей, оформленного донорской картой, или согласия родственников или иных законных представителей, если умерший не оставил подобного заявления.

После этого дополнить УК РФ статьей «Незаконное изъятие органов или тканей умершего человека для трансплантации или других целей». Диспозицию этой статьи изложить следующим образом [5. С. 216].

1. Целью развития уголовного законодательства в области пресечения преступлений, совершенных медицинскими работниками, является, прежде всего, достижение единой согласованности с конституционным правом, и поэтому одним из средств достижения этой цели является защита прав человека и основных свобод.
2. Однако целью конституционных прав человека, как они определены в статье 23, является защита достоинства и личности человека и обеспечение того, чтобы каждый человек без дискриминации имел право на уважение его неприкосновенности и других прав, и основных свобод, в связи с применением биологии и медицины.
3. Также стоит принять во внимание то отягчающее обстоятельство, что достижения медицинской науки, в частности в области трансплантации органов и тканей, способствовали спасению жизни или значительному улучшению ее качества.
4. Учитывая дефицит органов и тканей, необходимо также дополнить Уголовный кодекс положениями, позволяющими медицинским работникам использовать соответствующие меры для увеличения донорства органов и тканей, в частности, путем повышения осведомленности общественности о важности трансплантации органов и тканей в этой области.
5. Важно законодательно закрепить те аспекты, касающиеся условий, на которых должна проводиться трансплантация органов и тканей, которые защищают права и свободы доноров, потенциальных доноров и получателей органов и тканей, а также то, что медицинские учреждения должны способствовать обеспечению соблюдения этих условий.
6. Признавая, что продвижение трансплантации органов на благо пациентов должно уважать права и свободы личности и предотвращать криминализацию изъятия частей человеческого тела, которая может иметь место при закупке, обмене и распределении органов и тканей медицинскими работниками.

Учитывая уголовно-правовые нормы, регулирующие область трансплантации и биомедицины, а также положения Основного закона РФ, регулирующие данный институт медицины, существует необходимость принятия соответствующих мер в области трансплантации органов для обеспечения защиты человеческого достоинства и основных прав и свобод человека.

Для устранения законодательных пробелов между уголовным правом и конституционными положениями об охране жизни и здоровья необходимо дополнить уголовное законодательство нормами, предусматривающими ответственность за клонирование клеток человека и генетические манипуляции.

Предлагаем следующий проект статьи: «Клонирование и другие генетические манипуляции».

1. Следует установить, что человеческий эмбрион не может быть носителем основных прав и, следовательно, не может быть носителем человеческого достоинства в соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации. Это становится особенно очевидным на фоне правовой ситуации с абортами.
2. Поскольку в настоящее время не существует конкретных обязательных правил использования методов клонирования человека, положения уголовного законодательства должны быть дополнены нормативными актами, определяющими случаи, в которых должно осуществляться клонирование клеток или генетическая модификация.
3. Институт запрета клонирования человека должен быть уточнен в уголовном праве, то есть он должен означать любое вмешательство, направленное на создание человека генетическую копию живого или мертвого человека. В то же время определение «клонированного существа» должно быть уточнено и означать человеческое существо, имеющее один и тот же ядерный геном с другим человеческим существом.
4. В уголовный кодекс следует добавить положение, регулирующее, когда может возникнуть необходимость в «терапевтическом клонировании», которое предполагает получение человеческих эмбрионов исключительно в исследовательских целях, чтобы не нарушались основные конституционные права человека.
5. Помимо терапевтического клонирования уголовное законодательство должно отражать другие допустимые методы клонирования клеток или генетических манипуляций, которые не противоречат основному закону.

Выводы

Таким образом, были установлены основные выводы и положения.

1. Правонарушения, совершенные медицинскими сотрудниками, которые приводят или могут привести к травме или смерти пациента, являются преступлениями общественной опасности, и важным аспектом этого преступления является то, что медицинские работники действуют умышленно или халатно, и/или нарушают свои профессиональные обязательства при выполнении своих профессиональных обязанностей.
2. Для регулирования вопросов в области преступлений, совершаемых медицинским персоналом, которые имеют непосредственную направленность на жизнь и здоровье, институт уголовного права решает следующие приоритетные задачи.
 1. Определить основные виды правонарушений, совершаемых медицинским персоналом и характеризующихся посягательством на жизнь и здоровье пациентов. В то же время классификация преступлений должна проводиться с учетом степени общественной опасности, в частности, положений уголовного законодательства, препятствующих совершению этих преступлений;

2. Выразить социально значимые негативные характеристики противоправных деяний, направленных на причинение вреда жизни и здоровью граждан, и определение условий уголовной ответственности за их совершение составляют основу для формулирования положений уголовного закона.
3. В целях сокращения перечня случаев, когда вред здоровью пациента причиняется в результате ошибки медицинского работника, предлагаем дополнить положение УК РФ дополнительной нормой о процедуре эвтаназии.
4. В целях защиты личного достоинства и во избежание нарушения других правовых положений, изложенных в статье 8 Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле» изъятие органов или тканей у умершего пациента может осуществляться только с его предварительного согласия. В других случаях изъятие органов или тканей из трупа может быть разрешено только с согласия ближайших родственников. Одновременно с этим правовым аспектом в Уголовный кодекс следует добавить положение, устанавливающее ответственность за преступление неправомерного изъятия органов пациентов.
5. В целях пресечения незаконного рынка человеческих органов, живых тканей и эмбрионов, и устранения недостатков уголовного законодательства, положения Уголовного кодекса должны быть дополнены правовыми нормами о правилах изъятия органов у пациентов.
6. В области устранения пробелов в уголовном законодательстве следует ввести уголовную ответственность за преступления, совершенные в сфере работы с беременными женщинами. Кроме того, в ст. 123 УК РФ следует добавить правовое положение об аборте у женщин без их предварительного согласия на удаление эмбриона.
7. С целью обеспечения соответствия правовых действий со статьей 35 об охране жизни и здоровья следует добавить в уголовное законодательство положения, предусматривающие преступления, связанные с абортами и незаконным извлечением плода.
8. В целях устранения несоответствия норм уголовного права положениям Конвенции по биотехнологии, а также правовым нормам, регулирующим сферу клонирования человека, необходимо дополнить УК РФ специальной статьей, определяющей ответственность за клонирование человека и генетические манипуляции.
9. В целях совершенствования уголовно-правовой охраны жизни и здоровья и приведения уголовного законодательства необходимо дополнить правовое регулирование в области диагностики больных, а также их лечения с использованием ненаучных методов.
10. Для того чтобы стилистически прояснить текст, необходимо рассмотреть следующие уточнения:
 - трансплантация (ч. 2 ст. 105 УК РФ, обозначающая изъятие органов и живых тканей у человека),

- принуждение к согласию на изъятие органов в соответствии с ч. 1 ст. 120 УК РФ.
11. В целях совершенствования уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном изъятии биоматериалов, необходимо:
- дополнительно ввести в статьи 114–115 УК РФ ответственность за деяния, совершенные с целью изъятия органов и тканей у пациентов [4. С. 152–155].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиева Ф.Р. Проблемы квалификации неоказания помощи и оставления в опасности и отграничение от смежных составов // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 141–143.
2. Быков А.В., Землянский Д.Ю. О некоторых особенностях установления причинной связи в преступлениях по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи // Российский следователь. 2020. № 2. С. 30–37.
3. Гареев М.Ф. Уголовно-правовое воздействие: понятие и правовая природа // Юридическая мысль. 2021. № 4. С. 138–153.
4. Сыбатова М.Ф., Городнова О.Н. Совершенствование уголовного закона за профессиональные преступления медицинских работников // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). С. 152–155.
5. Фармацевтическое уголовное право России: монография / А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин, Т.Г. Понятовская [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2019. С. 216.

REFERENCES

1. Alieva F.R. Problemy kvalifikatsii neokazaniya pomoshchi i ostavleniya v opasnosti i ogranichenie ot smezhnykh sostavov [Problems of Qualification of Non-assistance and Abandonment in Danger and Separation from Related Compounds]. *A Young Scientist*. 2020;316(26):141–143 (In Russ.).
2. Bykov A.V., Zemlyansky D.Yu. O nekotorykh osobennostyakh ustanovleniya prichinnoi svyazi v prestupleniyakh po faktu neokazaniya ili nenadlezhshchego okazaniya meditsinskoj pomoshchi [On Some Features of Establishing a Causal Relationship in Crimes upon Failure to Provide or Improper Medical Care]. *Russian Investigator*. 2020;2:30–37 (In Russ.).
3. Gareev M.F. Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ponyatie i pravovaya priroda [Criminal Legal Impact: The Concept and Legal Nature]. *Legal Thought*. 2021;4:1 38–153 (In Russ.).
4. Sabitova M.F., Gorodnova O.N. Sovershenstvovanie ugovolnogo zakona za professional'nye prestupleniya meditsinskikh rabotnikov [Improvement of the Criminal Law for Professional Crimes of Medical Workers]. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2021;3(45):152–155 (In Russ.).
5. *Farmatsevticheskoe ugovolnoe pravo Rossii: monografiya* [Pharmaceutical Criminal Law of Russia: Monograph]. Ed. by A.I. Rarog. Moscow: Prospect; 2019: 216 (In Russ.).

Информация об авторе:

Кесян Гаянэ Нишановна — аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ORCID ID: 0009-0009-5763-3531) (e-mail: Gayanekes@gmail.com).

Information about the author:

Gaiane N. Kesian — Graduate Student, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0009-5763-3531) (e-mail: Gayanekes@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-376-384

EDN: YNRSOG

Научная статья / Research article

Подходы и методология формирования мировоззрения старшеклассников: опыт социализации детей Донбасса в летней профильной смене

Е.С. Карякина

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

 eva.karyakina@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается проблема формирования мировоззрения у старшеклассников. Удалось выявить с помощью каких инструментов школьники с территорий Горловки и Мариуполя сумели найти общий язык и поменять представление друг о друге, а также изменить свою картину мира. Разработаны рекомендации, которые могут использоваться в работе сотрудниками органов региональной власти и муниципалитетов.

Ключевые слова: формирование мировоззрения у старшеклассников, ДНР, летняя профильная смена КубГУ

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН в рамках проекта «122101100022-4 — Возможности формирования мировоззрения в разных возрастных группах» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.02.2023. Статья принята к публикации: 24.05.2023.

Для цитирования:

Карякина Е.С. Подходы и методология формирования мировоззрения старшеклассников: опыт социализации детей Донбасса в летней профильной смене // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 376–384. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-376-384>

© Карякина Е.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Approaches and Methodology of Forming the Worldview of High School Students: The Experience of Socialization of Donbass Children in the Summer Profile Shift

Evgenia S. Karyakina

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky pr., Moscow, Russian Federation, 125468

 eva.karyakina@inbox.ru

Abstract. The study deals with the problem of forming a worldview among high school students. The author tried to identify with the help of which tools schoolchildren from the territories of Gorlovka and Mariupol managed to find a common language and change their understanding of each other, as well as change their picture of the world. The developed recommendations can be used in working with teenagers by employees of regional authorities and municipalities.

Keywords: formation of worldview among high school students, DNR, summer profile shift of KubGU

Acknowledgements: The research was prepared at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project “122101100022-4 — Opportunities for the formation of a worldview in different age groups” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.02.2023. The article was accepted on 24.05.2023.

For citation:

Karyakina E.S. Approaches and Methodology of Forming the Worldview of High School Students: The Experience of Socialization of Donbass Children in the Summer Profile Shift. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):376–384. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-376-384>

Введение

Политическая наука традиционно относит к основным функциям власти интегративную и регулятивную. Реализация интегративной функции способствует взаимопроникновению интересов отдельных граждан, социальных групп и формированию под воздействием институциональной и правовой сред социального монолита. Регулятивная функция власти ориентирована на оформление системы бесконфликтных социальных отношений, основанной на уважении и учете взаимных интересов социальных групп. Формирование бесконфликтного социального пространства, достижение социального согласия является одним из важнейших направлений деятельности государства. Обозначенное естественным образом перекликается с функциями государства — как основного актора властных отношений и ядра политической системы.

Мировоззрение является инструментом и способом ориентации человека в окружающей действительности. Поэтому формированию мировоззрения граждан любое государство уделяет пристальное внимание. От мировоззрения зависит содержание деятельности человека, личности и гражданина.

Формирование мировоззрения, целеполагание — это динамичный процесс. В течение всей жизни взгляды человека меняются в зависимости от приобретенного опыта и знаний, внешнего влияния и внутренних поисков. Однако мировоззрение формируется не стихийно и привязано к возрастным ступеням, связанным с получением образования, интеграцией в общество по мере взросления, растущим уровнем самостоятельности и возможностью анализировать мир на почве собственного опыта и его дальнейшего анализа. Формирование мировоззрения является базовой функцией субъекта управления.

Сложные политико-психологические процессы на территории ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей заставляют специалистов гуманитарного профиля, в том числе сотрудников региональных администраций и муниципалитетов, работать над формированием новой политической картины мира новых граждан России.

Основная часть

В условиях современных реалий существует тенденция усиления культурных проявлений в странах, каждый народ стремится к тому, чтобы их устои не нарушались, а распространялись как можно шире. В связи с этим возникает проблема взаимодействия культур, в то время как представители власти одной страны выступают за сохранение культурного и исторического наследия интересы элит других стран могут быть направлены на стирание прошлых устоев и построение новых традиций.

Наиболее уязвимыми людьми в разрезе восприятия культуры, ценностей, морально-нравственных устоев традиционно выступают дети дошкольного и школьного возрастов. Поэтому у представителей власти возникает современный запрос на создание правильной картины мира восприятия действительности детей и подростков, которая строится на правилах духовно-нравственного воспитания. Л.С. Выготский считал, что развитие личности происходит через изучение культурного наследия и ребенок проходит по этому пути с помощью взаимодействия со взрослым человеком, который является носителем культурных норм [1]. Важной целью современного школьного образования является построение целостной картины мира у обучающихся с помощью научно-технических, гуманитарных наук, а также посредством создания аксиологических смыслов. Обучаясь в школе, наиболее целостная картина мира у учеников формируется в средних и старших классах, происходит складывание взглядов на окружающий и собственный внутренний мир. Изучением картин мира занимались

ученые-философы, в частности Н.А. Бердяев, К.Т. Ясперс, а также психологи, такие как В.П. Зинченко, Г.П. Щедровицкий и др.

В период обучения в школе у ребенка идет процесс становления мировоззрения, существует большое количество подходов, лежащих в основе формирования мировоззрения, одним из которых является системно-деятельностный. Данный подход заключается в том, что формирование установок у личности происходит только тогда, когда она воспринимает знания не в готовом виде, а в процессе осуществления его собственной деятельности, которая направлена на открытие чего-то нового. Этот подход воспитывает личность школьника как субъекта своей жизнедеятельности, учит ставить цели и нести ответственность за свои результаты. Ховланд и МакГвайр [2] изучали факторы, которые способствуют изменению социальных установок, описывая данный процесс как схоастический, то есть как последовательный процесс в несколько этапов: «Внимание—понимание—принятие—удержание (закрепление)—действие». Такая модель демонстрирует полнейшее погружение личности в процесс и закреплена в основе Стандарта нового поколения [3]. При формировании собственной картины мира чаще всего подросток сам для себя расставляет приоритеты, закрывается от взрослых и не воспринимает их позицию как единственно верную, поэтому при переходе от 14–18 лет возрастает роль общественных объединений и сетевых сообществ.

У подростков наиболее ярко выражена «потребность в аффилиации», описанная М. Аргайлом, которая заключается в духовном или чувственном контакте с другими людьми, нередко данная потребность тесно граничит с «потребностью в зависимости», она же социальная конформность, выражающаяся в нужде состоять в группе, сообществе [4. С. 20–30]. В добавление к этому А. Леонтьев выделяет «прагматический мотив» [5], который находит свое выражение в создании совместного продукта деятельности. Обучающимся в школе зачастую приходится коммуницировать друг с другом, однако в подростковом возрасте такой вид взаимодействия не заканчивается в школьных стенах, дети ходят на различные кружки, посещают детские лагеря и прочие мероприятия, которые подразумевают под собой создание микросообществ. Все это оказывает влияние на формирование мировоззрения у школьников. Немаловажной частью формирования мировоззрения старшеклассников является выработка морального сознания, поскольку ребенок ориентируется на систему контроля «можно—нельзя», то подросток осознанно вырабатывает для себя моральные принципы, которые во многом зависят от влияния внешней среды.

Одной из составляющих картины мира старшеклассников является их восприятие национально-государственной идентичности. Под термином национально-государственная идентичность следует понимать: «взаимосвязь человека с национальной общностью, репрезентацией которой является образ «мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемый с помощью института государства и политико-культурной традиции государственности» [6]. По мнению исследователей Т.В. Евгеньевой и В.В. Титова,

национально-государственная идентичность трансформируется под влиянием нескольких компонентов [7]. Во-первых, это символы, олицетворяющие культуру, сюда входят образы и ценности, сформировавшиеся историческим путем. Во-вторых, конструированные компоненты, такие как информационная политика, пропаганда, которая появляется под влиянием политической системы в государстве. Государство и элиты воздействуют на сознание граждан через различные программы, СМИ. В-третьих, неосознанные компоненты, к ним можно отнести предрассудки, стереотипы, все то, что человек формирует инстинктивно, исходя из его групповой принадлежности.

Говоря о гражданской составляющей национально-государственной идентичности, политолог И.С. Семененко в своих работах писала, что центром идентичности является набор представлений, который позволяет членам общества идентифицировать себя с данной группой, нацией, в результате чего возникает контролирующая функция со стороны власти. В этот набор представлений входят: нормы, права по отношению к государству, общая культура.

В.В. Титов в своих работах отмечал важность образов в формировании национально-государственной идентичности, среди них: образ «мы—другие», образ «власти», образ «врага» [8]. Первый образ включает в себя представления о себе как о нации с ее неотъемлемыми самобытными характеристиками, историческими особенностями, смыслами и ценностями, языком. И также противопоставляя свою нацию другой, поиск общего и различий, нередко на фоне непринятия ее повелений и установок. Нередко образ «другие» может перейти в образ «врага», данный образ может выступать моментом манипуляций в среде граждан и маневрирования политическими решениями и действиями власти. Образ «врага» становится центром консолидации населения на почве общественной неприязни к нации, государству и отдельным публичным личностям, отсюда также идет формирование стереотипов, которые могут сохраняться долгие годы. Кроме того, создание образа «врага» позволяет создать или укрепить легитимность для власти, поскольку общая идея угрозы национальному суверенитету сплачивает народ и позволяет видеть в лидере нации — освободителя.

Описанные выше механизмы воздействия на формирование мировоззрения школьников (а именно воздействие базовых потребностей в аффилиации, наличие деятельностного похода), использовались в дополнительной общеразвивающей программе университетской смены в г. Краснодар профиля «Рго движение: новые горизонты» для обучающихся, прибывших с территории ЛНР и ДНР в 2022 году. Целью данной программы, которая реализовывалась при помощи Кубанского государственного университета, являлось создание условий для успешной адаптации для обучающихся 8–10 классов, прибывших с территории ЛНР, ДНР и Украины, а также формирования российской идентичности, развития их личностного потенциала и самоопределения посредством активного включения участников смены в научно-образовательные, социально-культурные и профориентационные мероприятия.

Программа реализовывалась на базе трех задач: воспитательной (создание условий повышения уровня социальной активности, воспитания к историческому и культурному наследию России), образовательной (развития интересов к познанию, спорту, творчеству и здоровому образу жизни), развивающей (социализация обучающихся через включение в различные виды личностно-ориентированной коллективной творческой деятельности). Сама смена длилась 10 дней, в ней принимали участие школьники 8–10 классов из Горловки и Мариуполя, всего было 3 отряда, в каждом из которых по 16–17 обучающихся, ребят в отрядах не разделяли по территориальному признаку, были смешанные команды из двух городов.

В начале общения между детьми была некая напряженность, поскольку в их сознании укоренились определенные стереотипы относительно ребят из других областей: многие, поддавшись пропаганде, считали их предателями. Стереотипы, согласно определению, данному У. Липпманом, упрощают жизнь человека, они возникают не на базе опыта, а на основе опосредованного восприятия. Подростку довольно просто привить те или иные стереотипы, закрепить их в сознании, но картина мира подростка подвержена изменениям. Поэтому задача, которая стояла перед создателями и кураторами лагерной смены, была нетривиальна.

Стоит отметить, что, по словам вожатых и психологов, которые работали на данной смене, по прибытию школьников между ними прослеживалась некая волна негатива, что обусловлено некоторыми сложившимися историческими причинами за последние несколько лет. Психологи отмечали следующее: «У некоторых детей появлялась агрессия, протест против режима. Дети не хотели рано просыпаться, идти на зарядку, также была проблема с взаимодействием ребят между собой и в отсутствии мотивации к необходимым действиям». И также было мнение о том, что «по прибытию не все ребята ладили между собой. Дети с Горловки отделялись от детей с Мариуполя, были разногласия и нежелание общаться друг с другом». Так называемая адаптация к новой окружающей среде, к новым правилам у детей данного возраста, как правило, проходит довольно быстро, школьникам свойственна закрытость в первые дни нахождения в новой среде, однако процессы приспособления происходят недолго, что позволяет в дальнейшем производить комфортное взаимодействие.

В этом помогали вожатые, кураторы и психологи, для вовлечения детей в процессы смены они использовали следующие механизмы: ролевые и деловые игры, беседы, просмотр и обсуждение медиасюжетов, коллективное творческое дело, биографический метод, социальные акции, дискуссии, экскурсии. Также использовали различные виды игр, игровые методики — одни из самых действенных механизмов вовлечения подростков в деятельностный процесс, при этом обучающий их. Использовались следующие виды игр: симуляционная игра, деловая, сюжетно-ролевая, проблематизирующая игра, которая выявляла зоны развития, квест-игра, исследовательская, нацеленная на поиск новых решений проблем. Именно с помощью игр

многие участники смены смогли раскрыться и стать частью сообщества, все были задействованы, не было ситуаций, в которых школьник отказывался или не принимал участие вовсе. Кураторы отрядов выделяли: «По началу некоторые дети не хотели нигде участвовать, но под конец смены все школьники участвовали во всех мероприятиях и были благодарны за такое времяпрепровождение».

Еще одним механизмом, который оставил свой отпечаток во взглядах школьников, стала открытая коммуникация между ними, кураторы и вожатые проводили различные «свечки» и открытие диалоги: «Вечерние беседы с элементами включения ребят, проводились беседы с ребятами которые конфликтовали между собой (давали им возможность высказать друг другу, что их не устраивает, и они вместе искали пути решения». С помощью разговоров, открытых диалогов и искренних слов ребята постепенно открывались, учились делиться их переживаниями и смогли проникнуться друг другом, а также вожатыми и кураторами лагерной смены.

Стоит отметить отношение участников смены к России, по словам вожатых, дети давно считали себя частью России, в их риторике часто прослеживалось желание поскорее переехать: «Много детей хотели поскорее переехать в Россию после окончания 11 класса, половина из них решили для себя, что хотят поступить в наш университет». Прослеживается модель «внимание—понимание—принятие—удержание (закрепление)—действие», то есть благодаря информационной политике, риторике старшего поколения у ребят сложилось мнение об их национально-государственной идентичности, они ассоциировали себя с Россией, а оказавшись в эпицентре активности на базе российского университета, они прикоснулись к этой реальности и на своем опыте это ощутили.

Заключение

По окончании смены организаторы отмечали изменение в поведении ребят, между ними не было агрессии, негативных эмоций по отношению к кому-либо: «Многие ребята пересмотрели свой образ жизни и сейчас, когда мы узнаем, как у них дела, их жизнь поменялась в лучшую сторону: они вернулись к хобби, стали учиться, развиваться. Есть, конечно, пара человек, у которых взгляды особо не изменились, но и они говорят, что им хотелось бы повторить такую смену». Также вожатые отмечали повышение уровня ответственности у подростков: «По моим наблюдениям, у них поменялись в лучшую сторону установки о важности обучения в вузах, становлении карьеры, появилась мотивация на учебу и переезд в большие города».

Подводя итог, можно сказать о том, что в старших классах постепенно идет формирование более устоявшегося мировоззрения, во многом личность путем собственных действий его формирует, также нельзя исключать влияние старшего поколения и информационной политики на взгляды школьников [9]. Путем различных игр и методик устанавливается контакт

с подростком, который с помощью этого определяет для себя верный вектор, напрямую связанный с его желаниями и социальными потребностями. Вожатым и кураторам лагерной смены удалось изменить установки школьников, с помощью взаимодействия друг с другом, у ребят изменилось представление о жителях других областей и регионов, они сумели найти общий контакт.

Правильно выстроенный подход позволил поменять в подсознании ребенка его укоренившиеся представления о мире, о людях и о России.

Данная модель налаживания открытого диалога с представителями молодого поколения позволяет выявить проблемы и запросы на ранних стадиях. Эти подходы и методология может быть использованы в работе сотрудниками органов региональной власти и муниципалитетов, причем не только в новых регионах, но и в других регионах Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Выготский Л.С.* Развитие психики и мировоззрение ребенка: Собрание сочинений. В 6 тт. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
2. *Московичи С.* Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер. 2007. 592 с: ил.
3. *Огнева М.В.* Формирование целостного мировоззрения школьников на внеклассных мероприятиях по физике // Концепт. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tselostnogo-mirovozzreniya-shkolnikov-na-vneklassnyh-meropriyatiyah-po-fizike> (дата обращения: 10.01.2023).
4. *Аргайл М.* Психология межличностного поведения. Лондон, 1967. С. 20–30.
5. *Леонтьев А.А.* Психология общения. 2-е изд. М.: Смысл, 2007.
6. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственного самосознания (Русская молодежь) // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
7. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. 2014. № 4. С. 22–27.
8. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 184 с.
9. *Белоконев С.Ю., Косарева А.А.* Политико-психологические особенности формирования национально-государственной идентичности у молодежи: историографический обзор // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2022. № 12 (5). С. 23–30. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30>

REFERENCES

1. Vygotskij L.S. *Razvitie psihiki i mirovozzrenie rebenka. Sobranie sochinenij. V 6 tt.* [The Development of the Psyche and the Worldview of the Child. Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Pedagogika; 1983. 368 p. (In Russ.).
2. Moskovichi S. *Social'naja psihologija. 7-e izd.* [Social Psychology. 7th ed.]. SPb.: Piter; 2007. 592 p. (In Russ.).
3. Ogneva M.V. *Formirovanie celostnogo mirovozzrenija shkol'nikov na vneklassnyh meropriyatijah po fizike* [Formation of a Holistic Worldview of Schoolchildren at Extracurricular Activities in Physics]. *Concept*. 2013; 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tselostnogo-mirovozzreniya-shkolnikov-na-vneklassnyh-meropriyatiyah-po-fizike> (accessed: 10.01.2023) (In Russ.).

4. Argajl M. *Psihologija mezhlichnostnogo povedenija* [Psychology of Interpersonal Behavior]. London; 1967:20–30 (In Russ.).
5. Leont'ev A.A. *Psihologija obshhenija*. 2-e izd. [Psychology of Communication. 2nd ed.]. Moscow: Smysl; 2007 (In Russ.).
6. Evgen'eva T.V., Titov V.V. Formirovanie nacional'no-gosudarstvennogo samosoznanija (Russkaja molodezh') [Formation of National-state Self-consciousness (Russian Youth)]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. 2010;4:122–134 (In Russ.).
7. Evgen'eva T.V., Titov V.V. Obraz «vruga» kak instrument formirovanija politicheskoj identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoj Rossii [The Image of the “Enemy” as a Tool for the Formation of Political Identity on the Internet: The Experience of Modern Russia]. *Informacionnye vojny*. 2014;4:22–27 (In Russ.).
8. Titov V.V. *Politika pamjati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii* [The Memory Politics and the Formation of Nation-state Identity: Russian Experience and New Trends]. Moscow: Tipografija “Vash format”; 2017. 184 p. (In Russ.).
9. Belokonev S.Ju., Kosareva A.A. Politiko-psihologicheskie osobennosti formirovanija nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti u molodezhi: istoriograficheskij obzor [Political and Psychological Features of Formation of National-state Identity among Young People: Historical Review]. *Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022;12(5):23–30. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-23-30> (In Russ.).

Информация об авторе:

Карякина Евгения Сергеевна — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, политологии экономических процессов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-6714-9868) (e-mail: eva.karyakina@inbox.ru).

Information about the author:

Evgenia S. Karyakina — Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Political Science of Economic Processes, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6714-9868) (e-mail: eva.karyakina@inbox.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403

EDN: YFLDSM

Научная статья / Research article

Религиозный фактор в столкновении цивилизаций с точки зрения государственно-управленческого аспекта

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ,
119002, Россия, Москва, Смоленская-Сенная площадь, 30/2

 nur.han.mid@gmail.com

Аннотация. В период становления нового мирового порядка крайне важно понимать, насколько общества тех или иных государств отделены от своих правительств. Понятие цивилизации расширяет свое значение и допускает объединение обществ различных государств в единую цивилизационную форму самоопределения. При этом социально-кризисные факторы, проявляющиеся в одном обществе, едины в рамках цивилизации, что формирует механизмы по их коллективному манипулированию. Специальная военная операция России на Украине позволила понять расстановку обществ в мировых цивилизациях и понять их внутренние «правила игры».

Ключевые слова: государственное управление, религиозный фактор в государственной политике, столкновение цивилизаций, Специальная военная операция, Украина, Ближний Восток, политический ислам

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.03.2023. Принята к публикации: 24.06.2023.

Для цитирования:

Ханалиев Н.У. Религиозный фактор в столкновении цивилизаций с точки зрения государственно-управленческого аспекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 385–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403>

© Ханалиев Н.У., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Religious Factor in the Clash of Civilizations from the Point of View of the State-Administrative Aspect

Nuradin U. Khanaliev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
30/2, Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russia, 119002

 nur.han.mid@gmail.com

Abstract. In the period of the formation of a new world order, it is extremely important to understand how the societies of certain states are separated from their governments. The concept of civilization expands its meaning and allows the unification of the societies of various states into a single civilizational form of self-determination. At the same time, social crisis factors that manifest themselves in one society are united within the framework of civilization, which forms mechanisms for their collective manipulation. Russia's special military operation in Ukraine made it possible to understand the alignment of societies in world civilizations and to understand their internal "rules of the game".

Keywords: public administration, religious factor in public policy, clash of civilizations, Special military operation, Ukraine, Middle East, political Islam

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 10.03.2023. The article was accepted on 24.06.2023.

For citation:

Khanaliev N.U. The Religious Factor in the Clash of Civilizations from the Point of View of the State-Administrative Aspect. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):385–403. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-385-403>

«Новый мир», о котором писал С. Хантингтон в своем произведении «Столкновение цивилизаций», относился к периоду после «Холодной войны», когда распался Советский Союз и «Коллективный Запад» во главе с Соединенными Штатами стремился максимально быстро экспортировать свое понимание демократии и прав человека в большую часть остального мира. В этой попытке построить «новый мировой порядок» был допущен просчет, так как он включал в себя исключительно западные, в основном американские, ценности, такие, как демократия, индивидуалистические права человека, верховенство закона, неадаптированные под конкурентные страны индивидуально. Недостаток западного подхода заключался в том, что политики считали, что все «рациональные» люди согласны с их ценностями, а те, кто не согласен, считались «нецивилизованными» и, в некоторых случаях, откровенно назывались варварами [1].

За кратким периодом безуспешных попыток построить «новый мировой порядок» последовал более длительный период так называемого «нового мирового беспорядка», который продолжается до сих пор. За это время хантингтоновская парадигма «столкновения цивилизаций» стала на Западе

ключевым компонентом мировоззрения многих правопопулистских политиков. «Новый мировой беспорядок» становился все более очевидным в различных глобальных и региональных чрезвычайных ситуациях, таких как «Арабская Весна», а теперь и «украинский кризис».

Правые популисты опирались на аргумент Хантингтона о «столкновении цивилизаций» для получения электоральной выгоды, что, в более общем плане, подтвердило пророчество Хантингтона о цивилизационных конфликтах между блоками культур.

В своей книге Хантингтон обсудил два цивилизационных конфликта, которые, по его мнению, будут иметь большое значение в международных отношениях после окончания «Холодной войны»: борьбу между «исламом» и Западом и между Китаем и Западом. Утверждение Хантингтона заключалось не только в том, что Запад будет в конфликте с «ключевыми» государствами мусульманского мира, такими как, возможно, Пакистан, Египет, Саудовская Аравия и Иран, а также будет в напряженных отношениях с Китаем. Исходя из устоявшейся поговорки «враг моего врага — мой друг», Хантингтон также считал, что руководство некоторых мусульманских стран и Китая будут работать вместе, чтобы противостоять и конкурировать с Западом. Возникшее противостояние будет поддерживаться и управляться их различными системами ценностей: Запад — прославлять либеральную демократию, права человека и индивидуализм, а Китай и мусульманские страны — искать отрицательные стороны подобных ценностей [2].

Обращаясь к ключевому источнику межцивилизационного конфликта между Западом и мусульманским миром, Хантингтон считает, что разногласия после «Холодной войны» будут вызваны приверженностью каждого «блока» различным ценностям. Согласно Хантингтону *«мусульмане чаще участвовали в межгрупповом насилии, чем немусульмане, и от двух третей до трех четвертей межцивилизационных войн происходили между мусульманами и немусульманами»*. В то время как ценности Запада сосредоточены на правах человека, демократии и индивидуализме, ценности мусульманского мира, по словам Хантингтона, отличаются, — *«они не заботятся о (либеральной) демократии и (индивидуалистических) правах человека или прямо противоположны им»*.

С этим тезисом Хантингтона нельзя согласиться, так как ислам создал одну из самых блистательных цивилизаций. Хотя ислам правил двумя третями известного цивилизационного мира на протяжении не менее 11 столетий, лень и небрежение тому, что происходило за его пределами, привело к его упадку и распространению ложных парадигм, не соответствующих нормам и правилам ислама (в частности ложный стереотип о том, что в исламе нет свобод и прав человека или где ислам — там авторитаризм). Однако упадок коснулся только исламской цивилизации, но не самого ислама [3].

Критические ответы на парадигму «столкновения цивилизаций» Хантингтона подчеркивают, что цивилизации не являются автономными образованиями, цивилизации не имеют четких границ, взаимодействие между

цивилизациями исторически было повсеместным и у цивилизаций нет дискретных наборов ценностей, отделяющих их от других цивилизаций. Кроме того, влияние глобализации после «Холодной войны» еще больше подрывает утверждения Хантингтона об автономии и обособленности цивилизаций.

Когда более 25 лет назад Хантингтон утверждал, что цивилизации обладают уникальными характеристиками, он оглядывался на времена «Холодной войны», чтобы предвидеть будущее. Однако теперь ясно, что мир коренным образом менялся как раз тогда, когда Хантингтон выдвигал свою парадигму столкновения цивилизаций.

Начало 1990-х было отмечено двумя эпохальными событиями: окончанием «Холодной войны» и распадом Советского Союза, а также растущим влиянием глобализации. Глобализация очень важна, потому что она оказывает глубокое влияние на суверенитет стран и способность правительств управлять автономно, влияя на культурные, религиозные, экономические и политические процессы. Удивительно, но Хантингтона не интересует влияние глобализации на взаимодействие цивилизаций, хотя ко времени написания его книги 1996 год глобализация была горячей темой как в международных отношениях, так и в сравнительной политике. В его книге глобализация кратко упоминается лишь дважды, когда он отмечает, что «теория глобализации» понимает следствие глобализации как «обострение цивилизационного, общественного и этнического самосознания» [1].

Общепризнано, что глобализация взаимодействует с местным контекстом, историей и культурой, что приводит к тому, что социолог Роланд Робертсон называет «глокализацией». Глокализация относится к *«соприсутствию как универсализирующих, так и партикуляризирующих тенденций в современных социальных, политических и экономических системах. Она представляет собой вызов упрощенным представлениям о процессах глобализации как о линейном расширении территориальных масштабов, отражая то, как растущее значение континентальных и глобальных уровней происходит вместе с возрастающим значением местных и региональных уровней»* [4]. Другими словами, глобализация смешивается с местными факторами и приводит к возникновению глокализации, характеризующаяся ростом местной и региональной идентичности и лояльности.

При этом для Хантингтона столкновение цивилизаций сосредоточено как на международных, так и на внутренних конфликтах между различными цивилизационными образованиями. В частности, в последние годы наблюдаются вопиющие цивилизационные трения и конфликты преимущественно внутри стран, отчасти в результате глокализации. Например, некоторые акторы Коллективного Запада, политические партии и глубокий электорат выражают большую обеспокоенность перспективой широкомасштабной мусульманской эмиграции, полагая, что это приведет к значительному подрыву европейских культурных норм, будь то религиозные (Венгрия, Польша), светские (Франция, Нидерланды), или культурные (Австрия, Швейцария, Италия). К этому следует добавить страх перед так

называемым исламистским экстремизмом и терроризмом после 11 сентября, и появятся условия для того, чтобы популистские демагоги использовали социальные, политические и экономические страхи некоторых людей для получения выгоды на выборах. Это глокализация в действии: (страхи) глобально ориентированного «исламистского» терроризма взаимодействуют со страхами воздействия массовой мусульманской эмиграции на местные сообщества.

С точки зрения объективного восприятия информации использование терминологии, ассоциирующей ислам с терроризмом или экстремизмом, недопустимо. Так в мусульманской умме России указали на недопустимость попыток связывать экстремизм и терроризм с исламом и другими традиционными религиями, призвав отказаться от определения «исламский» применительно к этим социально опасным явлениям. Глава Духовного собрания мусульман России муфтий Альбир Крганов в ходе пресс-конференции в Москве выразил сожаление в связи с тем, что российские СМИ стали активно использовать словосочетание «исламский экстремизм» на фоне событий во Франции, где провокации против ислама и мусульман привели к росту насилия¹.

Выступая на круглом столе, посвященном российскому опыту межэтнического и межрелигиозного сотрудничества в противодействии международному терроризму и экстремизму, Сафаралиев заявил: *«Мне не нравится фраза, когда говорят «исламисты». Когда мы начинаем анализировать то, что происходит, кто воюет на стороне так называемого „Исламского государства“, там очень много людей разной конфессиональной принадлежности, там есть и мусульмане, и христиане, и кого только там нет. Ислам — это религия, а террористы — это террористы, они не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности»*².

При этом важно помнить, что с момента своего появления на Земле человечество обрело истинное умиротворение и счастье в религии. Поскольку невозможно говорить о нравственности и добродетели там, где люди не следуют истинной религии.

Как поясняет Исмаил Бьююкчклькби, *«в буквальном смысле Ислам означает «покорность, мир и спасение». В своем фундаментальном аспекте Ислам кратко определен в одной из наиболее часто цитируемых фраз Корана: «Басмала» — Во имя Бога, Милосердного (ар-Рахман), Милостивого (ар-Рахим). Оба слова родственны с «рахма» (милость и милосердие). Господь проявляет себя через свои абсолютные, всеохватные Милость и Милосердие,*

¹ Российские мусульмане осудили использование оскорбительных терминов «исламский экстремизм» и «исламский терроризм». URL: <https://islamnews.ru/rossiyskie-musulmane-prizvali-otkazatsya-ot-oskorbitelnykh-terminov-islamskiy-ekstremizm-i-islamskiy-terrorizm?ysclid=lekay3ok6o351799873> (дата обращения: 10.02.2023).

² В Госдуме предложили запретить термины «исламизм» и «исламисты» // Eadaily. 17.10.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/10/17/v-gosdume-predlozhili-zapretit-terminy-islamizm-i-islamisty> (дата обращения: 10.02.2023).

и Ислам основывается на этом положении. Коран называет миссию Пророка Мухаммада «милостью для всех миров».... Ислам — это сведение воедино всех религий. Признавая Пророков и Священные Писания всех народов, Ислам подтверждает Единство Господа и Его вселенский промысел, а также универсальность религиозного опыта. Мусульмане — истинные последователи Пророков, в том числе Авраама (Ибрахим), Моисея (Муса) и Иисуса (Иса)» [3].

При этом важно напомнить слова Апти Алаудинова, подтверждающие отсутствие какого-либо противоречия в исламе и христианстве, — «у нас в отряде нет делений на национальности и вероисповедания. Мы воюем не за какой-то клочок земли, а за то, чтобы духовные ценности, которые нам ниспосланы всевышним, оставались там, где должны быть. Всю свою жизнь я себя готовил к тому, что, когда придет пророк Иса — Иисус, я буду в его войске. Да, этому будут предшествовать определенные события. До появления Иисуса появится Имам Махди, предводитель всех мусульман. Он будет находиться в мечети, когда туда войдет Иисус. Они узнают друг друга и будут вместе молиться. Этот день ознаменует объединение войска мусульман и христиан в битве против дьявола, против антихриста. Поэтому нет ничего сверхъестественного в том, что я говорю, что мы — войско Иисуса. Мы воюем против сатанистов. И победа, которую мы сегодня одерживаем — это победа над темными силами. Чтобы это понять, надо прийти к Богу. И это войско будет только пополняться»³.

Согласно мнению Г.Н. Валиахметовой, — «подъем транснационального религиозного экстремизма и его некомпетентная критика являются главной питательной средой для культивирования исламофобии в странах Запада. Обострение «исламского вопроса» выгодно политическим и идеологическим силам довольно широкого спектра как на Западе, так и в мусульманских сообществах. На фоне возрастания угроз глобальной и региональной безопасности ксенофобия выступает как фактор дестабилизации современного миропорядка» [5].

Важно и то, что, осуществляя свою информационную политику, Коллективной Запад пытается не просто создать атмосферу страха, но и стремится к формированию в обществе чувства взаимного недоверия к исламу, разделения по принципу «свой—чужой». К примеру, постоянное упоминание вместе с термином «терроризм и экстремизм» слова «исламский» тоже является одним из элементов большой стратегии манипуляции Запада. Применение со стороны ряда западных масс-медиа лексики (особенно религиозной), которую используют террористы, также играет на руку дискредитации истинного ислама. Так, ставшее повсеместным употребление термина «шахид» (дословно, — «свидетель», фактически, — «мученик») по отношению к лицам, совершающим теракты в форме самоподрыва, «джихад»

³ Командир отряда спецназа «Ахмат» Апти Алаудинов: «Мы — войско Иисуса». URL: <https://www.kp.ru/daily/27394/4589207/?ysclid=lekbv1fb9869764806> (дата обращения: 10.02.2023).

(«джихадист»), является попыткой (в глазах немусульман) ассоциировать террористов с мусульманами [6].

Данная проблема терминологического аппарата весьма распространены в обществе. Дискредитируя религию ислам в глазах всего общества, создавая недоверие к гражданам по религиозному принципу, западные политехнологии вносят раскол в современное общество, дестабилизируя его. Зачастую мусульмане, чувствуя к себе недоверие, десоциализируются, оказываются оторванными от системных социальных сред, а отдельные, в угоду Западу, оказываются «легкой добычей» для вербовщиков настоящих террористических организаций.

Именно поэтому в книге «Столкновение цивилизаций Хантингтон предложил задуматься о религии в глобальной политике. В подобном экскурсе выделяется несколько аспектов. Во-первых, Хантингтон не рассматривал религию просто как один из причинных факторов в международных отношениях. Религия для Хантингтона не была похожа на другие виды факторов, которые можно было просто вспомнить, каталогизировать и вписать в существующие парадигмы политики.

Справедливо предположить, что религия вовсе не была просто причинным фактором, а была конститутивной для международного порядка. То есть упустить религию из вида значит не просто выпасть из ряда важных переменных, но и получить неправильную формулу государственного управления потому, что религия является определяющей, конститутивной категорией политических сообществ, фундаментальным маркером, определяющим условия, на которых строится политика. Так, Хантингтон утверждает, что религия, культура и язык являются фундаментальным материалом, из которого возникают мировые цивилизации. Цивилизации не производят религию, язык и культуру, скорее из религии, языка и культуры возникают цивилизации, *«Великие религии — это фундамент, на котором покоятся великие цивилизации»* — отмечал он [7].

Утверждение Хантингтона о том, что цивилизации основаны на религии, культуре и языке, создает особую проблему для мировой общественности и даже для множественных религий (на что часто указывают в отношении «политического ислама»). Так, Мушарраф обвинил Хантингтона в разжигании христианско-мусульманского соперничества. Хотя критика Мушаррафа несколько преувеличена, она перекликается с обширной академической литературой, посвященной противоречивому тезису Хантингтона, особенно в том, как он относится к религии, и особенно в том, как он говорит об исламе⁴.

Джефффри Хейнс сводит это к следующему — *«существует синергия между христианством и либеральной демократией, ключевые основы нормативно желательного глобального порядка, построенного на индивидуалистических,*

⁴ Бывшего президента Пакистана Мушаррафа приговорили к смертной казни // РИА Новости. 17.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191217/1562472847.html> (дата обращения: 10.02.2023).

либеральных ценностях»⁵. Хантингтон противопоставляет это тому, что он называет «радикальным» исламом (включая исламизм, исламский экстремизм, исламский фундаментализм), который он назвал принципиально политическим движением, направленным на антидемократические религиозные и культурные изменения глобального порядка. Хантингтон вряд ли был одинок в этом аргументе, и действительно, события 11 сентября подкрепили его тезис о том, что воинствующий, фундаменталистский «исламизм» стремился к системной трансформации международной системы с яростным сопротивлением Западу. При этом Хантингтон допустил две принципиальные ошибки: Во-первых, одно дело утверждать, что так называемый политический ислам и христианство могут расходиться в своих подходах к либеральной демократии, и совсем другое — утверждать, что, таким образом, ислам был готов в массовом порядке бросить вызов или свергнуть либеральную демократию. Во-вторых, бесполезно, вплоть до критической ошибки, смешивать ислам и так называемым «политическим ислам», который, к примеру, существует в Иране.

Также, к примеру, зверства, совершаемые по приказу радикальных «исламистских» групп, террористическими организациями, не следует смешивать с политикой исламской партии в Малайзии, короной в Марокко или мусульманами-демократами в Тунисе. Важно подчеркнуть, что «кровавая политика» часто бывает внутрицивилизационной, т.е. зверства часто совершаются мусульманами против других мусульман (например: Иран-Ирак), что коренным образом ставит под сомнение предсказание Хантингтона о том, что конфликты между цивилизациями на «линии разлома» станут главными проблемами будущего. Это скорее конфликты на «линии разлома» внутри цивилизаций, которые, привели к наибольшему насилию. Люди, которые больше всего страдают от угрозы радикального «исламизма», часто являются другими мусульманами.

Иными словами, у Хантингтона есть проблема конкретно с исламом, и в его цивилизационном тезисе есть некоторые собственные «линии разлома» относительно согласованности его политических и культурных единиц. Но это не означает что его представление о самой религии неверно, или что рассуждения о цивилизациях, укорененных в религиозных, культурных и языковых категориях, непоследовательны или несостоятельны. Модель осмысления глобальной политики особенно полезна для осмысления силы религии в международных отношениях не только как причинного фактора, но и как конститутивного фактора (фундаментального для ее структуры и характера).

Хантингтон выделил несколько широких различий в определении понятия «цивилизация»:

⁵ Архиепископ Ремберт Джордж Уикленд // Католическая иерархия. URL: www.catholic-hierarchy.org (дата обращения: 10.02.2023).

Во-первых, согласно его мнению, существует различие между цивилизацией «в единственном числе и цивилизацией во множественном числе» [7]. Идея цивилизации, хотя и восходящая к греческому полису или династии Цинь в Китае, была французским термином, предназначенным для обозначения границы с «варварством». Цивилизация означала культуру, порядок, общество, право, ремесла, экономику и так далее.

Во-вторых, Хантингтон называл цивилизации «культурной сущностью», относящейся к общему образу жизни людей, а цивилизация — это культура в широком смысле. Сюда входят такие вещи, как нормы, ценности, институты, способы мышления. Цитируя Броделя, Валлерстайна, Доусона, Дюркгейма, Мауса, Шпенглера и многих других, Хантингтон привлекает внимание к так называемому «социальному воображаемому».

Под социальным воображаемым Тейлор имеет в виду больше, чем просто теорию или интеллектуальную структуру, он имеет в виду весь механизм, которым люди представляют себя. Это не уникально для современной эпохи, хотя Тейлор говорит, что в современном социальном воображаемом есть что-то особенное и уникальное.

Как пишет Тейлор, *«люди оперировали социальным воображаемым задолго до того, как занялись теоретизированием о самих себе»* [8]. Он пишет, что из объективных элементов, определяющих цивилизации, наиболее важным обычно является религия. Хантингтон пишет, что крупнейшие цивилизации в истории человечества были тесно связаны с великими мировыми религиями. Этническая принадлежность, язык, обычаи — все это важные подкрепляющие факторы для работы цивилизации, но религия, утверждает он, безусловно, является наиболее важной, часто способной преодолеть барьеры в языке, расе, обычаях и т.д. Это потому, что религия лежит в основе того мировоззрения, которое Тейлор называет «социальным воображаемым», которое создаёт тот самый пьедестал, на который взошло человечество и спорит между собой, но существует он еще до того, как человечество взошло на него, и обладает мощью, формирующей общество, и встроено в современную политику. Именно поэтому диалог между цивилизациями сложен, а иногда и невозможен.

В-третьих, цивилизации всеобъемлющи, и многие их части не могут быть поняты отдельно. Цивилизация — *«это самый широкий уровень идентификации, с которым один идентифицирует себя среди большинства. Они — «мы» внутри которых мы чувствуем себя как дома в культурном отношении, в отличие от других «них» там»* [9].

В-четвертых, Хантингтон говорит, что, хотя цивилизации смертны, они также очень долгоживущие. Потому, что цивилизации — это не просто империи или государства, они представляют собой целостный способ понимания мира, образ жизни, и чтобы изменить или победить его, требуется действительно серьезное испытание. И эти изменения обычно не «кончают» цивилизацию, не уничтожают весь образ жизни в одночасье, а скорее меняют понимание и практику медленно, в течение десятилетий или столетий.

В-пятых, поскольку цивилизации — это не просто культурные или политические образования, они обычно не соседствуют с одним государством или империей. Хантингтон утверждает, что цивилизация может, таким образом, состоять из одной или многих политических единиц. Отсюда термин «содружество» имеет давнюю, даже августинскую историю, который по определению является не только одной политической единицей, и он обычно связан общей культурой и пониманием. Как отмечает, Дмитрий Оболенский, — *«здесь мы могли бы говорить о «основном государстве», находящемся в центре содружества наций, некоторые из которых возмущаются, бросают вызов и даже периодически нападают, к примеру, на византийское государство»* [9].

Так, Запад все же разделяет общую православную цивилизацию, не всегда миролюбиво, не всегда слаженно, но есть некоторые основные содружества (католицизм и православие — христианство), а потому и некоторые общие моральные и политические понятия, на которые указывают эти множественные, иногда враждебные общества. Это имеет в виду Хантингтон, когда говорит о цивилизациях как о множестве политических единиц, и это может в какой-то мере помочь оправдаться от резкой критики его «исламской цивилизации».

Борьба за определение, переопределение и защиту того, что подразумевается под цивилизацией, внутри нее может быть более кровавой, чем та же самая борьба снаружи. Ничто из этого не означает, что исламские общества не могут практиковать демократию, капитализм, либеральные права человека, это просто означает, что если они будут это делать, то это будет скорее исламское, чем христианско-светское обоснование.

Хантингтон пишет: *«вероятность возникновения универсальной религии лишь немногим выше, чем универсального языка, и хотя мы наблюдаем интенсификацию религиозного сознания, это в основном усилило различия между религиями»* [1]. Его данные о мировых религиях представляют собой захват религиозных приверженцев, показывающий прогресс в населении мира, придерживающемся основных религиозных традиций, включая западных христиан, восточных христиан, мусульман, индуистов, буддистов, иудеев и атеистов. Но он упускает всемирно-историческую, формирующую цивилизацию, преобразующую воображение и создающую общество силу религии. По сути, она была переведена в банальные категории светской социальной науки двадцатого века и лишена всей ее творческой, цивилизационной энергии.

Существует распространенное предположение, что национальный характер народа в основе своей является производным от его религии, от того, чему он поклоняется, и чем вернее форма этого поклонения, тем связнее и устойчивее его национальная жизнь. Религия для Хантингтона — это не побочный продукт национальной жизни, а скорее источник, из которого возникает национальная жизнь. Таким образом, даже реализация внешней политики представляет собой прежде всего задачу оперирования фактами:

что любит сосед? Как он устроил свою общественную и национальную жизнь вокруг предметов своего поклонения? Это не чисто познавательная или философская задача исследования истории, политики и религиозных текстов, это в большей степени антропологическая задача, поскольку органическую природу наций необходимо наблюдать и, возможно, переживать, а не просто интеллектуально препарировать.

Подобно Хантингтону Кайпер скептически отнесся к любому национальному проекту, который может поддерживаться чисто светскими идеалами. Кайпер мог прийти к соглашению с исламскими народами, что он и сделал в своих путешествиях по Средиземноморью, но он нашел отрицание религиозного характера любого рода непостижимым и непоследовательным для нации [10].

В самом деле ничто так не может гарантировать установление какой-то новой авторитарной политики, как запрет дебатов по ее самым фундаментальным вопросам о том, «кто мы? что мы любим? какое это имеет значение или почему мы верим в эти вещи?». Важным моментом кайперовской традиции принципиального плюрализма является то, что нации или государства обязательно вовлечены в активные религиозно-политические дебаты о том, какие принципы являются общими, оставаясь при этом открытыми по плюралистической необходимости, чтобы люди могли не согласиться с тем, почему они их любят. Разрушить идентичность любого государства или даже цивилизации одной чисто религиозной идентичностью — значит подвергнуть ее не только радикальному национализму, но и антиплюрализму. Это был важный урок, который Кайпер в свои последние дни извлек из опыта: крещение внешней политики любой страны волей Господа — верный путь к катастрофе.

Конечно, историографически можно сказать: «Бог использует народы в истории», как он использовал Рим, Вавилон или Ассирию. Как написал Кайпер в *Pro Rege*: *«Поэтому, когда мы рассматриваем царствование Христа в его отношении к государству, мы должны смотреть не только на власть Христа над суверенами и государственными деятелями как личностями, не только на дух, который Он вызывает в законе, и не только на конфликты, которые Он вызывает, возвышаясь в сердца наций через политическую систему, и не только к влиянию, которое он оказывает через колониальные владения христианских держав и через пробуждение этой интернациональной ориентации. Помимо всего этого мы должны также рассмотреть отношения, в которых государства находятся по отношению друг к другу, и исторический результат, к которому приводят отношения между этими государствами. Свыше сплетаются узы между этими состояниями. Именно эти узы, которые сплетаются, затем развязываются и, наконец, переплетаются в новую форму, создают то, что мы называем историей народов»* [11].

Но сказать, что идентичность нации божественно предопределена значит рискнуть христианским империализмом, который ниспровергает верховную

власть Бога и обменивает ее на идола нации (царь как наместник бога на земле). Как утверждает Кайпер: *«Царство Его [Христа] не от мира сего. То, что он сейчас осознает, есть и остается царством небесным, но история царств мира должна быть поставлена на службу приходу этого царства, и именно наш Царь совершает это. Его церковь находится в мире, а не отрезана от него. Судьба и будущее его церкви зависели бы от чуждой ему силы, если бы действительно земные цари определяли ход истории в жизни мира»* [11].

Кайпер собственными глазами видел столкновение идолопоклонства, и следует помнить, что, несмотря на его непреходящую страсть к кальвинистскому христианству как надежному основанию национальной жизни, упрощенное отождествление жизни одной нации с волей Бога было великой ошибкой и ужасным злом, от которого мир не скоро оправился.

Международное право для Кайпера заключалось в признании ограничений, в которых действует власть, даже великие мировые державы. Таким образом, законы между нациями можно рассматривать как своего рода функциональное управление более глубокими нормами, в первую очередь нормами Христа и Его Царства. Кайпер написал в Pro Rege: *«Может показаться, что все в истории делается одними людьми, но на самом деле весь театр мира — это величественное рабочее место Бога, а правители, советники и командиры, совершающие эти изменения, — не более чем инструменты в Его руке»* [1].

Кайпер считал, что для того, чтобы закон был законом, чтобы он был не только обязательным, но и морально последовательным, он должен уходить корнями в христианское Евангелие. Кайпер был настроен скептически относительно возможности установления единых законов между индуистскими и мусульманскими странами, христианскими и буддистскими странами. То, что для него в результате стало катаклизмом христианства, не поколебало его уверенности в необходимости Евангелия как краеугольного камня политической жизни.

Из-за того, что Кайпер уделял особое внимание религии как основному мотиву и жизненной силе цивилизации, работа международного права, особенно в постсекулярном мировом порядке, становится не только межрелигиозным диалогом, но и межрелигиозный диалог становится политическим. Все законы, по мысли Кайпера, уходят корнями в религию. Ключ, таким образом, заключается в том, чтобы найти общую причину, которую можно найти среди соперничающих корневых систем.

Это также создает своего рода пространство для внутрицивилизационного разнообразия, когда принадлежность к более широкому «мы» не исключает реального разнообразия и споров внутри, некоторые из которых могут стать и будут кровавыми, поскольку группы будут бороться за определение и практики своей политики и культуры.

Вполне можно принять более радикальное определение религиозного фактора, данное Хантингтоном, как основу, из которой возникают мировые

цивилизации, как конститутивный, а не только причинный фактор международных отношений. Это означает, что использование религии для построения дискретных цивилизаций — непростая задача. Человеческие общества и нации, подобно человеческим сердцам, не имеют идеально упорядоченной внутренней жизни. Если человеческое сердце, как отмечает Джон Кальвин, — *«это фабрика по производству идолов»* [11], то международное общество — это промышленный комплекс по производству идолов.

Сказать, что Россия имеет «православный» отпечаток в ее общественно-политическом воображении, отчасти является верным, но не полным. Существует довольно много социального, исторического и богословского многообразия, упакованного под этот один довольно общий ярлык, но в качестве своего рода подхода можно обратить внимание на православную религию (крещение Руси) как конститутивную часть нравственной и социальной архитектуры российского государства и его самосознания. Но Россия не может претендовать на исключительную идентичность православной политики, так как это может спровоцировать появление националистических настроений в стране.

Нельзя говорить, что одно государство или даже группа государств имеет только «одно» социальное и политическое наследие. Изучение определенных политико-богословских траекторий при проведении внешней политики может быть целесообразным, но нельзя позволить этим категориям истощить эти общества, что ставит их меньшинства в очень опасное положение, и позволяет проводить националистическую политику.

Аналогичным образом сегодня на Украине происходит сращивание националистов с неонацистами, последователями бандеровцев, которые в годы Второй мировой войны по поручению гитлеровцев убивали мирных людей на оккупированных территориях.

Президент России Владимир Путин на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай», состоявшегося в 2022 году, пояснил по этому поводу: *«одна из серьезных, фундаментальных проблем тех, кто якобы заботится о будущем Украины, так называемых украинских националистов, она заключается в том, что происходит сращивание националистического движения и неонацистского, неонацистского. Они ведь опираются на тех, кого нельзя не отнести к коллаборационистам, к нацистам, нельзя не отнести к тем, кто, как я уже говорил, по поручению гитлеровских властей уничтожали польское, еврейское, русское население на оккупированных во время Второй мировой войны территориях»*⁶.

Операционализация религии, таким образом, может также привести к смещению категорий того, что считается цивилизацией. Хантингтон

⁶ На Украине происходит сращивание националистов с неонацистами, заявил Путин // РИА Новости. 27.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221027/sraschivanie-1827347418.html?ysclid=leldx8543z360440339> (дата обращения: 10.02.2023).

упустил в своем анализе то, что движущие мотивы прежних межгосударственных войн и идеологических крестовых походов не были нерелигиозными и не были связаны со столкновением цивилизаций. Просто война девятнадцатого и двадцатого веков между государствами, находящимися в тисках конкурирующих национализма, социализма, коммунизма и либерализма, представляла собой столкновения внутри цивилизаций, столкновения, которые были такими же глубоко религиозными, как и все, что мы наблюдаем сегодня.

Как отмечает Ф. Фокуяма, *«столкновение цивилизаций происходит, но не между исламом и Западом. Настоящее столкновение происходит между основанными на традициях способами рациональности и представлениями об общем благе, и теми способами и представлениями, основанными на проекте Просвещения. Если это так, то настоящее столкновение происходит между, с одной стороны, ортодоксальным исламом и христианством, а с другой — всеми современными формами фундаментализма, независимо от того, религиозны они или секуляристски. Столкновение цивилизаций на самом деле является соперничеством братьев и сестер, поскольку отступнический Запад и радикальный глобальный исламизм происходят из одного и того же источника отступничества: постпросвещенческой современности»* [12].

Существует цивилизационное разнообразие внутри современных государств — описанных Хантингтоном блоков цивилизаций. Проблема сплоченности реальна, как верно подметил сам Хантингтон, но ответ, вероятно, кроется не в ложных и тревожных принудительных претензиях на религиозную, языковую и культурную однородность внутри государств, а скорее в более ясной, смелой и более множественной религиозной выраженности, вокруг которых вращаются эти состояния. Это делает религию более, а не менее важной в глобальных и внутренних делах, ставя ее на передний план усилий не только по достижению консенсуса по вопросам, вызывающим серьезную глобальную озабоченность, но также и по предоставлению морального стержня, вокруг которого могут действовать общие убеждения. И это именно то, что можно найти, если бы религия была конститутивным, а не просто причинным фактором в международных отношениях. Это понимание остается, одним из самых фундаментальных подходов, которые предлагает Хантингтон.

Каждая страна имеет свою самобытную культуру и особенности коллективного мышления, исходящие от ее исторических особенностей. Сегодня очень причудливым образом в международной политике перемешиваются такие понятия как глобализм и регионализм. Россия всегда стояла и стоит на позиции получения позитивного результата от процесса глобализации и безусловной минимизации негативных сторон этого же процесса. Любое развитие диалектично по своей природе и предполагает возникновение кризисных ситуаций и адаптационного процесса принятия новой реальности.

При этом новый западный правый популизм преуспел в риторическом примирении христианства и секуляризма как маркеров заявленной «цивилизованной» идентичности, одновременно объединяя ислам и конкретные «восточные» этнические особенности как ключевые признаки варварства. В результате, как утверждает К. Касториадис, новое расщепление не работает вдоль классической дихотомии религиозного и светского. Вместо этого он воскрешает колониальное разделение между цивилизованным и варварским, оба из которых содержат религиозные и нерелигиозные элементы [13].

Б. Пасамоник отмечает массовые сексуальные посягательства на женщин на улицах Кёльна и в других местах в канун Нового года 2015 года, которые, по ее мнению, совершаются в основном мусульманскими мигрантами. После этого инцидента проблема социальной и культурной интеграции в основном мусульманских меньшинств в Германии и других западных странах стала видной в общественных дебатах [13].

Пасамоник объясняет, что две противоречивые теории, связанные с объединением факта притока мигрантов в Европу из Сирии и преступление, совершенное мигрантом, контекстуализировали моральную панику. Одна теория, продвигаемая левыми либеральными кругами, стремилась подорвать или занизить роль культурных различий в массовых сексуальных посягательствах. Вторая теория, продвигаемая правым крылом в Германии, увидела основную причину событий в межкультурных различиях: то есть «столкновение цивилизаций» Хантингтона и «неизбежное столкновение» между западным и мусульманским миром.

Общая цель статьи Пасамоника состоит в том, чтобы диагностировать роль социальных и культурных факторов в массовых сексуальных посягательствах на немецких женщин в канун Нового года 2015 года, воспринимаемой некоторыми как проявление «мусульманского варварства». Спорная проблема заключалась в том, было ли это варварство, мотивированное социальными обстоятельствами, или варварством, мотивированным исламом и его якобы патриархальной культурой.

Важно также отметить, что весной 2018 года в Швеции разразились крупные дебаты о праве мусульманских мечетей на выпуск Азана, то есть публичные призывы к молитве, с помощью средств громкоговорителей. Контекст заключался в том, что имам в южном городе Вексье подал заявку на разрешение местных властей на еженедельное, 3 минуты и 45 секунд, призывая к молитве. Некоторые немусульманские жители были обеспокоены тем, что ритуал будет чрезмерно шумным и, возможно, тревожным. Эта проблема была поднята как традиционными, так и социальными сетями и быстро стала предметом интенсивных политических публичных дебатов.

Вопрос был в конечном итоге урегулирован прагматичным образом. Исламские призывы к молитве могут публично транслироваться, но они не могут быть настолько громкими, чтобы нарушать покой немусульман. Это

решение позволило правительству обойти подобную проблему, но не сделало ничего, чтобы развеять опасения растущего числа людей, которые намеревались проголосовать за правых шведских демократов. По их словам, проблема не была вопросом свободы выражения мнений или религии, как они заявили, что мусульмане в Швеции не имеют таких прав. Они были убеждены, что Азан — «инопланетная практика без законного места в шведском обществе» [2].

Не удивительно, что именно в Швеции общественными активистами в конце 2022 года был публично сожжен Коран. Реагируя на этот оскорбительный факт, Муфтий России подчеркнул: *«к большому сожалению, мы в очередной раз сталкиваемся с сатанинскими действиями в Европе. Публичное сожжение Священного Корана в столице Швеции свидетельствует о глубоко разложении европейского общества. То, что выдается за проявление свободы слова и свободы вероисповедания — на самом деле не что иное, как варварское попрание духовных ценностей человечества, которое вызывает протест не только у мусульман, но и у верующих других конфессий. Это удар по всем религиям»*⁷.

Необходимо более серьезно относиться к онтологическому вопросу. Азана действительно лучше всего понимается как практика, а не просто как выражение, и, как все практики, это является частью определенного образа жизни. Однако иностранцы не должны формировать «параллельное общество», а должны быть «интегрированы» в мейнстрим страны пребывания.

Президент России Владимир Путин в своём выступлении после французских событий чётко высказался в пользу того, что в России недопустимо подстрекать к подобной вражде указав, что Россия — это дом множества народов и культур. А Председатель Комитета Госдумы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев предложил запретить средствам массовой информации использовать термины «исламизм» и «исламисты»⁸.

Свобода вероисповедания не должна ущемлять чувства других верующих, а сосуществовать гармонично, без конкуренции и соперничества между собой, что удалось сформировать в России в отличие от западных государств.

Как отмечает Михаил Ковальчук, *«США создали экономику услуг, которая начиная с Ковида разваливается и трещит по швам, а сами на каждом углу кричат, что у России нет экономики. Хотя в России материальная экономика. У Соединенных Штатов экономика меньше размера Германии. Сейчас идет не Специальная военная операция, а новая Ялтинская-Потсдамская*

⁷ Муфтии России выступили с протестом против сожжения Корана в Швеции // Лента.ру. 24.01.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/24/swdnms/?ysclid=leff24nx7m405184511> (дата обращения: 10.02.2023).

⁸ В Госдуме предложили запретить термины «исламизм» и «исламисты» // Eadaily. 17.10.2015. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2015/10/17/v-gosdume-predlozhili-zapretit-terminy-islamizm-i-islamisty> (дата обращения: 10.02.2023).

конференция и новое построение мира. И мы должны свое место, как тогда в Ялте занять»⁹.

Российское общество не подвергается манипуляциям на религиозной почве, граждан России невозможно (не было ни одного прецедента) спровоцировать на разжигание протестной активности на религиозной почве. Подобной толерантности нет ни в одной из стран коллективного Запада. Российское межконфессиональное общество имеет свою индивидуальную цивилизационную особенность и сложившееся самосознание. Поэтому сравнивать Россию с какой-либо культурной общностью неправильно, она представляет собой отдельную цивилизацию со своим путем развития. И сейчас, в период Специальной военной операции России на Украине, западным державам стоит помнить, что санкции — это двухсторонне оружие, которое всегда действует против тех, кто их применяет. Желание расколоть российское общество и изолировать Президента от общества приводит к абсолютно противоположному результату. Коллективный Запад таким образом не навредил, а консолидировали российское общество, а санкции привели к обратному результату трансформации российской экономики, промышленности, науки и медицины.

Год после начала СВО показывает, что коллективному Западу не удалось добиться своих целей. Общество консолидировано, существует политический консенсус всех системных сил вокруг СВО и приоритизация темы безопасности и защиты суверенитета. Одновременно с этим Россия продвигает свою повестку на международном уровне: полицентричность, антигегемонизм, антиколониализм, отрицание деления стран на цивилизованные и нецивилизованные, честный и уважительный диалог и сотрудничество со всеми, кто готов к этому¹⁰. Всё это, несмотря на то, что еще в начале прошлого столетия американские политологи писали о России как о варварах. При этом сейчас, как утверждает Министр иностранных дел России Сергей Лавров, произошел коренной перелом в системе международных отношений и Россия прекратит зависеть от поставок с Запада. «Мы сейчас создаем не просто некий процесс импортозамещения. Мы должны прекратить каким-либо образом зависеть от поставок чего бы то ни было с Запада для обеспечения, развития критически важных отраслей для безопасности, экономики и социальной сферы нашей Родины»¹¹, — подчеркнул он.

Заместитель секретаря Совета безопасности Дмитрий Медведев в этом контексте пояснил, что *«за прошедший год Россия многому научилась*

⁹ Михаил Ковальчук: «Россия должна формировать собственную научную повестку». URL: <http://nrcki.ru/product/press-nrcki/-45512.shtml> (дата обращения: 10.02.2023).

¹⁰ «Право России»: Путин послал три недвусмысленных намека Западу. URL: https://politexpert.net/23909244-_pravo_rossii_putin_poslal_tri_nedvumislennih_nameka_zapadu?ysclid=lekc35c mu1808420185 (дата обращения: 10.02.2023).

¹¹ «Это правильный путь»: Лавров призвал Россию стать независимой от поставок Запада // Газета.ру. 24.05.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/24/14896016.shtml?ysclid=lekc8qjr1d889424784> (дата обращения: 10.02.2023).

и увидела реальное лицо Запада, чьи лицемерие и оголтелая русофобия вышли за все мыслимые пределы»¹².

В свою очередь Владимир Владимирович Путин в послании к Федеральному собранию 21 февраля 2023 года озвучил новую национальную идею России, процитировав при этом Столыпина, — *«В деле защиты России мы всё должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права — права России быть сильной»¹³*. А на прошедшем 28 февраля 2023 г. заседании коллегии ФСБ России Президент Российской Федерации подчеркнул, что *«конечно, нужно выявлять и пресекать противозаконную деятельность тех, кто пытается расколоть, ослабить наше общество, использует как оружие сепаратизм, национализм, неонацизм и ксенофобию. Это тоже всегда применялось в отношении нашей страны, а сейчас, конечно, попытки наиболее активные – попытки активизировать всю эту мразь на нашей земле»*.

Таким образом, события последнего времени продемонстрировали нахождения обществ коллективного Запада в структуре одной обобщающей их цивилизации. На плахе оказались их пороки, скрытые ранее интересы и слабые стороны. Общества западных государств продемонстрировали себя отделенными от их правительств, что дает большие возможности по манипулированию ими на их же территориях. Поэтому, новый мировой порядок уже наступил, как наступило и время России диктовать свои правила игры на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1996. № 1. С. 810.
2. Манойло А.В. Технология современных информационных войн // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 306–325.
3. Бюйюкчелеби И. Под сенью ислама. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 512 с.
4. Robertson R., Khondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // International Sociology. 1998. Vol. 13. № 1. P. 25–40.
5. Валиахметова Г.Н. Исламский мир — Запад: цивилизационное измерение конфликта политических интересов // Наука сегодня. 2014. 4 (66). С. 7–11.
6. Ханалиев Н.У. Использование западными СМИ технологий информационной войны против роста геополитического влияния России // Имидж России в условиях новых вызовов XXI века: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 4 декабря 2018 г. / под ред. И.А. Василенко. М.: Русайнс, 2021. С. 25–30.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

¹² Дмитрий Медведев: Россия вновь противостоит целой империи разнообразных врагов, объединённых идеями неонацизма. URL: <https://topwar.ru/211723-dmitrij-medvedev-zapad-postavil-cel-zadushit-i-steret-nashu-stranu-s-lica-zemli.html?ysclid=lekcmtn5z0828441605> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Путин озвучил национальную идею РФ и пообещал от неё не отступать. URL: https://www.pravda.ru/politics/1803603-putin_poslanie/ (дата обращения: 10.02.2023).

8. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. 69. № 1. С. 19–26.
9. Оболенский Д.А. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 518.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
11. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т. 1–3. М.: РГГУ, 1997–1999. 1700 с.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. С. 8.
13. Касториadis К. Воображаемое установление общества. Москва: Гнозис, 2003. 480 с.

REFERENCES

1. Huntington S.A. Stolknovenie tsivilizatsii? [Clash of Civilizations?]. *Polis*. 1996;1:810 (In Russ.).
2. Manoilo A.V. Tekhnologiya sovremennykh informatsionnykh voyn [Technology of Modern Information Wars]. *Political Science*. 2017; Special issue: 307 (In Russ.).
3. Vyuyukchelebi I. Pod sen'yu islama [Under the Shade of Islam]. St. Petersburg: "DILYA Publishing House", 2006 (In Russ.).
4. Robertson R., Khondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations. *International Sociology*. 1998;13(1):25–40.
5. Valiakhmetova G.N. Islamskii mir — Zapad: tsivilizatsionnoe izmerenie konflikta politicheskikh interesov [Islamic World — West: Civilizational Dimension of the Conflict of Political Interests]. *Science Today*. 2014;4(66):7–11 (In Russ.).
6. Khanaliev N.U. Ispol'zovanie zapadnymi SMI tekhnologii informatsionnoi voyny protiv rosta geopoliticheskogo vliyaniya Rossii [The Use of Information Warfare Technologies by Western Media Against the Growth of Russia's Geopolitical Influence]. *Image of Russia in the Context of New Challenges of the 21st Century: Materials of a Scientific Conference of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov December 4, 2018*. Ed. by I.A. Vasilenko. Moscow: Rusajns; 2021:25–30 (In Russ.).
7. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Transl. from English. Velimeeva T., Novikova Yu. Moscow: AST Publishing House LLC, 2003 (In Russ.).
8. Taylor C. Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? [What Is the Social Imaginary?]. *Emergency Reserve: A Debate on Politics and Culture*. 2010;1(69):19–26 (In Russ.).
9. Obolensky D.A. Moi vospominaniya o velikoi knyagine Elene Pavlovne [My Memories of the Grand Duchess Elena Pavlovna]. *Russian Antiquity*. 1909;3:518 (In Russ.).
10. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: CANON-Press-C; 2001.
11. Calvin J. *Nastavlenie v khristianskoi vere* [Instruction in the Christian Faith]. Vol. 1. -3. Moscow: RGGU; 1997 (In Russ.).
12. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: AST MOSCOW: Polygraphizdat; 2010 (In Russ.).
13. Kastoriadis K. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [Imaginary Establishment of Society]. Moscow: Gnosis; 2003 (In Russ.).

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич — доктор политических наук, советник департамента по вопросам новых вызовов и угроз, МИД России (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliev — Doctor of Political Sciences, Counsellor to the Department for New Challenges and Threats, Russian Foreign Ministry (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-404-417

EDN: YDPCFX

Research article / Научная статья

Human Security as a Basic Ingredient for the Smooth Running of Society: The Nigerian Experience

Ladan O. Nasirudeen^{1,2} , Nahdrah A. Kadir¹

¹Sains University,
E42, USM, Penang, Malaysia, 11800

²Isa Mustapha Agwai I Polytechnic,
C92, Bukar Saidi, Nasarawa, Nigeria, 950101

 nashon1420@gmail.com

Abstract. Security is an essential component of any establishment's growth, and without it, there is little progress. This explains why successive Nigerian governments have tried various approaches to restoring the country's security. The threat to national security is multifaceted, ranging from the Islamic extremist group Boko Haram to Niger Delta extremist activities, rampant kidnappings in the Southeast, robberies, ritual killings and Herders/ farmers clashes across the country. However, the government's efforts to restore peace in the country have not yielded significant results at various times. This study investigates the effectiveness of human security options in Nigeria as a means of achieving peace. The theoretical framework used in this study is the theory of frustration and aggression and the Marxist theory of structural conflict. And the methodology for the study is qualitative and used secondary sources. However, unemployment, corruption, injustice, poverty, and leadership failure are the major causes of insecurity in Nigeria. However, the burden of the aforementioned challenges necessitates solutions.

Keywords: human, security, ingredients, government, society, Nigeria

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.02.2023. The article was accepted on 25.07.2023.

For citation:

Nasirudeen L.O., Kadir N.A. Human Security as a Basic Ingredient for the Smooth Running of Society: The Nigerian Experience. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):404–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-404-417>

Introduction

Currently, Nigerian society is facing a very serious challenge of insecurity in the country [1]. This difficulty stems from the worries and sadness daily that Nigerians face to comprehend the insecurity challenges that confront them in their current hopeless government. When Nigerians try to comprehend the irony of want and deprivation in a country so rich in natural and human resources, the theme of insecurity becomes especially poignant. However, Houston-based PetroGasWorks.com compiled a report that has earned more than \$300 billion in oil revenues in Nigeria since discovering reserves in the country in 1958, with little to show for it in terms of savings. Moreover, on average is the growing inability of Nigerians to meet their rudimentary needs and requirements [1].

Furthermore, by the end of the Cold War, when discussing Nigeria, the first thought that comes to mind is insecurity. The national security threat has arisen from underlying internal faults and currents rather than from external aggression, particularly in Africa and other developing countries. Unfortunately, the country has been overwhelmed by the threat of insecurity, which has been aggravated by ethnic pluralism, religious bigotry, unemployment, and lack of political inclusiveness, which has been exacerbated by the corruption of the ruling class and unstable democratic government. Even though successive governments have adopted old-fashioned security as “national security”, with an emphasis over the years on protecting the territorial integrity of the nation. However, there are numerous implications for peace and national development. It has reshaped a variety of ways by putting traditional security paradigms to the test.

That is why the Nigerian government is making efforts to ensure the security of human beings are its main pillar, but it always fails. Similarly, it is claimed that a lot of skirmishes in most African countries for example Zimbabwe are certainly the result of government policies that fail to meet or manage their citizens’ basic human physical needs [2]. Based on this reality, redefining security, and the narrow framework of “national security” is becoming important in the world today if long-term peace and national development are tenable. As a result of the preceding discussion, the term “human security” is now introduced in the dictionaries of both development and security. However, the United Nations Human Development Report (HDR) in 1994 broadened the scope of security beyond the narrow sense of security because national security is primarily concerned with protecting the territorial integrity of a state from hostile nations’ aggression.

According to the United Nations Human Development Report (HDR) of 1994, the focus of security concerns is that people should have access to basic needs such as safe drinking water, housing, food, poverty eradication, political inclusion, and access to quality health services. A country can only claim to be safe when they are politically, economically, and socially, educationally independent. Therefore, the cost of spending money on military equipment is not important, when the people living in “protected areas” live in abject poverty, without clean drinking water, access to good health, and quality of education.

To expand on this line of thought, the post-Cold War concept that necessitates a multidisciplinary approach is human security [3].

It was also noted that the United Nations Development Programme (UNDP) 1994 Human Development Report identified people's freedom from want and fear for all as the best approach to solving the problem, as the watershed moment for human security. Nigeria has faced several security challenges, causing widespread fear [4]. Furthermore, the country is plagued by ransom kidnappings, assassinations, and other potential threats to critical infrastructure, as well as militancy in the Niger Delta region and the Boko Haram mystery in the north. Although democracy resolves conflict in society through rational argument rather than violent coercion, failed governments continue to abuse Nigerians. Because crime has tainted all rational thought in the northern states [1].

Moreover, Nigeria's continued existence as a unit depends on the response to the security situation. However, governments have opted for the traditional military decision in Nigeria. This plan has failed to produce results, resulting in increased insecurity across the country [5]. As a result, a strategy shift is required in Nigeria to achieve a long-term acceptable level of national development and peace. Therefore, the study investigates the relationship between long-term peace and human security, as well as national development in general. Despite it is extensive tourism infrastructure, Nigeria is not a popular vacation terminus for other nations. Moreover, Nigerians and foreigners in the country are dominated by fear for their lives daily, as there is rarely a day that does not bring news of kidnapping, murder, and other related crimes in the country.

More so, the widespread insecurity in the country, made no part of the country safe. Indeed, insecurity in Nigeria is regionalized, with the northern states dominated by Boko Haram, and the south-eastern region by kidnappers and vandalism targeting pipelines in the Niger Delta [1]. Equally, the southwest is dominated by ritual killings and kidnappings that are motivated politically motivated. Furthermore, the southeast self-determination movement has posed a security challenge, as the Nigerian government has rid the military of unarmed civilian agitators, and unfortunately, the country's peace and development have been hampered by security challenges. Most foreign stockholders in Nigeria have moved their investments to neighbouring African countries where there is peace. Because when there is no peace, investors will not invest their money where there is a risk [4].

The widespread insecurity in northern Nigeria by Boko Haram is aggravated by ethnic tensions, discouraged investors, and raised concerns among northern Nigeria's neighbours [6]. Nevertheless, billions of naira were spent on military equipment and amnesty programmes by the government in the Niger Delta which has lost many military personnel in the process, misguidedly believing that this is the best way to achieve peace and security. All efforts in Nigeria to address security issues have yielded little or no results. However, the root causes of Nigeria's security crisis are widespread due to endemic poverty, unemployment, and maladministration.

So, when the issue of insecurity is properly addressed, Nigeria can enjoy relative peace. However, in analysing the impact of the Federal Government's amnesty programmes, the factors leading to conflict in the Niger Delta region are dwindling; unless marginalisation, ecological dispossession, and underdevelopment are addressed, the current peace in the region may not last long [7]. Furthermore, the study sought to examine these intervening factors and propose that a "human security" method in Nigeria is on the path to peace and development. The approach to human security emphasised the importance of ensuring freedom from "need" and "fear" rather than national security. Human security is inextricably linked to good governance and development. This entails providing qualitative food, education, safe drinking water, creating jobs, and advancing the economy. It is pointless to spend billions of naira on military equipment while people live in abject poverty, excruciating agony of deprivation, and an environment infested with disease and a variety of diseases.

Human Security Approaches

Human security studies literature reveals that there are fundamental questions to be asked; answers to these questions have become critical approaches to human security. These approaches were described by the United Nations Development Programme, Human Development Report in 1994:

- Who is in charge of security? Human security work is concerned with individual safety rather than state security. Specific reports may focus on specific target (vulnerable) groups and individuals, but their selection criteria must be explained.
- What kind of security do you require? What values must be protected? The human security approach takes into account people's survival, livelihood, and dignity.
- What do you want to be safe from? What threats are most important at a given time and place? It is also necessary to decide how many issues to include and how they will be linked. Consider the perception of threats about their actual occurrence. Human security threats include objective, tangible elements such as insufficient income, chronic unemployment, insufficient access to adequate health care and quality education, as well as subjective perceptions such as the inability to control one's destiny, indignity, fear of crime and violent conflict, and so on.
- Who is eligible to participate? While acknowledging the primary role of the state, many actors can and should play a role, including individuals, businesses, communities, and international organisations.
- What methods can be used to promote human security? While some common tools/strategies are recommended (for example, the principles of being comprehensive, contextual, participatory, and preventive), reports should be creative, innovative, and context-specific.
- Security levels — are there examples of inadequate or excessive (human) security? Some form of cost-benefit analysis should be used to investigate the

trade-offs implicit in focusing on one threat rather than another and on one type of response rather than another.

Another factor to consider at this stage is whether to prioritise institutional consolidation or institutional innovation. These approaches are not mutually exclusive, but the choice will affect many aspects of the report.

Literature Review

i. Nigeria Security Challenges

The Boko Haram insurgency, militancy and marginalisation in the Niger Delta, kidnapping, armed robbery, and clashes between herders/farmers are discussed as security challenges in Nigeria. Boko Haram's infamous activities have become a threat to Nigerians and the international community [4]. Boko Haram's ideological goal in the country is to impose strict Islamic Sharia and overthrow the Nigerian state with its Western values [8]. It is primarily Western-style opposition to the Nigerian state. Civilizational clashes are understandable. The conflict between Islamic and Western values stems from the West's efforts to promote democracy and liberalism to maintain military dominance and advance global economic interests.

Boko Haram, on the other hand, is a reaction to the rapidly fading Western civilization, which has already eclipsed other civilizations such as Islam. As a result, one school of thought contends that their unpleasant activities, which have harmed various segments of society and provide the psychological basis for uncertainty in the society, are exacerbated by an effective Northern minority's extensive use of state authority to cover up these heinous murders, abuses, and dismiss them as nothing more than delving into the social reality of Northeast Nigeria while nothing is done to prevent terrorism into the Nigerian criminal space. Furthermore, some people are still concerned about the organization's historical origin.

In a related development, Boko Haram has existed since 2001 but only became well-known in 2009 when it was actively involved in sectarian violence in northern Nigeria [1]. He also claims that Ustaz Mohammed Yusuf founded this group in Maiduguri in 2002. In 2004, he relocated to Kanamma, Yobe State, and established the "Afghanistan" base. However, the death of their leader in 2009, resulted in regular attacks on churches, mosques, security installations, and media organisations, with large numbers of casualties, leaving the government defenceless and unable to contain the uprising. The group launched an attack on Police Station in Bauchi State (DutsenTasnshi) on July 25, 2009. It was a five-day strike between security forces with Boko Haram, during which approximately 800 persons died, and many were injured.

A lot of lives and property were lost because of this rampant terrorism are incalculable. They burnt worship centres and other public structures were destroyed. Terrorists also bombed the Nigerian police headquarters in Abuja on June 16, 2011 [9]. Anyadike went on to say that August 26, 2011, bombing of the United Nations House in Abuja affected a large number of Nigerians. However, the Niger Delta region is one of the world's most blessed deltas [7]. However, with the

commercial discovery of oil in this part of the country, the Nigerian government has not been a boon to the region. Furthermore, the discovery of “black gold” was followed by extensive oil exploration and production. To the point where the Niger Delta became the country’s petroleum resource hub. More than 90 % of the government’s revenue comes from crude oil extracted from the strip. Despite its oil wealth, the region is impoverished and has a high unemployment rate.

The governments have been unable to deal with the deliberate marginalisation of people who are custodians of the nation’s wealth, which is a paradox [1], Despite huge crude oil revenues from the region, their people live in abject poverty and social deprivation [10]. Indeed, the context for the region’s excitement and subsequent militancy. The current outbreak of violence can be traced back to the Kaiama Declaration issued by the Ijaw Youth Council in 1998 [11]. The statement, according to them, ordered all multinational oil companies in the Niger Delta to leave by December 31, 1998, resulting in the rise of various militias in the region, Asari Dokubo, Niger Delta Watchman, directed by Ateke Tom [10].

However, militants are committed to all forms of violence and crime. It is a one-of-a-kind act of callousness that has cost the country dearly in terms of oil revenues and military spending. Recognizing that military action will not bring peace to the region, the successive government granted the militants unconditional amnesty on June 25, 2009. The amnesty required militants within 60 days to surrender the weapons in their possession [12]. While N65,000 stipends will be paid to the ex-militants at the end of every month. Moreover, national and international training will be given to them to gain employability and reintegration into civil society. This appears to be a good thing, and it has almost brought the militancy in the area to a halt. Merit tends to corrupt in Nigeria. Violence frequently befriends a large proportion of the unemployed and unemployed youth where the state is in ruins.

This has occurred, especially among those who were not reintegrated into society following the Demobilization and Disarmament (DD) programmes and are thus returning to the ravines to regroup. The Niger Delta Avengers have recently resurrected their militancy. Unfortunately, in this country, we want to hide things with understatements [10]. Bribery is an agreement if it is observed. Corruption has been a stumbling block to any genuine government in Nigeria. The palliative measures by the government aimed at bettering the poor have been drained, and the rich and powerful have salted millions of naira from them. That is why the elites have sacrificed the reintegration programme for short-term gain, compounding the problem of long-term peace in the Niger Delta Owolabi et al. [10].

Similarly, pertinent questions that require immediate responses include: who has been reintegrated into society, what selection criteria were used, who developed the criteria, and how can peace be achieved through the amnesty programme. As a result of the militancy’s reaction to the situation, peace should have been viewed as part of a process that would lead to long-term peace [10]. In any case, long-term peace will remain elusive unless the issue of poverty and underdevelopment in this region is addressed.

ii. Kidnapping

The kidnapping crisis in Nigeria is becoming a tidal wave and it is so prevalent in the country's southeast and southwest, it is a national security concern. Kidnapping is now a large "industry" and a reliable source of income, particularly in the country's southeast [13]. Although some kidnappings are politically motivated, the primary motivation driving the "industry" is monetary gain, with victims paying large sums of money as ransom. In Nigeria, poverty, unemployment, and mismanagement are the factors responsible for insecurity in the country with youths who are easily tempted to commit violent crimes to survive. The kidnapping incident harmed Nigeria's national image. It has also had an impact on Nigeria's efforts to develop the tourism industry, as its neighbouring countries regularly warn visitors not to visit Nigeria [1].

According to Inyang, the major reason why abduction is frequently associated with youth unemployment in Nigeria is because of the famous adage "an idle guy is the devil's workshop", which explains unemployment in Nigeria. He referred to the fact that untold numbers of abled women and men in Nigeria roamed the streets, searching out a process that no longer existed. As a result, many idle youths have engaged in criminal activities, which include kidnapping, on account of frustration and mounting responsibilities. Inyang similarly recounted that a graduate who cannot stabilize a process is psychologically bereft of different manners of subsistence. In one of these situations, the younger individual may want to broaden his or her mindset toward society. Inyang additionally believed that the spread of arms because of the miscreant political patronage dumped after elections may circuitously inspire and beautify abduction. More so, Inyang likened the ultra-modern kidnapping scenario to the scourge of armed theft in the early 1980s.

iii. Armed robbery

One of the most common crimes in Nigeria today is Armed robbery [1]. It has taken on various dimensions over the years. Carjacking, mugging, home and office burglary, and kidnapping are all examples of armed robbery in Nigeria. Confirming this, Nigeria is currently beset by numerous insecurity challenges [10]. Nigeria has become a breeding ground for daring thieves and other criminal activity, in addition to the scourge of kidnapping. Thieves abound on Nigeria's major highways, making travel frightening. Between December 2015 and November 2016, the Nigerian Police Command in Lagos State arrested 486 armed robbery suspects. This report contains no statistics on successful armed robberies in Lagos or elsewhere in Nigeria. Armed robbers attack banks in Nigeria every day, stealing billions of naira. They are loud.

iv. Youth unemployment

The beast that the country is dealing with today is unemployment in Nigeria. Like other African countries, is grappling with the issue of youth unemployment. This has become a major threat to the country's political space's survival [14]. Unemployment occurs when qualified people want to work but are unable to find it. Unfortunately, the youths are disproportionately affected by Nigeria's rising unemployment rate.

In Nigeria, young school leavers are expected to spend at least ten to fifteen years on the streets looking for work before finding it. According to the National Statistics Bureau in 2017, the unemployment rate in Nigeria increased from 10.4 % in the fourth quarter of 2015 to 12.1 % in the first quarter of 2016, 13.3 % in the second quarter of 2016, and 13.9 % in the third quarter of 2016 when compared to the Benin Republic, which had an unemployment rate of 1 % at the same time.

v. Poverty

Poverty is strongly linked to disorder and financial deprivation [15]. He also stated that poverty's financial deprivation and disorder prevent children from reaching their intellectual and physical potential. Nigeria is one of the most resource-rich countries on the planet, but its people live in abject poverty. This is because the nation's wealth is inhabited by negative people. Although Nigeria's oil and fuel line manufacturing debts account for more than 90 % of sales, Nigerians live in abject poverty, social deprivation, and injustice. Inappropriately, as poverty worsens, the adolescent population has continued to engage in kidnapping and other forms of civil unrest for survival.

According to Butler, n.d., poverty is a social annoyance. For many years, but especially in the last two decades of civil rule, there has been a persistent paradox of wealth inhabited by negative people. Most experts agreed that poverty should be viewed in terms of proportions rather than absolutes. The concept of absolute poverty has numerous extreme conceptual problems because it focuses solely on food. Furthermore, there may be no single subsistence level that can be used to define poverty. One of the many causes of Nigerians' lack of confidence is poverty. The impact of poverty on the poor cannot be overstated. The poor cannot afford three square meals a day, and the available meals do not provide the necessary diet for human health. Poverty, once again, prevents people from receiving adequate shelter, as many people sleep under bridges or in open spaces with poor hygiene. The poor cannot send their children to school because their primary concern is survival. They are also easily persuaded to engage in prostitution, child labour, drugs, terrorism, and a variety of other social and criminal vices. This is another sign of human insecurity.

vi. Leadership Failure

Even though Nigeria's security situation has worsened over time as a result of poor governance, political distraction, and the government's inability to deliver the desired dividend [16]. Good governance and targeted management are required for peace and security. Every authority is required by law and morality to meet its citizens' aspirations by providing them with things like better roads, better jobs, better healthcare, better training, better meal protection, better opportunities, and better choice. Almost all of these items have vanished in Nigeria due to management failure. When governance fails, as it does in Nigeria, the safety framework deteriorates [17]. There should always be a few links between the top security factors to ensure a strong security system.

Examples include the rule of law, obligations and transparency in resource control, political stability, the provision of basic wants and offers, and the absence of corruption. It should be noted, however, that poor governance constantly sows the seeds of violence within the state and poses a threat to any nation's internal security. Since the country's return to civilian rule in 1999, people's expectations of successive Nigerian governments have been far from met. Instead, Nigerians are filled with dread and hopelessness as they witness corruption, political impunity, and deliberate looting of the national treasury. Second, land insecurity diverts development funds to cover the cost of violence. Typically, investors request country risk insurance. Individuals and governments frequently spend large sums of money on various forms of security. The average Lagos or Onitsha household spends approximately ₦5,000.00 per month on security.

This is on top of the exorbitant cost of fortifying his space. Third, the state's tourism potential is jeopardised because both tourists and potential investors will prefer to spend their money somewhere where there is peace and safety rather than somewhere where there is a high risk of being killed. A fourth aspect of insecurity is the devastation it causes to both individual and societal psychological health. When a person feels unsafe, he is less productive. Land insecurity has serious ramifications for the state's meaningful development.

vii. Corruption:

Corruption is defined as deception or illegal behaviour by residents in positions of authority. According to Ikejiani, corruption is "the inducement of the way of wrong things to violate duty, an inducement in cash or kind to stable offerings or items from public officials or companies illegitimately or abnormally". There will always be insecurity where there is corruption. When society begins to honour and recognize residents who have become wealthy in questionable ways, as Nigeria has done in recent decades, we send signals that crime can pay the wealthy. This discourages hardworking and honest people from pursuing a criminal lifestyle. The Nigerian monetary system has deteriorated so dramatically that we now have a problem with corruption. A fraudster is far more likely than a hardworking member of the community to be rewarded with a traditional name.

This is another reality that jeopardises human security. Corruption has the potential to deprive people of necessities like primary health care, safe drinking water, roads, electricity, and primary education. The World Bank defines corruption as "the use of public office for private gain". When a public official accepts, edicts, or extorts a bribe for personal gain, he or she is abusing public office. It is also abused when private agents actively offer bribes to gain a competitive advantage and profit by circumventing public policies and processes. Even if there is no bribery, the public office can be abused for personal gain through patronage and nepotism, theft of state assets, or diversion of state revenue according to Awojobi.

viii. Inequality and marginalization:

Inequality between first- and second-class citizens is a common variable in Nigeria today. This is due to the current Nigerian government's strong association with ethnic disparities and the marginalization of certain parts of the country in terms of providing basic infrastructure, which has significantly worsened Nigeria's security according to Nwadior. Key political positions are currently held by people of northern descent, leaving the Southeast out of the loop. That could explain the agitation for the Biafra Republic and the Islamic Movement of Nigeria (IMN) and subsequent security breaches. In addition, it is abundantly clear that life chances in Nigeria are extremely varied. A large part of the population feels disadvantaged, oppressed, and excluded, which leads to dissatisfaction and hopelessness, especially among young people. Such young people are now expressing their dissatisfaction with the situation through any possible means, legal or illegal, such as kidnapping, leading to increased insecurity according to Onuoha.

ix. Conflicts between herders and farmers:

This is an important aspect of Nigeria's human insecurity. The majority of Nigerian farmers are peasants who rely solely on farm produce for food, shelter, and other necessities. Herders rely heavily on their cattle for a living as well. Herders and sedentary farming communities have coexisted peacefully in the past. In general, they had a peaceful, mutually beneficial relationship in which herders' cattle fertilised farmers' land in exchange for grazing rights. However, tensions have risen in the last decade, with increasingly violent outbursts spreading throughout the country's central and southern states; incidents have occurred in at least 22 of the country's 36 states (Crisis Group Interview, 2 June 2017). According to one report, over 2,000 people were killed and tens of thousands were displaced in the states of Benue and Kaduna alone in 2016 (Crisis Group, 21 March 2017). In the states of Benue and Kaduna alone, over 2,000 people were killed and tens of thousands were displaced in 2016 (Crisis Group, 21 March 2017).

One of the causes of the increased clashes was the introduction of irrigation farming in Nigeria's savannah belt to improve food security for the country's growing population; as a result, more land was dedicated to farming activities. This limited access to the vast area used by Fulani herders to rear their herds, particularly along the riverbanks of savannah belts in the country's north [10]. Tenuche and Ifatimehin in 2009, Solagberu and Oluwasegun in 2010 identified the need for grazing movement across regions to access pasture and support herds. Climate change (frequent droughts and desertification); population growth (loss of northern grazing lands due to human settlement expansion); technological and economic changes (new livestock and farming practise); crime (rural banditry and cattle rustling); political and ethnic strife (exacerbated by the spread of illicit firearms); and cultural changes (the collapse of traditional conflict) were all cited as causes of the clashes.

Farmers and pastoralists have taken matters into their own hands due to a broken legal system that allows crime to go unpunished. Conflicts between herders and

farmers have resulted in untold losses of life, economic damage, and a wide range of social, psychological, and emotional consequences. Tens of thousands of people have been forced to flee their homes. Between January 2015 and February 2017, at least 62,000 people were displaced in Kaduna, Benue, and Plateau states; in the absence of Internally Displaced Persons (IDP) camps, most sought refuge in other poor, rural communities, straining their already limited resources (Crisis group, 2014). Women and girls are frequently disproportionately affected. The relatives of men killed in the violence frequently evict widows from their farmland. Furthermore, post-conflict economic and social marginalisation increases the vulnerability of women and girls to sexual and economic predation (2014) (Crisis Group).

Theoretical framework

The theoretical framework used in this work and the research it underpins is based on two theories: the theory of frustration and aggression and the Marxist theory of structural conflict, which are used to explain corruption and insecurity, respectively. “Frustration-aggression theory”, one of the classic theories of resentment in social psychology, was proposed in 1939 by a group of Yale University researchers, most notably Dollard, Dub, Miller, Maurer, and Sears in their book *Frustration and Aggression*. Aggression, according to the theory, is the result of frustration caused by a person’s frustration and inability to achieve one’s goals in society. As a result, insecurity is caused by aggressive behaviour as a result of issues such as poverty and unemployment, among others. Applying this to the study, extreme poverty, unemployment, environmental degradation, injustice, and insecurity have resulted from the country’s high level of corruption.

Tensions and conflicts arise when resources, status, and power are unequally distributed among groups in society, according to Karl Marx’s conflict theory, and these conflicts serve as engines of social change. According to Marx, conflict not only changes relationships within the existing social structure but also transforms the entire social system. According to Coser in his book “*Social Conflict and the Theory of Social Change*”, conflict arises when various dissatisfied groups and individuals try to increase their share of satisfaction. Those with a “vested interest” in the distribution of honour, wealth, and power will oppose their demands. Similarly, resentment is likely to arise when certain groups in a social system compare their share of power, wealth, and status with that of other groups and call the legitimacy of that distribution into question.

Methodology

The study was based on easily documented ex post facto data gathered over time. Nigeria is the study area because a security problem in one part of the country affects the rest of the country, and the investigation is qualitative. As secondary materials, magazines, books, unpublished works, official government documents, and newspapers were used and reviewed.

Findings and Discussion

Because of the country's onslaught of insecurity, Nigeria is one of the failed states, and any serious effort to combat the monster necessitates an understanding of the root causes. Because the causes of violence and insecurity are complex, people who are oppressed, discriminated against, socially excluded, or poor may resort to violence [4]. This speech addresses some of Nigeria's underlying causes of insecurity, such as youth unemployment, poverty, corruption and leadership failure, exclusion, and injustice.

Conclusion and Suggestions

The human security approach sought to foster a cooperative, peaceful, and stable environment conducive to the advancement of human rights and overall national security. It focuses on improving a state's citizens' existential conditions by preventing or combating threats to their security, well-being, and survival while also preserving the state's corporate existence. To summarise, if Buhari's administration does not address the threats of hunger, diseases, poverty, acute youth unemployment and underemployment, poor governance, political and economic exclusion, and a lack of social amenities, fortifying security walls with the latest security equipment/gadgets and assigning security professionals to secure the populace will be futile in Nigeria. This study suggests the following security measures for Nigeria:

- To promote democratic stability and overall national security, the government should increase efforts at all levels to address security threats such as hunger, diseases, poverty, acute youth unemployment, political and economic exclusion, and human rights violations.
- The Nigerian government's revenue sources must be expanded to include agriculture, tourism, and space technology. This can be accomplished through the transfer of technology, the acquisition of skills, the development of capacity, the reform of public services, and the provision of critical infrastructure. Additionally, the government should increase capacity-building efforts through extension education.
- To increase agricultural productivity and food security in the country, the government should support agricultural research and training through research institutes, universities of agriculture, federal and state colleges of agriculture, and other components of the national agricultural research system, as well as the provision of associated amenities for improved rural farmers' livelihoods through the construction and maintenance of rural infrastructure.
- The government should promote national unity by reinforcing positive social norms
- To foster national pride, states should undergo cultural and value reorientation to ensure peaceful coexistence of among different ethnic nationalities in states.

REFERENCES

1. Okorie E., Dozie H., Chima C. Insecurity Challenges in Nigeria: Human Security. *Option as a Panacea*. 2018;8(5):1–9.
2. Orikpe E.A. Education and national security: Challenges and the way forward. *Journal of Educational and Social Research*. 2013;3(10):53.
3. Enu D.B., Ugwu U. Human Security and Sustainable Peacebuilding in Nigeria: The Niger Delta Perspective. *Journal of Sustainable Development*. 2011;4(1):254–259.
4. Chukwu J. Boko Haram Insurgency and its Implications on National Integration in Nigeria. *International Scholars Journal of Arts and Social Science Research*. 2019;1(2):13.
5. Ewetan O., Urhie E. Insecurity and Socio-Economic Development in Nigeria. *Journal of Sustainable Development Studies*. 2014;5(1):40–63.
6. Eme O.I., Ibietan J. The Cost of Boko Haram Activities in Nigeria. *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)*. 2012;2(2):10–32.
7. Emuedo C.O. Challenges to Sustainable Peace and Security beyond the Amnesty in the Niger Delta, Nigeria. *Afro-Asian Journal of Social Sciences*. 2013;4(4):1–20.
8. Onyebuchi E.E., Chigozie C.F. Islamic Fundamentalism and the Problem of Insecurity in Nigeria: The Boko Haram Phenomenon. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science (IOSR-JHSS)*. 2013;15(3):43–53.
9. Anyadike N.O., Nkechi O. Boko Haram and National Security Challenges in Nigeria; Causes and Solutions. *Journal of Economics and Sustainable Development*. 2013;4(5):12–23.
10. Owolabi E.A., Igiebor G.O., Akpan N.S., Obarisiagbon E.I., Omagie M., Sturmey P., Breuer J., Elson M., Greif G.L., Bowers D.T., Moynihan D.P., Ingraham P.W., Schultze-kraft M., Braithwaite J., Bento G., Dias G., Aldrich R.J., Herrington L., Ong C.S., Aminu Musa Audu B. The Social Problem of Kidnapping and its Implications on the Socio-economic Development of Nigeria: A Study of Uyo Metropolis. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;4(1):531–544. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415324.004>
11. Ugwuanyi B.I., Obaje I., Ohaeri C.S., Ugwu C.E., Ohagwu C.A. Militancy in the Niger Delta Region of Nigeria: A Reflective Discourse on the Cause, Amnesty and Imperatives. *Review of Public Administration and Management*. 2014;3(6):76–86.
12. Emuedo C.G.O. Oil and Environmental Despoliation: Implication for Food and Health Security in the Niger Delta. *Proceedings of the Workshop on Confronting the Challenges of Development, Environmental Management and Peace Building in the Niger*. Delta: Beyond Amnesty; 2011:118–136.
13. Uzorma P.N., Nwanegbo-Ben J. Challenges of Hostage-taking and Kidnapping in Southeastern Nigeria. *International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature*. 2014;2(6):131–142.
14. Odunuga A.D. Trickle Down Youth Unemployment in Nigeria by Leveraging Entrepreneurial Education. *Third Annual International Conference on Sustainable Development (ICSD)*. NY: Columbia University; 2015.
15. Offiong D.A. *Globalisation: Post Neo-dependency and Poverty in Africa*. Redondo Beach: Fourth Dimension Publishing Society Limited; 2001.
16. Nwanegbo C.J., Odigbo J. Post Independence Peace Building in South Sudan: 10 Looking Beyond Ephemeral Peace. *International Journal of Social Science Tomorrow*. 2013;2(1):1–10.
17. Nwoba C.C. Governance, Security and Kidnapping in South-East of Nigeria: The Focus on Imperative For State Police. *State, Governance and Regional Integration in Africa*. Ilorin: Nigerian Political Science Association; 2019.

Information about the authors:

Ladan O. Nasirudeen — Lecturer, Political Science Section School of Social Science Universiti Sains (Malaysia) and Isa Mustapha Agwai I Polytechnic (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-4255-1201) (e-mail: nashon1420@gmail.com).

Nahdrah A. Kadir — Dr.Sci., Lecturer, Political Science Section School of Social Science Universiti Sains (Malaysia) (e-mail: nadhrrah1@gmail.com).

Безопасность человека как основной компонент социального управления: опыт Нигерии

Л.О. Насирудин^{1,2} , Н.А. Кадир¹

¹Университет Саинса,
11800, Малайзия, Пенанг, ЮСМ, Е42

²1 Политехнический институт Иса Мустафа Агвай,
950101, Нигерия, Насарава, Букар Сауди, С92

 nashon1420@gmail.com

Аннотация. Безопасность важна для функционирования любого социального института, и без ее обеспечения общественный прогресс, как правило, будет незначительным. Это объясняет, почему сменявшие друг друга правительства Нигерии пробовали различные подходы к восстановлению безопасности страны. Угроза национальной безопасности многогранна: от исламской экстремистской группировки Боко Харам до экстремистской деятельности в дельте Нигера, похищений людей на юго-востоке, грабежей, ритуальных убийств и столкновений пастухов и фермеров по всей стране. Однако усилия правительства по восстановлению мира в стране в разное время не давали значительных результатов. Исследуется эффективность вариантов обеспечения безопасности человека в Нигерии как средства достижения гражданского мира. Теоретическая основа, используемая в этом исследовании — теория фрустрации и агрессии, а также неомарксистская теория структурного конфликта. В основе методологии исследования лежат качественные методы с использованием вторичных источников. Результатом исследования стало выделение следующих основных переменных в качестве основных причин отсутствия безопасности в Нигерии: уровень безработицы, коррупции, социальной несправедливости, бедность и несостоятельность руководства.

Ключевые слова: человек, безопасность, ингредиенты, правительство, общество, Нигерия

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 15.02.2023. Статья принята к публикации: 25.07.2023.

Для цитирования:

Nasirudeen L.O., Kadir N.A. Human Security as a Basic Ingredient for the Smooth Running of Society: The Nigerian Experience // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 404–417. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-404-417>

Информация об авторах:

Насирудин Ладан Одзаяси — преподаватель секции политологии Школы социальных наук, Университета Саинса (Малайзия) и Политехнического института Исы Мустафы Агвая I (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-4255-1201) (e-mail: nashon1420@gmail.com).

Кадир Надра А. — доктор наук, преподаватель секции политологии Школы социальных наук Университета Саинса (Малайзия) (e-mail: nadhrrah1@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-418-433

EDN: XSTNAF

Research article / Научная статья

Administrative Traditions of China and Indonesia

Anwar Anwar¹, Rosidah Rosidah¹ , Ayu N. Pramazuly¹ ,
Refly Setiawan² , Stanislav V. Mladenov³

¹Tulang Bawang University,
34, Gajah Mada Street, Kota Baru, Lampung, Indonesia, 35128

²Sakarya University,
Kemalpaşa, Esentepe Campus, University Cd., Serdivan, Sakarya, Türkiye, 54050

³Kazan Federal University,
18, Kremlyovskaya St, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

 refly.setiawan@ogr.sakarya.edu.tr

Abstract. Each country has a different administrative tradition, such as those found in China and Indonesia. The two countries are close to each other and have good relations to date. Chinese Confucian teachings that are still preserved today have brought this country to change. The method used in this study is a qualitative research method using a document or literature analysis approach. The use of this method aims to obtain material and empirical data obtained through journals and scientific papers, reports, books, and other documents related to the research being conducted. The results of the study explain that the evolution of administration in China occurred from generation to generation, giving the characteristics of each dynasty. Similar to China, in Indonesia, the people also adhere to Pancasila values and include these values in the administration of government in Indonesia. The Indonesian nation upholds ethnic differences and tolerance of religious differences. However, national values still refer to Pancasila ideology and do not use Confucian teachings in administering government in Indonesia.

Keywords: Administrative traditions, Government, Ideology, Public administration, China and Indonesia

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 19.04.2023. The article was accepted on 29.06.2023.

For citation:

Anwar A., Rosidah R., Pramazuly A.N, Setiawan R., Mladenov S.V. Administrative Traditions of China and Indonesia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):418–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-418-433>

Introduction

The administrative tradition has had a lot of impact on the development of administration in a country and significant changes. As we know, one of the goals of Public Administration is to better understand relations between countries and the public and in order to increase political responsibility which includes public needs [1]. In addition, public administration also aims to establish institutions as administrative practices so that administrative activities are carried out effectively, efficiently, and transparently [2]. According to Hebert A. Simon [3] defines administration is a cooperative activity by a group that aims to achieve common goals. Public administration is the entire implementation of the power of the state government by utilizing and utilizing human resources and the state budget for the creation and implementation of state tasks. The Chinese state has a centralized administration starting from the central government level to the regional government level [4].

Administration in China continues to evolve from generation to generation and goes through several phases. In its development, China has always instilled the values of Confucianism, but over time, these values have evolved and kept up with the times. The development phases of public administration in China are divided as follows [5]:

- a. The first phase of the imperial age; During this time, the system of long-term, experienced kingdoms evolved gradually leading to complex structures and institutions.
- b. Period 1912–1949; State administration in that period was a kingdom war and disintegration. At that time, the Kuomintang party established a national regime in Canton in 1925 and built the State Council as the highest executive. After 1928 the Kuomintang Party unified China under one name.
- c. Period 1949–1978; The state administration in that period had national security and social transformation which were the two main missions of the Chinese Communist Party (CCP) during the third decade of the People's Republic of China (PRC).
- d. 1978; In this phase, by implementing reforms and open policies in an experimental way it gradually began to incorporate the modern values of Public Administration.
- e. Period 1912–1978; China's administration in that period was determined by competition and compromise between two Western political ideas, liberal democracy and socialism which resulted in an administrative system that served as an instrument of political struggle.
- f. Early 2000s; China has been trying to improve the efficiency and quality of public services by reforming the structure of public administration.

China's bureaucracy is a large bureaucracy that is widely distributed beyond the size of developing issues such as the political system [6]. Since many public policies that occur in China require the approval of more than one bureaucracy to be implemented, coordinating actions between different bureaucracies can be a difficult process and takes time [7]. In 1911, the Republican Revolution in China took the first steps in ending nearly 4,000 years of imperial rule by successive dynasties. The foundation of the People's Republic of China (PRC) in 1949 based

on revolutionary Marxist-Leninist principles is presented as a complete break with the feudal past. The break from the imperial heritage and Confucianism is considered so obvious that there has been little academic discussion trying to trace the current system of institutions back in time. The disconnect between the present and the past seems to indicate that administrative traditions have had a limited impact on the design, practice, and culture of contemporary Chinese public administration [8].

Each country has its own administrative tradition, this is also in line with the administrative tradition in Indonesia. This country is an archipelagic country where the majority of the population is Muslim. Confucian values first entered Indonesia in 1955 in line with the formation of the Indonesian Confucian High Council of Religion, which is a religious organization to promote the development of Confucian teachings [2]. Based on the history of the Indonesian nation, Confucianism is actually thought to have existed since the end of prehistoric times. Evidenced by the discovery of prehistoric objects such as shoe axes in Indo-China and Indonesia. This discovery proves that there has been a relationship between the kingdoms in mainland China and Indonesia either directly or indirectly through Indo-China. The arrival of ethnic Chinese to Indonesia has also brought along traditions, norms of a way of life, and a fanatical attitude towards the traditions of their ancestral country. Wherever the Chinese live, the guidelines and foundation of their sociocultural life are always based on the teachings of Chinese thinkers [9].

In the development of state administration in Indonesia, the ideological values of Pancasila and the 1945 Constitution are references in the implementation of the state administration system [10]. Even though the Chinese ethnicity is one of the most ethnic groups in Indonesia, the values of the Pancasila ideology are still shared by all ethnic groups who are part of the nation in Indonesia. As a system, Indonesian state administration consists of many interdependent parts as a single unit, including the organizational structure of state institutions, central-level organizational structures, administration of Indonesian state administration, financial and material management, state economic institutions, utility management, strategies for improving state administration and application of information and communication technology in state administration [11].

In Indonesia, the implementation of state administration began in 1950, during the parliamentary democratic regime. Since then, the government's first task is to create an administrative system that can guarantee the implementation of a government system, even in the regions [12]. As is well known, Indonesia during the 1950s inherited a fragmented federal state administration system (Wibawa, 2016). It was only during President Soekarno's time that an administrative system based on the monocratic bureaucratic model was formed to build unity and integrity based on the ideology of the Indonesian nation [13]. President Soekarno also implemented a policy called a cabinet reshuffle, replacing officials who were considered dishonest. With Presidential Decree No. 6 of 1960, President Soekarno revamped the regional government system with an emphasis on the efficiency and capacity of the central government towards the regions.

Research methods

This study uses qualitative methods and explanative analysis methods by applying the document or literature analysis approach. The use of this method aims to obtain empirical material and data obtained through journals and scientific papers, reports, books, and other documents related to the research being carried out [14]. Activities in data analysis according to Miles and Huberman [15] include: a) Data collection, in the form of information obtained from primary and secondary data. The data that will be used by the author in this research are data obtained from literature studies such as from books, document journals, reports, and internet sources, b) data reduction, in the sense of making a summary, selecting the main things, focusing on the important things, and then determining the themes and patterns. Thus the data that has been reduced will provide a clearer picture and facilitates the researcher to carry out further data collection, and search for it if necessary. The data that will be used by the author is data that could specifically explain and accommodate the problem formulations and objectives in this research; and c) presentation of data in the form of descriptions that narrate data in the form of numbers and information to strengthen arguments.

Research results and discussion

Confucius Thought

Confucius or Kong Fuzi (551–479 BC) is a great Chinese philosopher who emerged with other thinkers in the era of the Western Zhou Dynasty (722–221 BC) such as Laozi (Daoism), Han Feizi (Legalism), Mozi (Moism), Mengzi and Xunzi (followers of Confucius). These thinkers tried to contribute their thoughts in order to participate in finding a way out of the endless socio-political crisis in an era known as Zhan Guo (Age of the Warring States). Confucius is of the view that the government and society will be peaceful again if all parties are willing to self-correct from disgraceful actions, do everything proportionally, and behave according to their respective capabilities [7].

As we know, the core of Confucius' teachings lies in the ethics and morals that govern human relations according to their respective statuses. Confucius' moral teachings contain elements of human wisdom such as Ren (humanity), Yi (virtue/justice), Li (rules), Zhi (knowledge), Xin (integrity), Zhong (loyalty), and Xiao (respect for people). old, Chi (shyness), Liang (kindness), Cheng (honesty), Wen (knightly), and Shu (forgiving). By being guided by commendable qualities, chaos in society can be overcome and in turn, the country can return to peace and order. At the government level, Confucius called for every ruler to act based on humanity (Ren) and justice (Yi) so that his people would still be loved and obeyed [9].

Confucius' ideas were only once rejected in dynastic China when Emperor Qin Shihuang of the Qin Dynasty (221–207 BC) banned the dissemination of Confucius' thoughts and burned his books. The rest of Confucius' teachings have gained

a place of honor throughout the history of the dynasty in China and have been able to survive in the face of competition with religious teachings and world life philosophies that entered China. Starting from the Han Dynasty (202 BC — 220 AD), Confucius' teachings have been established as the basis for state philosophy, educational curricula, and subject matter tested in the school examination system as well as for the recruitment of royal officials. The teachings of Confucius, which have survived for 2500 years with ups and downs, have become an inseparable part of Chinese society. Confucianism has also become a trademark and identity of the Chinese nation which is known internationally [4].

Evolution of the traditional Chinese administrative system

The imperial system of government and administration was not entirely void of institutional features of checks and balances. Indeed, centuries of dynastic rule in Imperial China witnessed a long process of rivalry between the emperor's power and the power of his scholar-officials who functioned as prime ministers and ministers. As put by Fei Xiaotong, the power of the emperor was restricted by two factors: the principle of '無為而治 (wuwei erzhi)' ('governing without positive actions', a notion somewhat similar to the Western concept of laissez-faire), which rendered the emperor powerful but with 'limited' functions; and the presence of the Confucian gentry class, who acted as an intermediary between the common people and the monarchy [8].

The first line of checks and balance over the ruler's power lay in the ethical and ideological definition of good governance [16]. According to Confucianism, which became the state-sanctioned doctrine during the Han Dynasty, Li (the rites) was a collection of principles of propriety that governed and guided social relationships, including between the ruler and his subjects. It provided a basis for social and political order [9]. Thus Confucius said: 'To stabilize the upper class and to govern the common people, nothing is better than the Rites'. Emperors over the ages were thus all expected to rule the lands according to Li, which served the wider social function of 'offering a unified moral code (a "constitution") for the traditional Chinese society, which served to socialize every young generation and make trustworthy adults through conscious cultivation of virtues (De)'.

Under the Rule of Virtue, rulers should behave as sage-kings, so that all will result in good order and be in accord with goodness. In terms of 'rulership' (or statecraft), the emperor was required to fulfill four principal duties: to respect heaven and nature, to follow the rules and methods laid down by the ancestors, to be diligent in administration, and to care for the people. These four elements constituted the 'imperial virtues'. Once a ruler had lost these virtues, he would be regarded as having lost the mandate of heaven and could be deposed. Indeed, during Imperial China's dynastic changes, successful coups d'état and rebellions were justified by historians as in conformity with the will of heaven: 'the path mandated by heaven', 'the way according to people's desire' and 'heaven and people in unison' [8].

Despite the strong emphasis on the ethics of rulership, skeptics may well argue that, at the end of the day, such ethics could be manipulated in the pursuit of power: Confucian political ethics were no more than Machiavellian political craft. For example, when the great Tang emperor Tai Zong launched a coup to kill his rival brothers and take over the throne from his father, thus breaching the Confucian virtues of filial piety, his actions were justified as necessary in order to relieve the society's worry about the rise to power of the other princes and their cliques. However, Confucian ethics did impose constraints on the authority and acts of the rulers, and provide the basis for challenging their power in times of calamities and maladministration, particularly by the scholar-officials who were educated in Confucian classics and had the responsibility to ensure that the social and political order was not upset by any abuse of power [9].

The Han Dynasty (206BC–220AD) consolidated and institutionalized a system of centralized state rule which had its origins in the preceding Qin Dynasty under Emperor Shi Huang-ti, who ended the Period of the Warring States (481–221BC). The new system embodied a division of powers between the imperial household and central government that formed the backbone of imperial rule for the next 2,000 years. Two features are crucial: the separation of royal household and government, and the rise of prime-ministerial power. While the throne (or imperial power) was hereditary, government officials were recruited and appointed. In modern-day analogy, the emperor was the head of state, while the head of officialdom — the Chancellor — was the head of government. The two together made up the power of the state. In other words, the emperor was not able, and not supposed, to govern at his personal will [4].

By the time of the Late Han Dynasty, while the Chancellor remained one of the 'Three Excellencies', actual prime-ministerial power had shifted to the Controller of Administration, literally meaning 'the officer in charge of documents', who was in charge of administration and execution of royal orders within the Inner Court. This office gradually moved from the Inner to the Outer Court and later evolved into the Council of Ministers in the Tang Dynasty (618–907). The Tang Dynasty issued the Six Codes of the Tang Dynasty, which detailed the organization [7], personnel, and division of duties among the six ministries and was followed by the subsequent dynasties. Since Tang times, major changes in the central government lay in the functions of the Secretariat and Chancellery. In The Tang Dynasty, the two organs were combined as the 'Secretariat–Chancellery', later to be further institutionalized with its own secretariat organized into five chambers responsible for civil service, political, military, financial, and judicial affairs respectively.

In the Han Dynasty, a Tribunal of Censors (the Censorate) was instituted under the Grand Censor. It was made independent of prime-ministerial power and operated through two wings — the left-wing supervised central government officials (mostly those of the Six Ministries, but excluding the Chancellery); the right-wing inspected provincial and county government officials via a network of local inspectors. There were also separate 'remonstrating officials' whose specific duty was to monitor royal acts and tender their advice, advocacy, and criticism as necessary. In the

Tang Dynasty, while remonstrating officials were not of a high rank and lacked substantive power, they were nonetheless highly respected. Because they were not high officials, it was easier for them to criticize the emperor, thereby saving the prime minister the need and embarrassment of directly confronting the emperor. In essence, however, the remonstrating officials were an extension of prime-ministerial power in checking the behavior of the emperor [6].

China's traditional administrative system continued to change with each generation and dynasty until the Chinese Empire's administrative system underwent significant deviations during the Ming Dynasty (1368–644), which saw the abolition of the post of prime minister. Emperor Ming abolished the Secretariat, and raised the status of the Six Ministries — each led by a Minister at the second rank — to be led directly by the emperor. There is also a Monitoring Court, evolved from the Tang Dynasty Censorship Court, responsible for audits, inspections, reprimands, and impeachment, which operates through a network of supervisory officials at the central and local levels. An innovation from the Ming dynasty was the inner secretariat or the emperor's Cabinet, in which scholars of the fifth grade (as opposed to the Minister of the second) gathered to discuss and advise the emperor and compose responses to the official's memorial in accordance with his verbal directions. This 'High Scholar of the Cabinet' actually served as the emperor's private secretary [8].

Notions of organizing government in Imperial China

The administrative legacy of China's imperial courts was established as long ago as the Han Dynasty. It was founded on three pillars, namely: a bureaucratic centralized state of scholar-officials; the rule of virtue according to Confucian teachings; and the notion of the mandate of heaven, in effect sanctioning only one ruler under heaven, that is the imperial ideal. By the Tang Dynasty, the imperial system of public administration had come to its maturity, displaying some key features [8]:

- a. A clear balance between the emperor's power and the power of government headed by the prime minister.
- b. Division of prime-ministerial power into the three Sheng (i.e. Secretariat, Chancellery, and Council) and six Ministries.
- c. A nascent form of separation of the power of law (order) drafting, scrutiny, and execution within government.
- d. A system of supervision/inspection of both the emperor and his royal household, and of government officialdom (from center to the localities).
- e. A Censorate with the right and duty to denounce and impeach any officials of the administration. The censors' (and local inspectors') role could be compared to that of modern-day Ombudsmen.
- f. The right and duty of remonstrating officials to memorialize and denounce any official decision, including that of the Censorate, to the emperor, and even to criticize the emperor himself.

Since the Ming and Qing dynasties, however, emperors began to recentralize powers through various attempts to erode prime-ministerial offices, and to set up alternative institutions such as the inner cabinet and military secretariat, thereby bypassing the normal process of government and strengthening the degree of despotism [8].

But one should not presume that Imperial China was a hardcore despotic monarchy throughout history [9]. China's administrative tradition was in fact premised on a subtle system of checks and balances. The Imperial Chinese government was more a government by the gentry class (or a 'Mandarin government'). The gentry class, the Confucian intelligentsia, exercised a monopoly both over the study, interpretation, and expansion of Confucian scholarship (In particular the teachings and ethics) and over the supply of officials to the imperial court. Under the separation of power between the royal household and the government, and especially when prime-ministerial power was strong, institutional design underpinned by a solid Confucian scholar-officialdom ensured that the emperor had to co-rule with the mandarins. The checks and balances of imperial power are illustrated in Figure 1. No single bureaucratic institution was able to monopolize governmental power. The bureaucracy, while expected to be absolutely loyal to the emperor, had the power to check, criticize or even block his decisions. Its autonomy was safeguarded by the Confucian ethos of government [6].

An important institutional development of Imperial Chinese public administration was the evolution of a vast network of administrative supervision and surveillance, starting with the Grand Censor in the Han Dynasty. By the Tang Dynasty, the Censorate was fully autonomous, with full jurisdiction over all central and local government officials. Censorate officials reported directly to the emperor and were not supposed to be subject to any restriction or interference even by their senior officials; hence the saying: 'Censorate officials have no superiors'. Over the dynasties, rules for supervision, surveillance, and impeachment were codified, culminating in an elaborate Imperial Code for the Censorate by the Qing Dynasty [8].

The collective responsibility in decision-making at the highest level of the state and a differentiated power structure were important features of Imperial China. Chancellor and secretariat/cabinet powers since the Han Dynasty were comparable to prime-ministerial and cabinet powers in Western governmental configurations. Thus, behind the facade of a despotic or absolutist monarchy lay an imperial public administration system grounded in conformity to Confucian ethics and ethos as an overarching and permanent ideology of governance; abiding by rule and rote, and norms set by predecessors; exercising collegiality in decision-making; and occupying a differentiated rather than unified power structure, with separation between policy and execution and some form of administrative scrutiny, supervision, and surveillance [8].

The amalgamation of the traditional Chinese notion of separation of powers (i.e. executive, judicial, supervision, examination) and the European-American doctrine of separation of powers (executive, legislative, judicial)

led the republican revolutionaries, headed by Sun Yat-sen, who overthrew the Qing Dynasty in 1911, to opt for a so-called ‘Five-Power’ constitution for the new Republic of China (ROC) [7]. Under this constitution, the powers of government were shared by five Yuan — namely the Executive Yuan (the equivalent of cabinet government), the Legislative Yuan (the parliament), the Judicial Yuan (the judiciary), the Examination Yuan (responsible for the examination and appointment of civil servants) and the Control Yuan (responsible for the supervision and disciplinary control of government officials, including Ombudsman functions). The Examination Yuan and the Control Yuan inherited, respectively, the institutional legacy of the Sung Dynasty Court of Examinations and the Han Dynasty Censorate. Sun Yat-sen advocated a five-power constitution as early as 1905 when he founded Tung Meng Hui (The United League) to spearhead the republican revolution. When the new ROC was established in Beijing in 1912, it first implemented the three-power political system of the West. The five-power system was only formally adopted in 1928 [8].

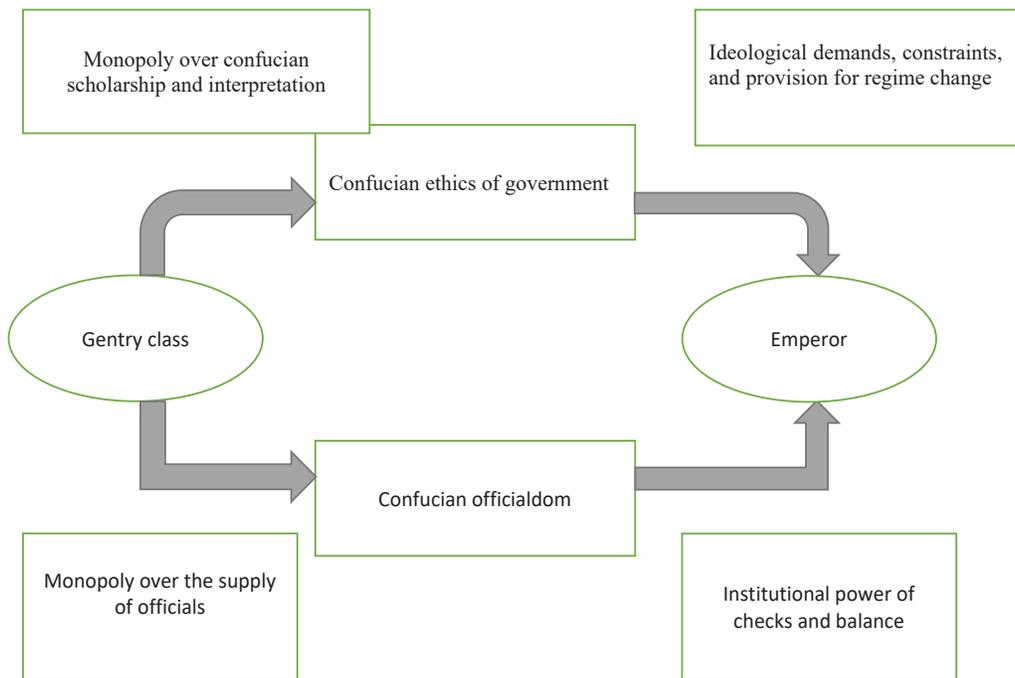

Fig. 1. Checks on emperor’s power

Source: [8].

In Imperial China, the political, administrative, and social order was sustained by a tripartite foundation of centralized bureaucratic (mandarin) politics, Confucian ethos (as the official ideology), and a land economy (hence aggravating landlords–peasants class conflicts). In a somewhat similar vein, the Communist regime established in 1949 was founded on the three pillars of cadre bureaucracy, an official

Marxist–Leninist–Maoist ideology, and a land-based economy that subdued the peasantry to the state system through collectivization. Only this time the reach of the state was able to extend down to the grassroots level of China’s countryside [8].

Confucianism in Indonesia

Confucianism in Indonesia was first established in 1955, the Indonesian Confucian High Council of Religion, is a religious organization to promote the development of Confucian teachings. Confucius, who in Indonesia is called Konghucu, in Chinese spelling, namely Kong Fuzi or Kongzi, whose real name is Kong Qiu, was born in the country of Lu. The arrival of ethnic Chinese to Indonesia has brought along traditions, norms of the way of life, and a fanatical attitude towards the traditions of their ancestral country. Wherever the Chinese live, the guidelines and foundation of their socio-cultural life are always based on the teachings of Chinese thinkers. The teachings that have had a lot of influence on the basic views of thinking, outlook on life, and philosophy of the Chinese people are Buddhism, Confucianism, and Taoism. Confucianism has had a great influence on the Chinese people. Confucian teachings create a sense of family unity wherever they are [6].

In the religious map especially in Indonesia, there is a tendency for people to identify Confucianism only with Confucian philosophy. Confucianism must be understood as both a religion and a philosophy. According to Thomas Hosuck Kang, Confucianism is a teaching based on humanism, a philosophy or attitude concerning human existence, achievement, and attention to abstract existence and theological problems. Indonesian people do not use Confucianism as a national ideology or philosophy, this is because the Indonesian people use the ideology of Pancasila as the nation’s way of life [9].

Pancasila is an idea that was built by the first President of the Republic of Indonesia, namely President Soekarno on November 15, 1944. Pancasila contains important values, namely [17] :

- a. Belief in the one and only God,
- b. Just and civilized humanity,
- c. The unity of Indonesia,
- d. Democracy guided by the inner wisdom in the unanimity arising out of deliberations among representatives,
- e. Social justice for the whole of the people of Indonesia.

Governance System in Indonesia Before the Independence Period

Dutch Colonial Period

In the 18th century, the Vereenigde Oost-Indische Compagnie (abbreviated VOC) established itself as an economic and political power on the island of Java after the collapse of the Mataram Sultanate [18]. This Dutch trading company had

been a major force in Asian trade since the early 1600s, but in the 18th century, it became interested in intervening in local politics on the island of Java to increase its power over the local economy. However, corruption, mismanagement, and fierce competition from the British (East India Company) caused the VOC to collapse towards the end of the 18th century. In 1796, the VOC finally went bankrupt and was subsequently nationalized by the Dutch government. As a result, VOC assets and assets in the archipelago fell into the hands of the Dutch Government in 1800. However, when France invaded the Netherlands between 1806 and 1815, these assets fell into British hands. After Napoleon's defeat at Waterloo, it was decided that most of the archipelago, or what is now Indonesia, would fall into the hands of the Dutch [19].

During the colonial period, the Dutch government committed many abuses and arbitrary treatment against the Indonesian people. The compulsory cultivation system imposed by the Dutch government on the Indonesian people has devastated the Indonesian people. At that time, there was great resistance from the Indonesian people, but it resulted in massacres and torture. The Dutch colonial period was the longest colonial period in Indonesia, lasting about 350 years. The uprising and resistance of the Indonesian people continued until the rise of the nationalist movement. In 1908, students in Batavia founded the Budi Utomo Association, the first indigenous political group [20]. This event is considered the birth of Indonesian nationalism. At that time, Indonesia was under the auspices of the Dutch East Indies government, which took full control of power in Indonesia. Other important movements that opened up indigenous political thought were the Mohammaedia, an Islamic socio-religious reformist movement founded in 1912, and the Indian Social Democratic Association, a communist movement founded in 1914 that spread the ideas of Marxism in the Dutch East Indies. Internal divisions in this movement later led to the founding of the Indonesian Communist Party (PKI) in 1920 [19].

Another important event for Indonesian nationalism is the Youth Oath in 1928. In this congress attended by youth organizations, three ideals were declared, and one homeland, one nation, and one language were declared. The main purpose of this congress is to promote unity among Indonesian youth. At this congress, the anthem (Indonesia Raya), which later became the national anthem, was sung, and the national flag (red and white) was hoisted for the first time at the time of independence [12]. The Dutch colonial government acted by carrying out acts of repression and torture. Young nationalist leaders like Sukarno (now Indonesia's first president) and Mohammad Hatta (Indonesia's first vice president) were arrested and exiled. As a result, there was confusion in Indonesia and all the people from the various islands rebelled against the Dutch and tried to free Soekarno and Mohammad Hatta. Due to the enthusiasm and unity of the nation, the Indonesian people eventually achieved victory and were supported by many countries such as the Soviet Union, which expelled the Dutch from Indonesia and recognized the sovereignty of the Indonesian nation [18].

Japanese period in Indonesia

History shows the emergence of a dominant military power, namely the Japanese army, with the war known as the Greater East Asian War or World War II. Thanks to this power, almost the entire Asian region, including Indonesia, which was still under Dutch colonization at that time, was able to be occupied by Japanese troops. At that time, Japan promised independence to the Indonesian nation, but in reality, Japan only sought reinforcements for World War II against America [16].

Japan surrendered to the Allies on August 14, 1945, before the Indonesian Independence Preparatory Committee (PPKI) was able to hold hearings to continue the efforts led by the Indonesian Independence Preparatory Research Organization (BPUPKI). The occupying power, which surrendered in accordance with international law, should continue to maintain the occupied territories as before or under the status quo [18].

It should also be noted that during the occupation of the Japanese army, the territory of Indonesia was divided into three main zones:

- a. The area covering the island of Sumatra was under the jurisdiction of the Commander of the Japanese Army, headquartered in Bukit Tinggi.
- b. The area covering the island of Java is under the control of the Jakarta-based Indonesian Army.
- c. The remaining areas are under the control of the Makassar-based Navy.

This regional division proves that the militarist mentality became a model for the management of the state system in Indonesia during the Japanese occupation. Such a militaristic mentality is seen as more effective because it can prioritize the command line and muster forces strong enough to withstand enemy attacks. Osamu Seirei No. 40, 1942 Law, was one of the regulations that served as the source of the constitutional law before the proclamation of the independence of the Republic of Indonesia on August 17, 1945. Osamu Seirei is a regulation or law that tends to be authoritarian. The promulgation or promulgation of the Osamu Seirei law was accomplished by placing it on bulletin boards in local Japanese government offices [18].

Administration in Indonesia

In carrying out government and administrative functions in Indonesia, Pancasila is the basic guideline for the government in making policies and making decisions. The values contained in Pancasila are absolute for the Indonesian people because Indonesia only recognizes one ideology, namely Pancasila, which has been regulated in the Constitution of the Republic of Indonesia. The administration of government in Indonesia is regulated by Law No. 28 of 1999 concerning general principles in administering the state and Law No. 32 of 2004 concerning regional government in which local governments are given authority by the central government to regulate their own government and are supervised by the central government in its implementation. This aims to provide regional

autonomy so that a region can develop in accordance with applicable regional regulations [21].

Based on history in Indonesia, the State Administration System of the Republic of Indonesia before and after colonialism had differences. The state administration system in Indonesia from 1985 to 1996 focused on a state administration system that was no longer a government institution, but a matter of public interest. And the concept of state administration 1985 -1996 states that public administration is basically a system consisting of all the attributes of a set of components, elements, elements, or subsystems, which are interrelated and influence each other, and have specific roles and goals. The dimensions discussed also include State Administration within the framework of the state government system, government apparatus institutions, government personnel, state economic apparatus, and the utilization of state administration [10].

While the state administration system during the colonial period, such as during the Dutch royal government, the constitutional system and government used the principle of deconcentration in which the position of the Governor General could be equated with the head of a region or a central apparatus (the Dutch royal government). In addition, during the Japanese colonial period, the state administration system in Indonesia used a militaristic understanding which this understanding was seen as more effective because of its ability to prioritize the chain of command and its ability to deploy a large enough military force to counter enemy attacks [11].

Conclusion

Each country has a state administration system that will regulate the whole of it. The administrative system of each country is certainly different, this is due to differences in culture, norms and rules, as well as ideology in each country, causing the administrative system in each country to be different. China has a history of centralized administration from the central government level to the local government level, because it has a long administrative history. China has had several phases, from the dynastic phase to the present in the modern era.

The Chinese government administration continued to change from each dynasty to the next and followed the regulations made by the emperor at that time. As we know, the core of Confucius' teachings lies in the ethics and morals that govern human relations according to their respective statuses. The teachings of Confucius, which have survived for 2500 years with ups and downs, have become an inseparable part of Chinese society.

Confucianism in Indonesia was first established in 1955. Indonesian people tend to identify Confucianism only with Confucian philosophy and do not use Confucian teachings. This is because the Indonesian people do not use Confucian teachings as the ideology or philosophy of the nation, but instead use the ideology

of Pancasila as the nation's way of life. In addition, in carrying out government and administrative functions in Indonesia, Pancasila is the basic guideline for the government in making policies and making decisions. Indonesia is one of China's largest trading partners and relations between Indonesia and China are still well-established today.

REFERENCES

1. Adam E., Roy L.H. Administering Public Participation. *Sage Journals*. 2019;50(2):133–147. <https://doi.org/10.1177/0275074019871368>
2. Asruchin M. Konfusianisme: Sumber Peradaban Cina. *The First International Seminar & Roundtable Meeting "Professional Chinese Teaching" In Southeast Asia*. Jakarta: University of Al Azhar Indonesia; 2018:75 (In Indon.).
3. Robbins S.P. *Organization Theory: Structure, Design, and Application (Alih bahasa: Jusuf Udaya)*. Jakarta: Arcan; 2015.
4. Gitaningrum I. Pengaruh Prinsip Konfusianisme Terhadap Politik Luar Negeri Tiongkok dalam Menghadapi Gagasan Universalitas HAM Barat. *Journal of International Relations*. 2018;2(2):51–67 (In Indon.).
5. Endah H., Wulandari, Israhadi S. Konfusianisme dan Ideologi Jepang Tentang Propaganda: Slogan dalam Naskah Drama Majalah Keboedajaan Timoer 1943. *Jurnal Kajian Jepang*. 2019;3(1):1–23 (In Indon.).
6. Muas R. Konfusianisme Sebagai Sabuk Pengaman RRT. *Paradigma: Jurnal Kajian Budaya Universitas Indonesia*. 2020;10(2):206–224 (In Indon.).
7. Rozie F. Negeri Sejahtera Ala Konfusianisme Melalui Self Cultivation. *Kalam Journal*. 2012;6(1):177–195 (In Indon.).
8. Painter M., Peters G.B. *Tradition and Public Administration*. UK: Palgrave Macmillan; 2010.
9. Rosidi A. Aktualisasi Ajaran Konfusianisme Dalam Membangun Nasionalisme Etnis Tionghoa (Perspektif Etnis Tionghoa Surakarta). *Jurnal SMART (Studi Masyarakat, Religi, dan Tradisi)*. 2015;1(2):165–175 (In Indon.).
10. Dwiyanto A. *Mengembalikan Kepercayaan Publik Melalui Reformasi Birokrasi*. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama; 2017 (In Indon.).
11. Haning M.T. *Reformasi Birokrasi: Desain Organisasi yang Mendukung Pelayanan Publik di Indonesia*. Yogyakarta: Ilmu Giri; 2015 (In Indon.).
12. Yusriadi A.H., Ihsan A. Bureaucratic Reform in Public Service: A Case Study on the One Stop-Integrated Service. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2017;8:253–258. <https://doi.org/10.5901/mjss.2017.v8n2p253>
13. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. N.Y.: Plume Publisher; 1992.
14. Creswell J.W. *Research Design: Pendekatan Kualitatif, Kuantitatif, dan Mixed*. Yogyakarta: PT Pustaka Pelajar; 2010 (In Indon.).
15. Moleong L. *Metodologi Penelitian Kualitatif*. Bandung: Remaja Rosda Karya; 2013 (In Indon.).
16. Farida I., Setiawan R., Maryatmi A.S., Juwita M.N. The Implementation of E-Government in The Industrial Revolution Era 4.0 in Indonesia. *International Journal of Progressive Sciences and Technologies*. 2020;22(2):340–346.
17. Thoah M. *Birokrasi Pemerintah Indonesia di Era Reformasi*. Jakarta: Kencana Prenada Media Group; 2011 (In Indon.).
18. Syafie I.K. *Sistem Administrasi Negara Republik Indonesia*. Jakarta: Bumi Aksara; 2011 (In Indon.).
19. Viky A.H., Tistry R.P., Deva P., Nandy J., Lidya T.A. Pramudita. Menggagas Revolusi Mental Birokrasi Melalui Konsep Competitive Agile Leadership. *Jurnal Birokrasi & Pemerintahan Daerah*. 2020;2(1):29–37. <https://doi.org/10.15575/jbpd.v2i1.8050> (In Indon.).

20. Setiawan R. Partisipasi Publik Dalam Program Bantuan Listrik Pedesaan Masyarakat Kabupaten Mesuji. *Jurnal e-JKPP*. 2017;3(3):82–92 (In Indon.).
21. Wibawa S. *Administrasi Negara Isu-isu Kontemporer*. Yogyakarta: Graha Ilmu; 2016 (In Indon.).

Information about the authors:

Anwar Anwar — Lecturer in the Department of Public Administration, Tulang Bawang University (Indonesia) (e-mail: anwar.siip71@gmail.com).

Rosidah Rosidah — Lecturer in the Department of Public Administration, Tulang Bawang University (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-4406-9574) (e-mail: idahros40@gmail.com).

Ayu N. Pramazuly — Lecturer in the Department of Public Administration, Tulang Bawang University (Indonesia) (ORCID ID: 0009-0007-9727-1104) (e-mail: ayunadiapramazuly@gmail.com).

Refly Setiawan — PhD Student in the Department of Political Science and Public Administration, Sakarya University (Türkiye) (ORCID ID: 0000-0003-0719-1287) (e-mail: refly.setiawan@ogr.sakarya.edu.tr).

Stanislav V. Mladenov — PhD Student in the Department of International Relations, Kazan Federal University (Russian Federation) (e-mail: stanislav.mladenov@yandex.ru).

Административные традиции Китая и Индонезии

А. Анвар¹, Р. Росидах¹ , А.Н. Прамазулы¹ ,
Р. Сетиаван² , С.В. Младенов³

¹Университет Туланг Баванг,
35128, Индонезия, Лампунг, Кота-Бару, ул. Гайя Мада, 34

²Университет Сакаръя,
54050, Турция, Сакаръя, Сердиван, Университетский центр, Кампус Эсенмене, Кемальпаши

³Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

 refly.setiawan@ogr.sakarya.edu.tr

Аннотация. Каждая страна имеет разные административные традиции. Проводится сравнительный анализ традиций управления в Китае и Индонезии. Эти две страны близки друг к другу и имеют хорошие отношения на сегодняшний день. Китайские конфуцианские учения, сохранившиеся до сих пор, во многом оказали влияние на Индонезию. Для исследования применяется метод качественного исследования с использованием анализа документов и литературы. Результаты исследования показывают, что эволюция управления в Китае происходила от поколения к поколению, давая характеристики каждой династии. Как и в Китае, в Индонезии люди также широко придерживаются ценностей Панчасила и включают эти ценности в работу правительства Индонезии. Индонезийская нация поддерживает этнические различия и терпимо относится к религиозным различиям. Однако национальные ценности по-прежнему относятся к идеологии Панчасила и конфуцианские учения не используются при управлении государством в Индонезии.

Ключевые слова: административные традиции, правительство, идеология, государственное управление, Китай, Индонезия

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 19.04.2023. Статья принята к публикации: 29.06.2023.

Для цитирования:

Anwar A., Rosidah R., Pramazuly A.N, Setiawan R., Mladenov S.V. Administrative Traditions of China and Indonesia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 418–433. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-418-433>

Информация об авторах:

Анвар Анвар — преподаватель кафедры государственного управления, Университет Туланг Баванг (Индонезия) (e-mail: anwar.siip71@gmail.com).

Розида Розида — преподаватель кафедры государственного управления, Университет Туланг Баванг (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-4406-9574) (e-mail: idahros40@gmail.com).

Прамазулы Аю Надя — преподаватель кафедры государственного управления, Университет Туланг Баванг (Индонезия) (ORCID ID: 0009-0007-9727-1104) (e-mail: ayunadiapramazuly@gmail.com).

Сетиаван Рефли — аспирант кафедры политологии и государственного управления, Университет Сакарья (Турция) (ORCID ID: 0000-0003-0719-1287) (e-mail: refly.setiawan@ogr.sakarya.edu.tr).

Младенов Станислав Владимирович — аспирант кафедры международных отношений, Казанский федеральный университет (Российская Федерация) (e-mail: stanislav.mladenov@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-434-449

EDN: XZPXVV

Научная статья / Research article

Управление водными ресурсами Африки

Е.А. Бабинцева

Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

 babintseva-ea@rudn.ru

Аннотация. Автор затрагивает проблему дефицита водных ресурсов на Африканском континенте, оборачивающуюся настоящей экологической катастрофой. В качестве первопричин сложившейся ситуации отмечаются не только климатогеографические особенности континента, но, в частности, проблемы управления рационализацией гидроресурсов, недостаточность финансирования и отсутствие санитарно-эпидемиологической культуры местного населения. На примере городской среды и крупной энергетической инфраструктуры продемонстрированы наиболее яркие катализаторы сложившейся критической обстановки в Африке. Несмотря на выявленное значительное отставание от опыта передовых стран в сфере охраны окружающей среды, автор выявляет перспективность долгоиграющего партнерства с Россией как носителя многолетнего опыта успешной экологизации потребления водных ресурсов.

Ключевые слова: Африка, Россия, водные ресурсы, мегаполис, экология, окружающая среда

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.03.2023. Принята к публикации: 20.06.2023.

Для цитирования:

Бабинцева Е.А. Управление водными ресурсами Африки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 434–449. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-434-449>

Water Resources Management in Africa

Ekaterina A. Babintseva

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

 babintseva-ea@rudn.ru

Abstract. The author of this article touches upon the problem of the water scarcity on the African continent, which turns into a real environmental disaster. As the root causes of the current situation, not only the climatic and geographical features of the continent, but in particular the problems of managing the rationalization of water resources, lack of funding and the lack of a sanitary and

© Бабинцева Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

epidemiological culture of the local population are noted. On the example of the urban environment and large energy infrastructure, the most striking catalysts for the current critical situation in Africa are demonstrated. Despite the identified significant lag behind the experience of advanced countries in the field of environmental protection, the author reveals the prospects for a long-term partnership with Russia, as the bearer of many years of experience in successfully ecologization the consumption of water resources.

Keywords: Africa, Russia, water resources, megapolis, ecology, environment

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.03.2023. The article was accepted on 20.06.2023.

For citation:

Babintseva E.A. On the Issue of Water Resources Management in Africa. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):434–449. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-434-449>

Введение

Глобальная переориентация в международном диалоге России задает новые векторы в поиске приоритетных партнеров. Страны Африканского континента, в частности, желающие стать участниками БРИКС, проявляют живой интерес к установлению новых торгово-экономических отношений. Накануне второго Саммита и Экономического форума «Россия — Африка» министр иностранных дел С.В. Лавров совершил визит в Кению, в ходе которого был отмечен нераскрытый потенциал в ряде торговых и инвестиционных связей. В качестве перспективных направлений сторонами были отмечены геологоразведка и добыча полезных ископаемых, энергетика, телекоммуникации, агропромышленный комплекс, туризм, наука и образование¹. Все перечисленные сферы находятся в прямой зависимости от экологического и природоохранного потенциала всего континента. В ходе второй парламентской конференции «Россия — Африка» в марте 2023 г. В.В. Путин отметил богатый ресурсный потенциал континента, составляющий около трети общемировых запасов полезных ископаемых. При этом, залог социально-экономического роста неразрывно связан с разумным и рациональным природопользованием. Президент сообщил, что в этой сфере у России наработан передовой опыт и выразил готовность делиться им с африканскими коллегами. В частности, были отмечены высочайший уровень социальной и экологической ответственности добывающих компаний, работающих на территории Африки, а также перспективы сотрудничества

¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам визита в Республику Кению, Найроби, 29 мая 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1872895/ (дата обращения 30.05.2023).

в сфере совместной подготовки квалифицированных кадров в области геологоразведки и добычи².

В ходе любого энергоресурсного сотрудничества и недропользования в контексте как исчерпаемых, так и неисчерпаемых ресурсов особенное внимание необходимо уделять соблюдению природоохранных норм и экологической безопасности. В данной связи первоочередную значимость приобретает комплексное развитие экологической культуры Африки, рационализация природопользования и экологизация жизнедеятельности.

В целом, международное экологическое регулирование начало динамично развиваться во второй половине XX в. Как правило, данный процесс принято относить к послевоенному пересмотру прав человека и личности и развивающемуся интересу к правам человека на благоприятную окружающую среду. Данный аспект стал базисом для формирования международного экологического права, получившего свое целенаправленное развитие после проведения Стокгольмской конференции в 1972 г. и серии продолжающихся международных встреч, посвященных климатическим изменениям и защите окружающей среды. На Африканском континенте процесс формирования природоохранного права начался приблизительно в последнее десятилетие XX в. Помимо Лондонской конвенции 1933 г. и Алжирской конвенции 1968 г. в 1981 г. была подписана Африканская хартия прав человека и народов, содержащая положение о праве человека и всех народов на здоровую окружающую среду, способствующую их развитию [1. С. 314–315]. Несмотря на антропоцентрический характер данного положения, такой подход ознаменовал возрастающую заинтересованность к состоянию окружающей среды, что способствовало интеграции в международное экологическое право и ускорению процесса распространения природоохранных идей по всем странам Африки.

Африка — не только континент, богатый природными ископаемыми, но также континент, на котором сосредоточены густонаселенные города. Крупные африканские мегаполисы имеют свои характерные черты и при этом являются центрами экономического и культурного развития регионов. Перенаселение, несоблюдение санитарно-эпидемиологических норм, отсутствие технологии переработки и хранения мусора, загрязнение воды, почвы и воздуха в результате небезопасной добычи полезных ископаемых, при этом оказывают серьезное негативное влияние на проживающих в городской среде, близлежащее геопространство и гидрологические ресурсы. Среди крупнейших городов Африки можно выделить Каир и Александрию в Египте, Лагос в Нигерии, Аккру в Гане, Киншасу в Демократической Республике Конго, Тунис в Тунисской Республике, Алжир в Алжире, Дар-эс-Салам в Танзании,

² В Африке сосредоточена огромная ресурсная база — почти треть общемировых запасов полезных ископаемых // Комитет Государственной Думы по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://komitet-ekol.duma.gov.ru/novosti/54ec6251-0505-474e-bb14-43130adef6d4> (дата обращения 28.03.2023).

Касабланку в Марокко и многие другие. Все крупные города Африки являются не только экономическими и культурными центрами притяжения в регионах, но в том числе аккумулируют серьезные проблемы, свойственные крупным городам. В их числе — экологические проблемы городской среды, включающие себя актуальный для континента вопрос охраны водных ресурсов.

Роль водных ресурсов в городской среде

Снабжение любого населенного пункта водой — прямой залог его развития и благополучия. Вода в городской среде имеет значение не только ценного потребляемого человеком ресурса. От водоснабжения города напрямую зависит энергетический потенциал, санитарно-эпидемиологическая обеспеченность, функционирование сельского хозяйства. Гидроресурсы обеспечивают необходимую воду для питья, приготовления пищи, орошения сельскохозяйственных угодий и промышленных нужд. Без использования гидроресурсов города не смогли бы существовать и развиваться и были бы вынуждены искать альтернативные, более затратные и трудно поддерживаемые источники энергии.

С водой связаны практически все экологические аспекты. Сегодня все большее количество городов сталкивается с проблемой загрязнения именно водных ресурсов, что влечет за собой дестабилизацию во всех природных процессах. Загрязненная вода может содержать множество вредных веществ, например, тяжелые металлы, пестициды и другие химические соединения. Это может негативно сказаться на здоровье жителей городов, окружающей экосистеме и сельскохозяйственном производстве. Руководствуясь принципом экономии гидроресурсов, городские власти должны совершенствовать системы очистки и подготовки воды, чтобы обеспечивать ее безопасность и качество.

Изучение гидрологической ситуации территории и контроль за сбросом вредных веществ и стоков в реки и озера — это не только важная задача, но и обязательства перед экологически ответственным обществом. Современная урбанизация требует государственного контроля и серьезных технологических решений, чтобы сохранить гидрологическое состояние нашей планеты на достойном уровне.

Наиболее уязвимым регионом Африки в контексте водных ресурсов считается ее северо-восточная часть, изначально подверженная как биотическим и абиотическим, так и антропогенным факторам воздействия. Их негативная сторона приводит к возникновению экологических проблем и затрудняет благоприятную организацию городской среды для человека, бросая новые вызовы и вынуждая градостроителей и экологов искать баланс между противодействием естественной среде и ее сохранностью. Так, для региона характерны пустынные биомы с засушливым климатом и высокими температурными режимами. Гидроресурсы имеют скудный

характер и характеризуются небольшими реками, пересыхающими по сезонам и восполняющимися, как правило, только в период летних дождей, или крупными реками, такими как Нил на северо-востоке континента [2. С. 54]. Нил имеет жизненно важное значение для городской агломерации Большой Каир, Александрии, Асуана и других крупных населенных пунктов, потребляющих воду в сельскохозяйственных, бытовых и энергетических целях. Касательно антропогенного воздействия, прежде всего следует рассматривать бесконтрольный прирост населения, в особенности, в долине реки Нил. При этом 90 % населения Египта, проживающего в долине реки, находятся в абсолютной зависимости от ее вод [3. С. 216]. Процессы прироста африканского населения в городах обуславливаются целым рядом причин, заставляющих население мигрировать с занимаемых им мест в региональные центры: перспективность проживания в городе для заработка, бесконтрольная рождаемость, бегство населения от вооруженных конфликтов, природные катаклизмы, недостаток ресурсов и т.д.

Дефицит водных ресурсов

Дефицит водных ресурсов оказывает серьезное влияние на экономику и жизнь населения Африки в целом.

Во-первых, недостаток воды приводит к снижению урожайности сельскохозяйственных культур, что негативно сказывается на пищевой безопасности прилегающих и зависимых от нильского ила территорий. Кроме того, проблемы с водоснабжением ощущаются в промышленности, что может приводить к увеличению стоимости продукции и снижению ее конкурентоспособности на мировом рынке.

Во-вторых, дефицит воды может приводить к разрушению экосистем и потере биоразнообразия. Реки и озера — источники питания многих видов растений и животных, исчезают из-за пересыхания, что ведет к снижению численности и даже исчезновению многих видов. Потребление водных ресурсов, сброс отработанной воды и попадание в результате естественной гидроциркуляции почвы и средств обработки сельскохозяйственных угодий в природную среду ведут не только к обеднению запасов пресной воды и нарушению естественной среды обитания ряда видов. Бассейны водоемов не успевают пройти полный цикл возобновляемости, по естественным течениям загрязнения перемещаются в более крупные акватории, поражая все больший процент естественной среды за пределами континента.

В-третьих, отсутствие необходимого для потребления количества качественной воды влияет на здоровье человека. Сокращение ее количества может привести к снижению качества питьевой воды, что может привести к заболеваниям, связанным с загрязнением воды токсичными веществами. Более того, недостаток воды может повлечь за собой конкуренцию между различными секторами экономики и ведет к социальным конфликтам из-за несправедливого распределения ее между населением и промышленностью. При

этом, как правило, жители городов имеют больший доступ к питьевой воде, чем остальное население. С 2015 г. отмечается некоторое улучшение доступа населения Африки к гигиеническим средствам, санитарии и санитарным технологиям, однако по сей день по данным направлениям очевидны низкие позиции в процентных показателях даже крупных городов Африки. В рамках стабилизации санитарно-эпидемиологического положения континента, в особенности в районе Сахары и к югу от нее, ведущие страны Африки следуют установленным Целям развития тысячелетия ООН в отношении водоснабжения и санитарии [4. С. 7–12]. С 2015 г. крупные страны Африки и, в частности, их центральные мегаполисы демонстрируют периодическое достижение ряда приоритетных пунктов, что дает основание надеяться на позитивное развитие в области здравоохранения населения.

Загрязнение водоемов и водопроводных систем

В крупных африканских мегаполисах проблема загрязнения водоемов и водопроводных систем вызывает наибольшую обеспокоенность. В развивающихся странах часто отсутствуют должные меры обращения с водными ресурсами, что приводит к их загрязнению и ухудшению качества воды.

Первопричиной загрязнения водоемов является деятельность человека. Промышленные отходы, результаты стока сельскохозяйственных вод, бытовые отходы и грязь, оказывающиеся в окружающей среде, неизбежно попадают в источники воды. Это негативно влияет на экосистему водоемов и в конечном счете оказывает дополнительную нагрузку на систему водоснабжения и фильтрации городов, в ряде случаев и вовсе заражая водопровод. Исключительный показатель — запрет в ряде крупных развитых мегаполисов употребления водопроводной воды для питья в связи с риском заражения. Вода, загрязненная бактериями и микроорганизмами, может привести к тяжелым заболеваниям. В контексте развития в крупных мегаполисах Африки туризма данный фактор во многих случаях является отталкивающим для приезжих и чреват отказом от поездок. С точки зрения экономического развития это влечет за собой для стран Африки весомые убытки.

Во многих развивающихся странах, таких как Нигерия, Кения и ЮАР, многие люди не имеют доступа к чистой питьевой воде. Это может привести не только к распространению различных инфекционных заболеваний, представляющих опасность для здоровья, а возможно и для жизни жителей африканских мегаполисов. В условиях неприемлемой фильтрации воды возможно распространение и попадание в организм человека опасных гельминтов и простейших организмов, которыми уже поражен огромный процент коренного населения. Это выводит на первый план проблему медико-экологической культуры, а также создает для приезжих необходимость предпринимать дополнительные меры для грамотного и безопасного пребывания в странах Африканского континента [5. С. 39–40].

Большинство африканских бассейнов рек являются многонациональными. Это говорит не только о заинтересованности водными ресурсами сопредельных территорий, но и об угрозе конфликтов между государствами и водопользователями, так как потребление воды, на примере Нила, у истока на территории Восточно-Африканского плоскогорья, ведет к сокращению гидроресурсов и к распространению любого рода загрязнений ниже по его течению. Обостряется стремление получения государствами независимости от согласования своих действий в отношении использования водных объектов с другими сопредельными регионами и дальнейшей реализации гидроресурсных проектов в одностороннем порядке [6. С. 140–141].

Проблема загрязнения водоемов и водопроводных систем не ограничивается лишь пределами крупных мегаполисов. Многие сельские районы также страдают от загрязнения воды, что в контексте жизнедеятельности человека может быть особенно опасным для животноводства и земледелия.

Проблемы водоснабжения и водоотведения

Согласно сведениям из ГЛААС (Глобального анализа и оценки состояния санитарии и питьевого водоснабжения) 2022 г. внешнее финансирование Африки значительно сократилось в период с 2017 по 2020 гг. Фокус интереса международных организаций сместился в Центральную и Южную Азию. В области ВСГ (концепции «вода, санитария, гигиена») внешняя поддержка Африканского континента к югу от Сахары сократилась с 32 % до 23 %. На данный момент цель устойчивого развития по санитарии отстает в результате большей концентрации на обеспечении регионов питьевой водой³. 22–24 марта 2023 г. состоялась Конференция ООН по водным ресурсам, в рамках повестки которой рассматривались глобальные гидрологические проблемы планеты⁴.

Касательно городской среды Африки и регионального гидрологического регулирования континента обсуждался вопрос усиления мер регулирования миграции в Уганде, вызванной конфликтами и изменением климата, путем улучшения услуг водоснабжения и обеспечения безопасности водной среды. Также рассматривались вопросы ускорения обеспечения всеобщего доступа к услугам безопасного водоснабжения

³ External support: Aid for water supply and sanitation is decreasing // World Health Organisation: Strong systems and sound investments evidence on and key insights into accelerating progress on sanitation, drinking-water and hygiene un-water global analysis and assessment of sanitation and drinking-water GLAAS 2022 report. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240065031> (дата обращения 26.05.2023).

⁴ Конференция ООН по водным ресурсам 2023 года // ООН: программа по окружающей среде. URL: <https://www.unep.org/ru/events/conference/konferenciya-oon-po-vodnym-resursam-2023-goda> (дата обращения 15.05.2023).

и санитарии в сельских и городских районах, вопрос сокращения дефицита воды в Африке, поддержание состояния Африканских Великих озер и др.⁵ В частности, в рамках конференции проводилось дополнительное мероприятие, посвященное роли озер и обсуждению положений резолюции Ассамблеи ООН по окружающей среде от 2 марта 2022 г.⁶ Перспективное направление в освоении внутренних вод и экологизации природопользования — использование озер и прочих водоемов замедленного водообмена, включающих искусственные, помимо рек. С учетом региональных особенностей, сезонов дождей и засухи, а также постоянства расположения водоемов возможно планировать рационализацию их применения для смежных территорий, соприкасающихся границами государств. Поскольку в отличие от рек, русло которых обычно связывает между собой несколько регионов, водоемы с медленным водообменом зачастую локализируются в пределах границ одной территории. В условиях тяжелой климатической обстановки и дефицита воды на континенте недопустима единоличная монополизация использования источников воды. Следует отметить, что уже существовал малоэффективный опыт выдачи разрешений, четко регламентирующих количество и источник воды для тех или иных пользователей, как, например, на территории Танзании в отношении реки Ндурума. Данный опыт показал, что при задействованном методе неизбежно соблюдение дополнительных местных правил, зачастую устанавливаемых путем договоренностей на местах, так как мелкие фермерские хозяйства расположены вверх и вниз по течению, в то время как крупные ирригационные системы находятся в средней части водосбора. В сложившихся обстоятельствах применялся либо поочередный сбор воды, либо совместный с учетом не фактической потребности, а равного распределения прав на забор воды как для мелких фермеров, так и для крупных поместий. Таким образом обеспечивались добропорядочные соседские отношения и выстраивались позитивные отношения между хозяйствами с перспективой на сотрудничество. Местное управление в представленном случае склоняется не к выполнению условий изначальной договоренности и соблюдения законодательства, а стремится к сохранению мира и справедливости по складывающимся обстоятельствам, что демонстрирует высокий уровень эффективности [8. С. 115–126].

⁵ Water Action Agenda — Water is a fundamental part of all aspects of life // United Nations: Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development. URL: <https://sdgs.un.org/partnerships/action-networks/water> (дата обращения 11.05.2023).

⁶ Резолюция, принятая Ассамблеей Организации Объединенных Наций по окружающей среде 2 марта 2022 года // Ассамблея Организации Объединенных Наций по окружающей среде Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39859/SUSTAINABLE%20LAKE%20MANAGEMENT.%20Russian.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 15.05.2023).

Такая модель, соответствующая менталитету местного населения, а также принципу рационализации распределения ресурсов — образец пользования любыми типами водоемов фактически в каждом африканском регионе. В представленном случае наблюдается необходимость оптимизации правил, установленных международным законодательством, в рамках благоприятствования в конкретном регионе, что подразумевает индивидуальный подход и установления правил местным управлением. В большинстве случаев не может применяться позитивный опыт стран с достаточным объемом запасов водных ресурсов, так как он не учитывает специфику региона. Природопользование в таких странах может быть вполне успешно регламентировано всеобщим сводом правил, учитывающим традиции и специфику добрососедских отношений.

Санитарно-эпидемиологическая безопасность

Отсутствие доступа к чистой воде оказывает негативное влияние на здоровье населения Африки. Болезни, вызванные употреблением неочищенной воды и приготовленной на ней пищи, или полное отсутствие водных источников негативно отражаются на многих аспектах жизни в Африке. Проблема усугубляется тем, что уровень дохода ряда регионов не позволяет местному населению обращаться за квалифицированной медицинской помощью. Основные заболевания, связанные с отсутствием воды, включают в себя такие, как чума, холера, дизентерия, малярия, гепатит, тиф, лихорадка Эбола, золотистый стафилококк и др. На примере сотрудничества с Гвинейской Республикой в борьбе с эпидемией лихорадки Эбола можно было наблюдать, каким образом Российская Федерация при содействии Роспотребнадзора, применяла мобильные комплексы специализированной противоэпидемической бригады и высокотехнологические центры для своевременного анализа, в том числе образцов воды, и своевременной нейтрализации опасных зон [9. С. 6–13].

Более половины населения Африки не имеет доступа к безопасному источнику питьевой воды. Большинство домов не оборудованы санитарными узлами, а населенные пункты не имеют необходимых сопутствующих технологий. Все больше и больше людей переезжают в города, но застройка и расширение инфраструктуры не успевают за этими изменениями. В результате многие районы городов не могут обеспечить своих жителей надлежащими услугами. Бедность также играет не последнюю роль, поскольку многие люди не могут позволить себе платить за доступ к услугам водоснабжения и канализации. По данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), из-за нехватки чистой воды под угрозой находятся жизнь и здоровье более 190 миллионов детей в 10 африканских странах. Эксперты фонда отмечают, что ситуация особенно обострена в городах и прилегающих регионах Бенина, Буркина-Фасо, Камеруна, Чада, Кот-д'Ивуара, Гвинеи, Мали, Нигера, Нигерии и Сомали.

Санитарно-эпидемиологическая обстановка усугубляется в связи с тем, что в результате вооруженных конфликтов и политической дестабилизации доступ к гидроресурсам многократно усложняется⁷.

Опасность экологической катастрофы

Отсутствие воды приводит к серьезным экологическим проблемам в регионе. Реки, озера и водохранилища высыхают, что приводит к уменьшению популяции рыбы, росту числа засух и пустынь, а также крупных экологических катастроф. Кроме того, отсутствие воды приводит к снижению качества почв и растительности, а также угрожает жизни животных, которые не могут найти источник для водопоя.

Международные организации и правительства работают с целью поиска решений проблемы с водой в Африке. Однако эти меры могут занять много времени и требуют значительных финансовых инвестиций. Более того, помимо антропогенных факторов и агрессивных сезонных климатических изменений, гидрологические ресурсы африканского континента находятся в прямой зависимости от естественных природных катаклизмов и их последствий. Как отмечает директор программы ЮНИСЕФ Санджай Виджесекера, ураганы, наводнения и засухи ведут к разрушению рукотворных объектов и загрязнению гидрологических ресурсов, в результате чего распространяются болезни и голод. В конечном счете на перечисленные выше 10 государств приходится самый высокий процент смертности, в том числе и детской. Как сообщает ЮНИСЕФ, развитие гигиенических норм большинства регионов Африки находится на таком низком уровне, у большинства нет возможности даже воспользоваться мылом⁸.

Если проблема отсутствия воды в Африке не будет решена в ближайшее время, возможна серьезная экологическая катастрофа, которая повлияет не только на жизнь людей в регионе, но и на экономику всей планеты.

Применение новых технологий

Разработка новых технологий происходит с учетом условий, присущих Африке. Главным ориентиром и чуть ли не решающим фактором является низкая стоимость и доступность технологии для государства, а также малого и среднего бизнеса. Новые технологии должны вводиться не только с учетом стоимости, но и с необходимой адаптацией под специфику природных факторов территорий. Такие нововведения, как установка «умных» счетчиков воды, автоматизация систем прокладки коммуникаций, использование

⁷ Нехватка чистой воды — серьезная угроза для 190 миллионов детей в Африке // Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438857> (дата обращения 15.05.2023).

⁸ Там же.

и увеличение объемов водохранилищ, установка современных фильтров для очистки воды, автоматические нейросетевые системы визуального опознавания проблем и т.д., уже в значительной мере модернизируют гидрологическое регулирование и окажут содействие в стабилизации экологической обстановки на Африканском континенте. Базовая цель любых нововведений состоит в том, чтобы оптимизировать процессы и уменьшить затраты на воду путем продвижения современных технологий в систему водоснабжения и транспортировки воды.

Новые технологии имеют большой потенциал для улучшения ситуации в области водоснабжения и водоотведения в Африке. Однако необходимо учитывать адресные особенности и требования, а также обеспечивать стабильные экономический рост, социокультурную устойчивость и экологическую безопасность для эффективного применения всех внедренных нововведений.

Развитие инфраструктуры для очистки воды и утилизации отходов

В некоторых странах Африки были созданы национальные программы по очистке воды, которые были основаны на принципах устойчивого развития и сотрудничества с различными международными организациями. В этих программах уделяется особое внимание развитию публично-частного партнерства, что позволяет повысить эффективность инфраструктуры для очистки воды.

По результатам конференции ООН, посвященной водным ресурсам, проведенной в 2023 г., руководитель Росводресурсов Д.М. Кириллов сообщил о готовности России оказывать поддержку Африке в решении проблем вододефицита, несмотря на запланированный объем работ по подготовке к половодью и работе ведомства в новых регионах РФ. Отмечается уже существовавший плодотворный опыт сотрудничества по данной части с Африкой в период существования СССР, что указывает на перспективность взаимодействия и сегодня. Не так давно состоялась встреча с делегацией из Зимбабве, выразившей заинтересованность в продолжении диалога по водным ресурсам. Отмечалось, что большая часть актуальных для проблем африканского континента технологий запада запатентована и имеет высокую стоимостную категорию, что усложняет их внедрение на нуждающихся территориях. Для решения вопросов качественного водоснабжения, обеспечения питьевой водой, ирригации в сельском хозяйстве, оптимизации стока вод требуется комплексный подход, заключающийся не только в установке приемлемого по ценовой категории современного оборудования, но в целом частного подхода к регламентации гидропользования на уровне регионов и даже отдельных городов. В частности, подразумевается регулирование в зависимости от политической обстановки на территории. Россия способна поделиться должным уровнем квалификации, опыта и технологиями с африканскими партнерами, выражая готовность оказывать разностороннюю помощь и сотрудничать по ряду вопросов. По части технологий российская

сторона выражает готовность содействовать стимулированию рационализации водопользования и внедрения водосберегающих технологий, прежде всего в промышленной сфере, установке современных трубопроводов, системы капельного орошения и выведенных культур, дающих высокий объем урожая при меньшем потреблении воды⁹. В Африке существует огромный потенциал для развития инфраструктуры в области гидроэнергетики и гидроресурсов при грамотном распределении интервалов природопользования и согласовании работы гидротехнических сооружений. В частности, после специального обучения и строительства Асуанского гидроузла на реке Нил дальнейшее строительство по течению реки подобных сооружений привело к сбоям в ходе разливов и последовавшему обвинению российской стороны в неквалифицированной организации объекта. Одним из примеров успешной разработки гидроэнергетики в Африке является ГЭС Хадыз (Плотина великого возрождения, Эфиопия), допущенная к эксплуатации в 2020 г. и способствовавшая решению ряда проблем энергетического дефицита на прилегающих территориях.

В других странах Африки также проводятся масштабные проекты по развитию гидроэнергетики. В проекте строительство нескольких ГЭС на территории Зимбабве. В Республике Конго в настоящее время ведутся работы по строительству колоссального комплекса «Гранд-Инга» с заявленным энергетическим потенциалом от 44 ГВт¹⁰.

Обучение населения

Плодотворное энергетическое и экологическое сотрудничество России и Африки в области гидроэнергетики было ярко проиллюстрировано в период строительства Асуанской плотины с 1960 г. Прямое участие российской стороны в организации гидроэлектростанции и плотины, регулирующей процессы разлива реки Нил, а также подготовка квалифицированных кадров среди местного населения заложила основы долгосрочного партнерства и продуктивного использования благоустроенных территорий в будущем.

Ряд организаций, таких как Международный союз охраны природы и Всемирный банк, проводят программы обучения ведению здорового образа жизни, основанных на правильном использовании водных ресурсов и гигиенических навыках. Подобные миссии должны проводиться с учетом специфики регионов, местных обычаев и культуры, а также должно быть донесено тем способом, который доступен для местного населения: письменным, посредством поездок на местность с использованием средств коммуникации, с помощью видеороликов и т.д.

⁹ Дмитрий Кириллов: Россия готова помогать Африке в борьбе с дефицитом воды // РИА НОВОСТИ. 04.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230504/kirillov-1869418412.html> (дата обращения 17.05.2023).

¹⁰ Grand Inga, Democratic Republic of the Congo // Fortescue Future Industries. URL: <https://ffi.com.au/project/grand-inga-project/> (дата обращения 17.05.2023).

Сотрудничество России и Африки

Российская Федерация оказывает помощь по вопросам гидроресурсов странам Африки с целью поддержки устойчивого развития этого региона, сохранения природных ресурсов для будущих поколений и развития сотрудничества с Африканским континентом. В рамках взаимодействия с государствами Африки Россия предоставляет экспертную и техническую помощь в области оценки и использования водных ресурсов, создания инфраструктуры для хранения и распределения воды, а также в области противодействия чрезвычайным ситуациям, связанным с недостатком воды и засушливыми периодами.

Кроме того, Россия активно участвует в различных проектах по строительству крупных гидротехнических сооружений в Африке. Например, российские компании участвуют в проекте строительства ряда ГЭС на Ниле, что позволит обеспечить электроэнергией большую часть стран Восточной Африки.

Также Россия поддерживает образовательные программы для специалистов в области использования гидроресурсов и экологов, направленные на повышение квалификации местных кадров, что способствует развитию экономики и социальной сферы в странах Африки.

Российская Федерация оказывает помощь странам Африки в ряде вопросов, связанных с гидроресурсами, в том числе:

1. Разработка и реализация проектов по строительству и реконструкции гидроэлектростанций, водохранилищ и других гидроопорных сооружений, позволяющих обеспечить дополнительный источник электроэнергии и пресной воды для населения и промышленности Африки.
2. Обучение специалистов из стран Африки в области гидротехники, водных ресурсов и экономики воды в российских вузах и специализированных центрах.
3. Трансфер технологий и обмен опытом между российскими и африканскими компаниями и организациями в области развития гидроэнергетики и водных ресурсов.
4. Поддержка и участие в международных проектах и инициативах по управлению и охране водных ресурсов в Африке, а также строительству ГЭС, таких как «Гранд-Инга».
5. Предоставление финансовой и технической помощи странам Африки в решении проблем, связанных с избыточным или недостаточным количеством водных ресурсов, повышением эффективности их использования, развитием систем водообеспечения и водоотведения.

Российская Федерация также активно участвует в работе региональных организаций по водным ресурсам в Африке, в том числе взаимодействуя с Африканской энергетической комиссией по части водно-энергетических ресурсов и Метеорологической службой Южной Африки. В ходе крупных совместных конференций, саммитов и форумов, таких как экономический и гуманитарный форум «Россия — Африка», происходит демонстрация

делегациям Африканского континента потенциала партнерства с российской стороной. Обсуждаются не только вопросы бизнес-партнерства, освоения сотрудничества в топливно-энергетическом секторе и на рынке, но также перспективность ведения «зеленой» политики на континенте. В ходе ряда мероприятий становится очевидным, что заинтересованность африканской стороны затрагивает не только вопросы внешнеэкономической деятельности. Опыт России интересен и в контексте оптимизации законодательной природной базы, установления контрольных мероприятий и стандартизации по части оценки качества водных ресурсов. Как отмечалось ранее, международное и общеевропейское законодательство не учитывает региональную специфику и не подстраивается под особенности Африки в должной мере, что делает рентабельным поиск точек соприкосновения в опыте с российским гидрорегулированием.

Заключение

В области гидроресурсов Африки внутреннее сотрудничество между правительством, бизнесом и населением является крайне важным для достижения целей экологизации потребления водных ресурсов. Триединство данных направлений обеспечит стабильную инвестиционную поддержку и станет плацдармом для поступательной комплексной модернизации с преобразованием гидроэнергетических комплексов и своевременным внедрением новаций в технологии водоочистительных сооружений и водохранилищ. В течение многих лет ресурсы воды в Африке использовались неэффективно. В силу недостаточного уровня сотрудничества с другими государствами возникло значительное отставание в научно-технологическом и энергетическом направлениях, что значительно ослабляет позиции стран Африки на международной арене. Россия в данном контексте выступает актором, заинтересованным в сильном долговременном партнере, выражая готовность оказывать странам Африки всестороннюю поддержку и делиться передовым опытом в сфере экологизации энергетики, сельского хозяйства и культуры населения, актуальным для континента. Все это в долгосрочной перспективе должно стать неопенимым вкладом в одну из базовых целей всего человечества — сохранения природных, включая водные, ресурсов для благосостояния будущих поколений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Менса К.М. Компетенция Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) в сфере сельского хозяйства и использования природных ресурсов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2014. № 2. С. 314–316.
2. Нестерова И.В. «Водная карта» в глобальном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2011. № 3. С. 53–62.
3. Нильский Э.Х. Некоторые аспекты проблемы регулирования стока Нила // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск десятый). М.: Институт изучения Ираиля и Ближнего Востока, 2001. С. 215–225.

4. *Михель Д.В.* Прогресс в санитарии и доступе к питьевой воде (совместный доклад ЮНИСЕФ и ВОЗ). Progress on sanitation and drinking water — 2015 update and MDG assessment. Geneva: UNICEF and world health organization, 2015. 81 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2018. С. 7–13.
5. *Переверзева Э.В., Филиппова С.Н.* Туризм и медико-экологические проблемы // Вестник РМАТ. 2012. № 2–3. С. 39–47.
6. *Василенко В.А.* Водные ресурсы для устойчивого развития // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2006. № 2 (380). С. 128–142. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2006-2-128-142>
7. *Аль Сабунчи А.А.* Проблемы водоснабжения развивающихся стран Азии и Африки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2011. № 7 (220). С. 30–34.
8. *Komakech H.C., Condon M., van der Zaag P.* The Role of Statutory and Local Rules in Allocating Water between Large- and Small-scale Irrigators in an African River Catchment // *Water SA*. 2012. № 1 (38). С. 115–126. <https://doi.org/10.4314/wsa.v38i1.14>
9. *Попова А.Ю., Смоленский В.Ю., Демина Ю.В., Малеев В.В., Кутырев В.В., Щербачева С.А., Максюттов Р.А., Пьянков О.В., Кейта С., Буаро М.И., Магассоуба Н., Ицков Я.Ю., Коломоец Е.В.* Вклад Российской Федерации в укрепление эпидемиологического надзора за опасными инфекционными болезнями на территории Гвинейской Республики // Проблемы особо опасных инфекций. 2019. № 3. С. 6–13. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2019-3-6-13>

REFERENCES

1. Mensa K.M. Kompetentsiya Ekonomicheskogo soobshchestva stran Zapadnoi Afriki (ekovas) v sfere sel'skogo khozyaistva i ispol'zovaniya prirodnykh resursov [Economic Community's Competence of the Western Africa Countries (ECOWAS) in the Sphere of Agriculture and Usage of Natural Resources]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*. 2014;2:314–316 (In Russ.).
2. Nesterova I.V. «Vodnaya karta» v global'nom mire [“Deficiency of Water Resources Map” in the Global World]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2011;3:53–62 (In Russ.).
3. Nil'skii E.Kh. Nekotorye aspekty problemy regulirovaniya stoka Nila [Some Aspects of the Problem of Regulating the Flow of the Nile]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'. Sbornik statei (vypusk desyatyi)*. Moscow: Institute for Israel and Middle East Studies; 2001:215–225 (In Russ.).
4. Mikhel' D.V. Progress v sanitarii i dostupe k pit'evoi vode (sovmestnyi doklad YuNISEF i VOZ) [Progress on Sanitation and Drinking Water — 2015 Update and MDG Assessment. Geneva: UNICEF and World Health Organization]; 2015: 81. *Social sciences and humanities domestic and foreign literature. Oriental and African studies: abstract journal*. 2018:7–13 (In Russ.).
5. Pereverzeva E.V., Filippova S.N. Turizm i mediko-ekologicheskie problem [Tourism and Medico-ecological Problems]. *Vestnik of The Russian International Academy for Tourism*. 2012; 2–3: 39–47 (In Russ.).
6. Vasilenko V.A. Vodnye resursy dlya ustoichivogo razvitiya [Water Resources for Sustainable Development]. *The all-Russian ECO Journal*. 2006;2(380):128–142. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2006-2-128-142> (In Russ.).
7. Al' Sabunchi A.A. Problemy vodosnabzheniya razvivayushchikhsya stran Azii i Afriki [Water Supply Problems in Developing Countries of Asia and Africa]. *Social sciences and humanities domestic and foreign literature. Oriental and African studies: abstract journal*. 2011;7(220):30–34 (In Russ.).
8. Komakech H.C., Condon M., van der Zaag P. The Role of Statutory and Local Rules in Allocating Water between Large- and Small-scale Irrigators in an African River Catchment. *Water SA*. 2012;1(38):115–126. <https://doi.org/10.4314/wsa.v38i1.14>

9. Popova A.Yu., Smolenskii V.Yu., Demina Yu.V., Maleev V.V., Kutyrev V.V., Shcherbakova S.A., Maksyutov R.A., P'yankov O.V., Keita S., Buaro M.I., Magassouba N., Itskov Ya.Yu., Kolomoets E.V. Vklad Rossiiskoi Federatsii v ukreplenie epidemiologicheskogo nadzora za opasnymi infektsionnymi boleznyami na territorii Gvineiskoi Respubliki [Contribution of the Russian Federation to Strengthening of Epidemiological Surveillance Over Dangerous Infectious Diseases in the Republic of Guinea]. *Problems of Particularly Dangerous Infection*. 2019;3:6–13. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2019-3-6-13> (In Russ.).

Информация об авторе:

Бабинцева Екатерина Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-1197-0892) (e-mail: babintseva-ea@rudn.ru).

Information about the author:

Ekaterina A. Babintseva — PhD in History, Associate Professor of the Departments of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Russian Federation (ORCID ID: 0000-0002-1197-0892) (e-mail: babintseva-ea@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-450-464

EDN: ZCXLDU

Research article / Научная статья

Public Service Performance: A Case Study in Public Relation Information and Communication South Sulawesi Province

Zainal Arifin

Hasanuddin University,
10, Jl. Perintis Kemerdekaan Km., Makassar, South Sulawesi, Indonesia, 90245

 zainalhumasplan312@gmail.com

Abstract. One of the tasks of the government is fulfilling community rights by providing services. Services provided should follow existing laws and regulations; fast, reliable, and appropriate services are the main foundation for fulfilling community rights. Service performance can be measured using a theory proposed by Dwiyanto; the theory presents five indicators: productivity, service quality, responsiveness, responsibility, and accountability. Our study employed a qualitative descriptive method and would provide a systematic, factual, and accurate description of the object under study. We described public services from the point of view of service performance and factors supporting and inhibiting the performance of bureaucratic services. Our finding showed that public service performance had no standard operating procedure, resulting in time uncertainty for the services provided. There was also a problem related to the low ability of human resources, resulting in constraints on responsiveness. However, public employees showed good accountability and responsibility in providing services. Thus, it is necessary to have standard operating procedures and include education and training staff.

Keywords: public service, community, standard operating procedures, social science

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.04.2023. The article was accepted on 29.05.2023.

For citation:

Arifin Z. Public Service Performance: A Case Study in Public Relation Information and Communication South Sulawesi Province. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):450–464. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-450-464>

Introduction

The community generally connotes that government officials do not provide good enough services to the community. This can be seen from the many complaints submitted by the public related to community services. Two

© Arifin Z., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the most often submitted complaints by the public are about the unclear procedure for getting services, and the unprofessional ways officials show in delivering services; it is so common to find people getting into arguments or even physical contact with the officials because people are so fed up with the way the officials treat them.

Public services have been regulated in the Law of the Republic of Indonesia Number 25 of 2009 concerning Public Services [1], Government Regulation of the Republic of Indonesia Number 96 of 2012 concerning the Implementation of Law Number 25 of 2009 on the Implementation of Public Services [2], and Government Regulation Number 2 of 2018 concerning Minimum Service Standards [3]. For the Province of South Sulawesi, public relations services are regulated by the Governor of South Sulawesi Regulation Number 18 of 2019 concerning Position, Organizational Structure of Duties and Functions, and Work Procedures of the Office of Communication, Informatics, Statistics and Inventory of South Sulawesi Province [4]. Article 9 Paragraph 1 mentions the following functions of the Information and Public Communication Public Relations Division: (a) formulating technical policies in public relations, information, and public communication; (b) implementing technical policies in public relations, information, and public communication; (c) evaluating and reporting activities in public relations, information, and public communication; (d) administration of public relations, information, and public communication; and (e) implementing other official duties.

The duties of the Information and Public Communication Public Relations Division as mandated by Article 9 Paragraph 1 are: (a) plan activities for the Information and Public Communication Public Relations Division as a guideline in carrying out the tasks; (b) distribute and give instructions on the implementation of tasks; (c) monitor, supervise, and evaluate the implementation of tasks within the Information and Public Communication Public Relations Division to find out the progress of task implementation; (d) provide the draft as well as correct and signing official documents; (e) attend meetings following their duties; (f) coordinate the management of information and public media; (g) coordinate the management of media communication channels; (h) compile the results of the management of public complaints; (i) formulate the pattern of fostering public information services; (j) carry out the documentation and classification of information and public communication; (k) coordinate the processing of national and regional information and policies; (l) coordinate the re-supervision of national content into regional content; (m) coordinate the dissemination of policy information through regional government and non-government media; (n) carry out monitoring, evaluation, and reporting of public information; (o) provide technical administrative services to officials related to their duty following the provisions; (p) coordinate and implement the publication, printing, and distribution of activity information and welcoming remarks by the governor and deputy governor, and facilitate the provision of reading materials

(newspapers, magazines, articles, and other forms); (q) carry out monitoring, control, and evaluation of technical policies in public relations, information, and public communication including management of public opinion, public communication, public media, and public information services; (r) coordinate and consult with government agencies and non-governmental organizations in carrying out tasks and functions; (s) evaluate the performance of civil officials following the applicable laws and regulations; (t) compile a report on the implementation results of the duties of the Head of the Information and Public Communication Public Relations Division, and provide advice and considerations to superiors as material for policy formulation; and (u) perform other official duties ordered by superiors following their duty.

The main task of modern government, according to [5], is essentially providing services to the community; in other words, the government is not held to serve itself but to serve the community and create conditions that allow every member of society to develop their abilities and creativity to achieve common goals. Public organization, as an element of public administration, is the place to carry out public administration tasks. Public organizations are formed to provide services to the public or citizens.

This requires concern from the officials to provide excellent community services to gain public approval and acknowledgment. For this reason, it is necessary to study service categories that satisfy the community as customers following the rapid changes in society. As such, we need strategies related to planning, implementing, and evaluating excellent services. Unfortunately, public services have a vast dimension, delivered in various circumstances to people with multiple needs and characteristics. If we are to examine all the mistakes found in all types of public services the government provides to the community, we may end up frustrated, as there will be too many shortcomings. The public even tends to say that the officials themselves have caused all the problems in the services provided by the government — for not being professional and not having the exact standards. It is hard to deny the public's opinion since facts show that the unprofessional behavior of the officials has led to malpractice in public services [6]. Ideally, bureaucracy serves and facilitates relations among citizens and between citizens and the state. Bureaucracy is often considered complicated and even challenging.

Unfortunately, public services are not supported by open decision-making mechanisms and democratic political processes. Therefore, it is not surprising that public services in Indonesia tend to be corrupt and of very low quality, especially those related to the procurement of obligatory public service products such as public information services and community complaint services [7]. In empowering the community, the government's function is more of a regulator than an implementer or service actor. The government must empower community groups as providers or implementers of public services to balance the situation. In other words, the government's job is to help people to help themselves. Public services have been a maze for everyone—

there are too many unclear things the public has to figure out themselves. Service users are often faced with so much uncertainty when dealing with bureaucracy. Questions commonly found asked by people when they deal with public services are what the public needs to prepare to get the service, how long it will take for things to finish, and the procedure they must go through, yet there seem to be no clear answers. Our public services in Indonesia are of poor quality, so the government, both at the central and local levels, is interested in improving public services. Various complaints submitted by the public must be immediately addressed and responded to by the relevant government agencies. In this regard, the government has established an online complaint service managed by the Office of Communication, Informatics, Encryption, and Statistics at all government levels. The complaint service in South Sulawesi Province is Baruga-SP4N-LAPOR, which stands for *Sistem Pengelolaan Pengaduan Pelayanan Publik Nasional — Layanan Aspirasi dan Pengaduan Online Rakyat* (The National Public Service Complaints and Management System — the People’s Online Aspiration and Complaint Service (<https://sulselprov.go.id>)).

The service quality in public relations must be reviewed due to the many complaints submitted. Research on the quality of public services is essential because the community is not satisfied in terms of time, cost, and quality of service provided. For this reason, this research aims to improve public service quality, especially in the Information and Public Communication Public Relations Division of South Sulawesi Province.

Literature Review

The State Civil Officials (*Aparatur Sipil Negara* — ASN) in public services should understand more about work dimensions to improve public service quality. The work dimensions are responsibility, ability to cooperate and work accuracy [8].

1. *Responsibility* is assessing the willingness of employees to be accountable for the work that has been done. An employee in a bureaucracy or institution has interrelated rights and obligations. Obligations are what must be done, while rights are related to what they can get after they carry out their obligations.
2. *Willingness to cooperate* with other organization members refers to the willingness and ability to work with colleagues, superiors, and subordinates in their work units and other agencies to complete a task and responsibility to achieve maximum efficiency and effectiveness.
3. *Work accuracy* is the ability of individuals to do something quickly, carefully, and thoroughly. Accuracy influences performance because accuracy is a personality characteristic to identify an individual’s work performance. It is a personality trait widely measured. In addition to accuracy, what is needed in community service is discipline. Discipline means submission and obedience to applicable rules, including carrying out duties and functions assigned.

There are several indicators to measure the performance of the public bureaucracy in providing services [9]:

- a. *Productivity* measures not only the level of efficiency but also the effectiveness of services. Productivity is generally understood as the ratio between input and output. The concept of productivity was too narrow, and then the General Accounting Office (GAO) tried to develop a broader measure of productivity by including how public services have the expected results as one of the critical performance indicators.
- b. *Service quality* is the result of work assessed from the quality and quantity of activities done, which creates a sense of satisfaction for the community; thus, community satisfaction with services can be used as an indicator of the performance of public organizations. The main advantage of using community satisfaction as a performance indicator is that information on community satisfaction can often be obtained from the mass media or public discussions. As access to information regarding public satisfaction with service quality is relatively very high, it can be used to measure the performance of public organizations.
- c. *Responsiveness* means measuring the organization's ability to recognize community needs, develop service agendas and priorities, and develop public service programs according to community needs and aspirations.
- d. *Responsibility* means measuring the suitability of the implementation of public organization activities with the administration principles or organizational policies.
- e. *Accountability* is how much the policies and activities of public organizations are subject to political officials elected by the people or a measure that shows the level of conformity of service delivery with external values or norms in the community or those of stakeholders.

Methods

This research was carried out in the Information and Communication Public Relations Division of South Sulawesi Province. The informants were employees and service recipients in the information and communication public relations sector. This study was conducted in August 2022. The research location was selected purposively. The public service in the Information and Communication Public Relations Division has not been implemented in a structured, systematic, and massive manner (*Terstruktur, Sistematis, dan Massif* — TSM) to increase the service quality. Thus, it is necessary to improve public services. This research was qualitative descriptive research since it would give an overview or describe the object under study systematically, factual, and accurately [10]. Qualitative research is used to examine the condition of natural objects (as opposed to experiments) where the researcher is the key instrument, and the analysis is inductive. The research results emphasize meaning rather than generalization.

Findings and discussion

1. Public Service Performance

The Information and Communication Public Relations Division of the Office of Communication, Informatics, Encryption and Statistics (Kominfo) of South Sulawesi Province is in charge of (1) *Pejabat Pembuat Informasi dan Dokumentasi* (PPID) or officials in charge of information production and documentation, (2) SP4N Lapor, (3) *Komisi Informasi* (KI) or information commission, and (4) branding for the office's leaders.

Informants provided information about the service provided (Bharata in [11]), including (1) *service providers* (parties who can provide a particular service to consumers, both in the form of supply and delivery of goods or services); (2) *service recipients* (those who are referred to as consumers who receive various services from service providers); (3) *types of services* (services that can be provided by service providers to parties who need services), and (4) *customer satisfaction* (In providing services, service providers must refer to the primary goal of service, customer satisfaction). This is important because customer satisfaction is closely related to the quality standards of the goods and/or services they get. The following subsections describe the informant's statements:

a. Service Productivity

Process productivity can be interpreted as a system component with a significant role in processing inputs to produce valuable outputs for users in each service. The process is about processing the input as well as possible so that the results conform with the planned goal. Process productivity consists of communication or good interactions and decision-making about the exact time to finish the product. Socialization is to provide understanding and development of officials to improve their performance in implementing services [12].

The productivity of services at the Information and Communication Public Relations Division has been running well, especially in the 4 service units (PPID, SP4N Lapor, KI, and branding), as revealed by informants based on the results of interviews regarding service productivity below.

“The service is carried out properly, the employees from 4 service units are very responsive in providing services, and they pay attention to the principles of discipline and speed in service. However, it must still be equipped with Standard Operating Procedures (SOP) and supporting facilities and infrastructure for the best service.”

Thus, it could be concluded that the service in the Information and Communication Public Relations Division ran well—employees were very competent in providing services to all service recipients by taking into account the principles of discipline and speed. The interviews also revealed that even though the service was relatively good, some aspects needed improvement, including the

availability of Standard Operating Procedures (SOPs) so every service provided could be measured for its quality based on the standards it has.

The Standard Operating Procedure (SOP) is a guideline for the implementation of office administration in improving the service and performance of government organizations; as [13] states, an SOP is a document that contains a series of standardized written instructions regarding various processes of administering office, including how to do work, time of implementation, place of implementation, and the implementers.

In addition, supporting facilities are also crucial. Our findings confirmed that human resources were not suitable in quantity with available equipment to keep work and performance high. There was a shortage of laptops and printers completed with scanners in the office. A complete office facility will have direct effects in the form of better employee work, leading to higher performance (Moenir in [14]).

b. Service Quality

Service quality is a result of a comparison between customer expectations and actual performance. In other words, two main factors influence service quality: expected and perceived service. The main components of service quality are technical quality (consisting of search quality, experience quality, and credence quality), functional quality, and corporate image (Gronroos in [15]). Service quality is seen as ideal for services exceeding the expectations and desires of service recipients.

The service provided by the Information and Communication Public Relations Division is good since people could easily and quickly get the services, as shown in the following interview result.

“Employees have shown good attitude in serving—they smile, are polite and friendly. Employees have demonstrated high responsibility for their tasks. The staff at the SP4N Lapor service, in particular, were very respectful of me when I was being served.”

The results of other interviews with informants reveal the need for service improvement.

“The quality of service still needs improvement, especially in showing service standards, explaining the procedure in advance, and explaining the things to do in advance. And most importantly, they maintain a friendly behavior.”

Based on the results of interviews with informants above regarding the description of service quality in the implementation of services carried out by employees in the field of Public Relations, communication, and public information. Behavior or attitude in service is essential in driving the performance of the services provided to the community and greatly influences the achievement of tasks and organizational goals [16]. In addition, behavior and attitudes also provide awareness of rights and obligations, freedom or authority, and responsibility, both personal and group, supporting the implementation of public services [17].

c. Service Responsiveness

In improving public services, transparency and responsiveness are essential to creating a sound service system. Transparency is the openness of information channels between the public and public service providers. Meanwhile, the Information and Communication Public Relations Division seeks to promote responsive service through the 4 units it manages.

The Information and Communication Public Relations Division conveys responses or answers to the information submitted by service recipients. The community and government interact and exchange information by prioritizing information from the community to the government. Creating a transparent government will increase access to excellent services, enable a system of checks and balances, and increase the effectiveness and efficiency of services. Responsiveness is the government's ability to identify and make the needs and demands of the community the basis for creating policies and providing public services [18]. The following are the results of interviews with informants regarding the implementation of responsiveness in the Information and Communication Public Relations Division.

“Employees are attentive—they smile, they ask us how they can help us. They explain what documents we need to prepare. The employees also seem to have a good system of working. However, there is still a need to increase the capacity of service operators. I think that the operators often find it difficult to provide an easy-to-digest explanation when there is a problem in the service server.”

Our finding confirmed that, in general, the employees showed high responsiveness in carrying out their task of providing services. The employees cared about the people needing the service, and they provided good guidance for the people. Our finding, however, also revealed the need for improving the capacity of employees, especially the operators, because the people sometimes found it hard to understand their explanation when problems happened to the server. It is always necessary to pay attention to the basic principles: responding to every customer who wants to get service, officials performing services quickly, officials conducting services appropriately, officials performing services carefully, officials performing services promptly, and all customer complaints are responded to by officers [19].

d. Service Responsibility

Responsibility related to public services greatly supports the implementation of services and performance in an organization. According to Friedrich in [20], responsibility is a concept that relates to professional standards and technical competencies owned by public administrators to carry out their duties. Being responsible for the service means paying attention to the principles of (1) clarity of responsibility and authority, (2) commitment to the responsibility and authority, (3) having a policy for human resource management, (4) having a policy for financial

management, (5) having a policy for facility and infrastructure management, and (6) having a policy on work systems [20]. The following is the statement from an informant.

“The employees show a good response. Yet, I think they need SOPs so we can have the same quality service. I notice that almost all service units have no SOPs.”

The other interview result showed the following:

“If we still take seniority as a determinant in assessing our work, it will create a big obstacle to improving performance. I feel the seniors hold too much authority here, while the juniors, especially the non-permanent staff and part-timers, have too much work to handle.”

In general, the responsibility was well implemented, although innovations were needed, including creating SOPs to measure service quality. Apart from that, the SOPs also help employees measure their performance. There will be a positive impact if the government’s SOPs are more transparent regarding service procedures, administrative requirements, detailed costs, and completion times to reduce complicatedness and corrupt practices. SOPs also help when it comes to handling tasks and responsibilities from one employee to another [21].

In addition to the unavailability of SOPs, seniority was another factor hindering service quality improvement. The juniors had too much work to handle, including being responsible for the work of their seniors, and work performance is determined exclusively by the standards of the seniors, not specific criteria applied to all. Behavior like this will create an imbalance in the work of employees in an organization and negatively impact the organization itself. Besides that, it will also create an uneven distribution of work authority in government organizations. Therefore, seniority in an organization must be eliminated [22]

e. Service Accountability

Accountability in implementing public services is essential in supporting organizational capabilities and influencing employee performance. Government administrators must be accountable for their duties to the public because the government itself is formed by the public and for the public (Widodo in [23]). Therefore, accountability must be exercised in supporting organizational performance (Parker in [24]), including (1) accountability for meeting performance standards to achieve results, (2) accountability in satisfying customer preferences directly from government services, and (3) privatizing government with an emphasis on providing services and functions most cost-effectively while satisfying customers.

The following is an interview result regarding service accountability.

“I think employee accountability in providing a service so far is optimal. The employees have the steps in getting or completing a service, for example, in the online complaint unit. Employees are quick to respond to complaints.”

Thus, the accountability level is quite good. The employees responded well to the customers and were responsible for their work by providing clear guidance to service users.

Performing accountability needs to pay attention to the following basics. First, the government must (a) be accountable for what is done in open ways and (b) show what has been done in the form of a report or explanation to fulfill people's rights. Second, the people have the right to (a) obtain information about what the government officials do and (b) feel satisfied with all government policies—at every stage of the management process, the government must always inform the community and vice versa [25]. The government must be accountable for the actions of the organization's leaders.

Based on the informants' statements on the implementation of accountability in public services, it can be concluded that the service is quite good, and employees have shown accountability in providing services. Employees were quick to respond to any complaints from service users. In addition, employees were considered responsible for the service given to users. Employees have shown descriptions and provided directions to service users.

2. Information and Communication Public Relations

The factors inhibiting quality service in the Information and Communication Public Relations Division, especially in the 4 service units (PPID, SP4N Lapor, KI, and branding), are elaborated below.

a. Unavailability of Standard Operating Procedures (SOPs)

The unavailability of SOPs from the 4 service units is one of the obstacles to creating effective and efficient services. SOPs are very important for measuring the success of a service. Public services should have systems and procedures to let officials and the public as users of service products know the steps they must go through. SOPs will make it easy for users to understand and follow the steps [26].

In addition, Regulation of the Minister of Government and State Officials Number 35 of 2012 concerning Guidelines for the Preparation of Standard Operating Procedures for Government Administration [27] emphasizes the importance of an SOP in government service units as a benchmark for service delivery. SOPs are helpful to help to create effective and efficient services.

SOPs must proportionally regulate the rights and obligations of service providers and service users. In public service delivery, community rights and service obligations have never been regulated in service procedures. Procedures usually only regulate the obligations of users and ignore their rights. Even so, information about user obligations in accessing services, such as what requirements they must meet and what procedures they must take, can be challenging to obtain [28].

b. Lack of Education and Training

Education and training are the other inhibiting factors for the best service quality in the Information and Communication Public Relations Division. Education and

training significantly affect the implementation of public services since it deals with the skills of employees to support the implementation of public services effectively and efficiently. Education and training affect employee performance, including target accuracy, quality results, and speed and accuracy in carrying out tasks [29].

Education and training are an effort to improve the quality of employees and develop human resources, especially intellectual development and personality. Improved expertise, skills, and attitudes will enhance current and future performance. The purpose of fostering government officials through education and training is to produce effective, efficient, skilled, productive, and innovative employees [30]. The following is the informant's statement regarding the inhibiting factors.

“The inhibiting factor based on field observations is that there is a lack of education and training for the staff. Many employees here do not fully understand the steps to provide the service in certain units and do not know the ins and outs of service, especially for non-permanent and part-time employees. But in reality, these non-permanent and part-time employees do most of the work to serve the public.”

Thus, lack of education and training hindered the Information and Communication Public Relations Division from giving the best service. Employees needed to understand the steps to provide service. This happened much to non-permanent and part-time employees, and unfortunately, they were the ones dealing much with the public.

Conclusion

1. Conclusion

Based on the results of the research and discussion described above, the following conclusions are drawn.

1. Service Productivity

Employees are considered very responsive. Employees have shown fast and reliable service in such a disciplined manner. However, it is still necessary to provide Standard Operating Procedures (SOPs) to provide more effective services.

2. Service Quality

Employees have been helpful, polite, and friendly. Employees are respectful in providing services to users.

3. Service Responsiveness

Employees are considered to be responsive. They are seen as having good skills and qualified in explaining administrative requirements for the public to get the service. However, the skills of operators need to be improved.

4. Service Responsibility

Employees show good attitudes and care in providing services but must be equipped with several service instruments, such as SOPs, in each service unit.

5. Service Accountability

Employees are pretty responsible for providing a service. Some employees can understand and explain to service users the flow and mechanism for obtaining services.

The factors inhibiting quality service in the Information and Communication Public Relations Division, especially in the 4 service units (PPID, SP4N Lapor, KI, and branding), are: (1) the unavailability of SOPs for all services, (2) the strong hierarchical system of authority and structure among employees, and (3) the lack of education and training for some employees.

2. Recommendations

Based on the findings and conclusions, the following recommendations are given.

1. The government of South Sulawesi needs to conduct education and training regarding the implementation of services for the employees of the Information and Communication Public Relations Division, especially front liners who work to serve the public.
2. The Information and Communication Public Relations Division must create SOPs for all its service units.
3. The Information and Communication Public Relations Division needs to control and evaluate the institutional system to reduce the tension in the hierarchical system of authority and structure.

Acknowledgements

Alhamdulillah rabbil ‘alamin, the researcher expresses his highest gratitude to Allah subhanahu wa ta’ala for blessing, love, opportunity, health, and mercy to complete this postgraduate thesis. This thesis entitled “Kinerja Birokrasi Pelayanan Publik studi Kasus Bidang Humas Informasi dan Komunikasi Publik.” is submitted as the final requirement in accomplishing Postgraduate degree at Magister Administrasi Publik at Politic and Social Science Department In Hasanuddin University.

In arranging this thesis, a lot of people have provided motivation, advice, and support for the researcher. In this valuable chance, the researcher intended to express his gratitude and appreciation to all of them for the endless love, pray, and support in order to remind me to keep going and never giving up.

The researcher greatest appreciation also goes to solid classmates, academic administration friendly and polite and also the head of language centre of Unhas for her advice, supervision, and crucial contribution in the improvement of the result of this postgraduate thesis.

I gratefully thank to the principal of Office of Information Communication, Statistics and Encryption of South Sulawesi Province, Amson Padolo for allowing me to conduct the research there. Also to the head of division

Public Relation Information and Communication, Sultan Rakib for allowing me to conduct my research in his division. I could never have finished this without your great guidance.

I am very grateful to have some close friends who always support me. The first appreciation goes to, M Natsir R. You are always a good listener for every problem I faced, especially when I had to revise this thesis and re-start over and over again. Your oppinions never stop surprise me and also allow me to see my problem from a different angle. I Also want to express my appreciation to my doctoral candidate partners Edhib, M Arif, Ali Liakat, Bu Rasmi who encourage me to finish this paper.

Finally, I would like to thank everybody who was important to the successful realization of this postgraduate thesis. This thesis is far from perfect, but it is expected that it will be useful not only for the researcher, but also for the readers. For this reason, constructive thoughtfull suggestion and critics are welcomed.

REFERENCES

4. Government of Indonesia. *Law № 25, Year 2009*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/38748/uu-no-25-tahun-2009> (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
5. Government of Indonesia. *Regulation of the Government of the Republic of Indonesia № 96 Year 2012*. URL: www.djpp.depkumham.go.id (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
6. Government of Indonesia, *Regulation of the Government of the Republic of Indonesia № 2 Year 2018*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/67029/pp-no-2-tahun-2018> (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
7. South Sulawesi Regional Government *Regulation of the Governor of South Sulawesi № 18 Year 2019*. URL: <https://jdih.sulselprov.go.id/dokumen/no-18-tahun-2019-3> (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
8. Muhammad R.R. *Kajian Awal Birokrasi Pemerintahan dan Politik*. Jakarta: Yarsif Watampone; 1997 (Indon.).
9. Kristiadi *Menyoal Birokrasi Publik*. Jakarta: Balai Pustaka; 2001 (Indon.).
10. Taufiq E. *Pedoman Pelaksanaan Pelayanan Publik*. Jakarta: Kementerian Negara Pendayagunaan Aparatur Negara; 2006 (Indon.).
11. Mahendra R., Agustang A., Muhammad I.A. Analisis Kinerja Aparatur Sipil Negara Dalam Pelayanan Publik. *Jurnal Ilmu Sosial dan Pendidikan (JISIP)*. 2021;5(4):2598–9944. <https://doi.org/10.36312/jisip.v5i4.2578/http> (Indon.).
12. Agus D. *Manajemen Pelayanan Publik: Peduli, Inklusif, dan Kolaboratif*. Yogyakarta: Gajah Mada University Press; 2012 (Indon.).
13. Sugiyono *Metode Penelitian Kuantitatif, Kualitatif dan R&D*. Bandung: Alfabeta; 2019 (Indon.).
14. Siti N., Program M., Bisnis S.A., Mewujudkan B.P.K. Good Governance Melalui Pelayanan Publik,” *Jurnal Ilmu Politik dan Komunikasi*. 2016;6(1):11–18 (Indon.).
15. Suri A.I., Ma S., Atika D.B. Efektivitas Layanan Pengaduan Terpusat (Studi Tentang Layanan Pengaduan SP4N Lapor! Kota Metro). *Jurnal Administrativa*. 2022;4(1):33–44 (Indon.).
16. Junita T.D. Peranan Sop Pada Organisasi Pemerintahan Kota Surabaya Dalam Peningkatan Kepuasan Pelayanan Kepada Masyarakat (Studi Di Bagian Umum dan Protokol Pemerintahan Kota Surabaya). *Jurnal Penelitian Administrasi Publik*. 2017;3(2):858–863 (Indon.).
17. Raharja U., Harahap P., Eka R., Devi C. Pengaruh Pelayanan dan Fasilitas pada Raharja Internet Cafe Terhadap Kegiatan Perkuliahan Pada Perguruan Tinggi. 2018;12(2):60–65 (Indon.).

18. Sigit K.N., Soliha E., Kualitas Produk dan Kualitas Layanan terhadap Kepuasan dan Loyalitas Nasabah. *Jurnal Keuangan dan Perbankan*. 2017;21(1):157–168 (Indon.).
19. Hamzah O.S., Perilaku Birokrasi Pemerintah Dalam Pelayanan Puskesmas di Kota Makassar. *Jurnal Ilmiah Ilmu Administrasi Publik*. 2016; (4)1: 30. <https://doi.org/10.26858/jiap.v4i1.1819> (Indon.).
20. Nurdin I. *Kualitas Pelayanan Publik (Perilaku Aparatur dan Komunikasi Birokrasi dalam Pelayanan Publik)*. Surabaya: Media Sahabat Cendekia; 2019 (Indon.).
21. Setianingrum T., Abritaningrum Y.T. Mempertanyakan Responsivitas Pelayanan Publik pada Pengelolaan Pengaduan Kasus UPIK di Kota Yogyakarta. *Populasi*. 2016;24(1):1. <https://doi.org/10.22146/jp.23692> (Indon.).
22. Widianati I., Merianawati Responsivitas Pelayanan Publik Dalam Menangani Keluhan Pelanggan Publik Dalam Menangani Keluhan Pelanggan Di Perusahaan Daerah Air Minum (PDAM) Kabupaten Gresik. *Publika*. 2015; 3 (8). URL: <https://ejournal.unesa.ac.id/index.php/publika/article/view/13710/12565> (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
23. Muslimah S. Responsibilitas Pelayanan Publik pada RSUD Salewangan Kabupaten Maros Skripsi. Makassar: Universitas Hasanuddin; 2016 (Indon.).
24. Sulistiani A.S. Standar Operasional Prosedur (SOP) Administrasi Kependudukan dalam Meningkatkan Efektivitas Pelayanan Publik di Kecamatan Sambutan. *Ejournal Ilmu Pemerintahan*. 2016;4(1):53–63 (Indon.).
25. Astri D.S., Indarti S., Patrisia N.E. Penerapan Responsibilitas Dan Transparansi Layanan Publik (Sebuah Kajian Ilmu Administrasi). *Professional: Jurnal Komunikasi Dan Administrasi Publik*. 2020; (7)1: 43–48 (Indon.).
26. Rondonuwu B.C., Lopian M.T., Kairupan J.K. Akuntabilitas Kinerja Aparat Dalam Pelayanan Publik Di Kelurahan Sendangan Kecamatan Kawangkoan. *Jurnal Eksekutif*. 2017; 1 (1). URL: <https://ejournal.unsrat.ac.id/index.php/jurnaleksekutif/article/view/15521> (accessed: 26.04.2023) (Indon.).
27. Herizal H., Mukhrijal M., Wance M. Pendekatan Akuntabilitas Pelayanan Publik Dalam Mengikuti Perubahan Paradigma Baru Administrasi Publik. *Journal of Governance and Social Policy*. 2020;1(1):24–34. <https://doi.org/10.24815/gaspol.v1i1.17327> (Indon.).
28. Maani K.Dt. Transparansi dan Akuntabilitas dalam Pelayanan Publik. *Jurnal Demokrasi*. 2009; 8 (1). URL: <http://ejournal.unp.ac.id/index.php/jd/article/view/1190> (accessed: 28.04.2022) (Indon.).
29. Suyatna R. Pengaruh Penerapan Standar Operasional Prosedur Administrasi Pemerintahan (SOP AP) Terhadap Kualitas Pelayanan Publik. *Jurnal Lingkar Widayaiswara*. 2019;6(3):25–39 (Indon.).
30. Government of Indonesia *Regulation of the Minister of Government and State Apparatus Number № 35 Year 2012*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/132829/permenpan-rb-no-35-tahun-2012> (accessed: 28.04.2023) (Indon.).
31. Regina M., Maningkue L., Sambiran S., Sumampow I. Efektivitas Penerapan Standar Operasional Prosedur (SOP) Dalam Meningkatkan Kualitas Pelayanan Perijinan Pada Dinas Penanaman Modal. *Jurnal Governance*. 2022; 2 (1). URL: http://juliwi.com/published/E0603/jlw0603_25-39.pdf (accessed: 26.04.2022) (Indon.).
32. Ilyas A., Bahagia B. Pengaruh Digitalisasi Pelayanan Publik terhadap Kinerja Pegawai pada Masa Pandemi di Lembaga Pendidikan dan Pelatihan. *Edukatif: Jurnal Ilmu Pendidikan*. 2021;3(6):5231–5239. <https://doi.org/10.31004/edukatif.v3i6.1173> (Indon.).
33. Basir M.A. Pengaruh Pendidikan Dan Pelatihan, Motivasi Kerja Terhadap Kualitas Pelayanan Dinas Kependudukan Dan Catatan Sipil Kota Baubau. *JIP (Jurnal Ilmu Pemerintahan): Kajian Ilmu Pemerintahan dan Politik Daerah*. 2016;1(1):85–106. <https://doi.org/10.24905/jip.1.1.2016.85-106> (Indon.).

Information about the author:

Zainal Arifin — Magister of Public Administration, Faculty of Social Science and Political Science, Hasanuddin University (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-7737-5463) (e-mail: zainalhumasplan312@gmail.com).

Эффективность государственной службы: тематическое исследование информационных и коммуникационных аспектов сферы связей с общественностью в провинции Южный Сулавеси, Индонезия

З. Арифин

Университет Хасануддина,
90245, Индонезия, Южный Сулавеси, Макаassar, ул. Перинтис Кемердекан, 10
 zainalhumasplan312@gmail.com

Аннотация. Одной из основных задач правительства является реализация прав общества путем предоставления различных услуг. Предоставляемые услуги должны соответствовать существующим законам и правилам; быть оперативными, надежными и способствовать соблюдению прав человека. Эффективность государственной службы можно измерить с помощью теории, предложенной Двиянто. В данной теории представлены пять показателей: производительность, качество обслуживания, оперативность, ответственность и подотчетность. Наше исследование использовало качественный описательный метод и направлено на систематическое, фактическое и точное описание изучаемого объекта. Мы описали государственные услуги с точки зрения эффективности услуг и факторов, поддерживающих и препятствующих работе бюрократического аппарата. Исследование показало, что при оказании государственных услуг в провинции Южный Сулавеси отсутствовала стандартизация процедур, что приводило к трудностям при предоставлении услуг. Также существовала проблема, связанная с низкими компетенциями кадров, что приводило к ограничению возможности реагирования. Однако государственные служащие показали хорошую подотчетность и ответственность при оказании госуслуг. Таким образом, отмечается особая важность регламентации деятельности государственных служащих и стандартизации процедур, а также подготовки и обучения персонала.

Ключевые слова: государственная служба, сообщество, стандартные операционные процедуры, социальная наука

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 15.04.2023. Статья принята к публикации: 29.05.2023.

Для цитирования:

Arifin Z. Public Service Performance: A Case Study in Public Relation Information and Communication South Sulawesi Province // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 450–464. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-450-464>

Информация об авторе:

Арифин Зайнал — магистр государственного управления факультета социальных и политических наук, Университет Хасануддина (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-7737-5463) (e-mail: zainalhumasplan312@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-3-465-479

EDN: ZAVSFT

Research article / Научная статья

Godfatherism and Its Effects on Nigeria's Democracy

Ejiroghene Augustine Oghuvbu

Delta State University,
1, Abraka-Umutu Rd., Abraka, Nigeria

 augustine4best@yahoo.com

Abstract. Godfatherism has been the focal point of political gangalism in Africa and other developing countries around the globe. Godfatherism has been a hallmark of Nigeria's democracy today. With the restoration of democratic rule in 1999, the nation has seen an increase in the politics of godfatherism, which has slowed the consolidation of democracy while also undermining efficient state governance and restricting rather than broadening democratic representation. Godfatherism has taken its toll in the country's politics, causing disharmony, disunity, conflict, and disaffection among various political and interest groups in the country. Its lethargy has exacerbated electoral passivism and apartheid, slowing Nigeria's democratic transition. This study therefore, investigates the causes, nature and effects of godfatherism on Nigeria's nascent democracy. The paper based its investigation on the elite theory and the study reveals that political godfatherism is responsible for weak institutions in the country. The study therefore, concludes that political godfathers and godsons have denied the people the rights to vote for their preferred candidate as their leaders. The study however, recommends that voting should be reformed to make it more difficult for individuals and institutions to finance political parties and politicians, this will go a long way towards eradicating godfatherism in Nigeria, and give room for democracy to flourish.

Keywords: democracy, Godfatherism, development, political conflict, personal interest

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.03.2023. The article was accepted on 29.06.2023.

For citation:

Oghuvbu E.A. Godfatherism and its Effects on Nigeria's Democracy. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(3):465–479. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-465-479>

Introduction

Godfatherism has been the focal point of political gangalism in Africa and other developing countries around the globe [1. P. 11]. The political class's struggle for dominance of society's systems and institutions is explained by the accumulation of power and wealth of politicians; this struggle, and the resulting ideals, have had a significant effect on society in a variety of ways. Power struggles among members

© Oghuvbu E.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the political class have culminated in violence in various forms and intensities in our evolving democratic history [2. P. 1].

Since the country's democratic transition in 1999, Nigeria's democracy has remained incredibly dysfunctional, with politics becoming increasingly partisan and patronage becoming necessary to retain power. Democracy, as a moral and legitimate means of governing a nation, has spread to many parts of the globe but it's yet to take root, in Nigeria. Multiple political parties, frequent and competitive elections, which would otherwise be called irreducible minimum requirements for democratic rule, have not resulted in a corresponding flourishing of fundamental liberal ideals that are vital to democracy's survival [3. P. 93]. The politics of godfatherism, which denies peaceful coexistence, law and order, and all the tenets of democratic process by obstructing candidate selection and even executive selection once government is established, has resulted in a transmutation of authoritarianism rather than democratic consolidation in Nigeria [3. P. 93].

Godfatherism is not a recent phenomenon in the political history of Nigeria, however, after returning to democratic rule, the country has seen a rise in godfatherism politics, which continues to erode government credibility and render citizens' electoral worth void. Godfatherism according to Nkwede, Ibeogu & Nwankwo [4. P. 139] is the "political merchant while the political godson is the slave who is bought with a huge amount of money under a democratic oath. Godfatherism is amongst the most dangerous challenges to democracy today, and it persists only with the help of the government, resulting in unresponsive leadership". Ohiole & Ojo [5. P. 3] averred "In Nigeria, democracy is not yet completely developed, and the phenomenon of godfatherism has jeopardized the political process as well as citizens' livelihood". This paper is therefore, aimed at filling this void in literature.

Methodology

The methodology used in this paper is qualitative. In order to investigate the issues of godfatherism and democracy in Nigeria, the researcher used descriptive analysis. The theoretical nature of the paper derives its claim primarily from secondary evidence, such as internet sources, textbooks, and journal articles.

Conceptual and Theoretical Clarification

Just like every other concept in the humanities and social sciences, godfatherism as a concept has no specific definition, therefore, making it difficult to arrive at a particular concept. Some similar terms, such as godfather and godson, must be identified in order to fully comprehend this. Godfather functions as a kingmaker, manager, mentor, and teacher. A godfather is "someone who has developed unimaginable respect and supporters (electorate) in the society and enjoys a well-organized political network and widespread acceptance from the voters that could ensure success for representatives of his preference, [3. P. 94]. Polly, Abner & Pally, cited in Attah, Audu & Haruna [6. P. 90] used the term in their paper to refer

to those who offered brokerage services to Hausa traders in transit in various parts of West Africa were referred to as “brokers” in their works. These traders depend on a maigida to facilitate their economic activities at the numerous transit centres where they must stop to do business. Accommodation, transportation, and brokerage facilities were all provided by the maigida.

In the Yoruba culture, godfathers are known as ‘Baba Kekere’ (small great father), ‘Baba Isale’ (father of the underground world), or ‘Baba Nigbejo’ (great helper in times of trouble). The word ‘Baba Kekere’ was coined to describe community leaders with whom people of lower social status identified as a means of ensuring their own social, physical, economic, and political security. For instance, the majority of Yoruba refugees who arrived in Ibadan in the early nineteenth century settled with the ‘baba kekere’ [3. P. 94]. As a result, the cases presented above demonstrate how people of lower social status join forces with people of higher social integrity, typically for financial gains. While this phenomenon is not alien to Nigeria, it is unusual in its incorporation into our political system.

Godfather politics entails the ‘anointing’ of a godson who is supposed to win an election by leveraging the godfather’s power, wealth, political structure, and political experience [3. P. 95]. According to Olawale [7. P. 80] espoused that “Godfather politics has had far-reaching dire consequences for Nigeria’s democratization process.” This argument is still very much visible today in Nigerian politics. In the context of this paper, godfathers are influential members of society who decide “what, how, who, and when” in the seats of power. Many godfathers in modern-day Nigeria operate in a mafia-like manner, engaging in violent plotting and hostile ‘politics,’ as well as manipulating devices to get their way through any means necessary. They use Machiavelli’s motto, “the ends justify the means,” to justify their actions. They have control over all aspects of society, including academia, the legal system, politics, and religion. Godson, on the other hand, applied to the inheritor and beneficiary of a godfather’s legacy [7. P. 81].

Several scholars have characterized godfatherism based on their perceptions and understanding of the term. According to Kolawale cited in Osakede & Ijimakinwa [2. P. 3] described godfatherism as “a political king-making institution in which certain political office holders with shaky political clout come to power”. As a result, it is a political surrogacy arrangement involving financial and moral support, with the godfather as the primary donor and the godson as the primary recipient. Godfatherism is a term used to describe the relationship between a godfather and a godson in its most basic form. Godfathers vary from mafia and election backers in a few ways. In politics, mafianism consists of formidable powerful blocs with enormous societal clout [8]. Godfatherism, according to Scott [9], is “a special case of dyadic (two-person) relations involving a mostly instrumental friendship in which a person of higher socio-economic status (patron or godfather) uses his own influence and resources to provide protection or benefits or both for a person of lower socio-economic status (client or godson) who, in turn, reciprocates by offering general support and assistance”. Furthermore, Olawale [7] espoused that the modern day godfatherism is an ancient tradition that has been taken to criminality level.

Conversely, Attah, Audu & Haruna [6. P. 89] noted that “godfatherism is seen all over the world and not peculiar to Nigeria alone. It is difficult not to find any state where godfatherism does not exist, although, the intensity varies”. Political candidates in America wiggle, seeking party and individual endorsements for their candidacy. Furthermore, group influence and endorsement can be more important than a powerful leader in other advanced societies [3]. The truth remains that influential members of society continue to have an impact on society through their voting decisions. Regardless, the characteristics of patron-client politics remain unchanged. It is founded on a power imbalance that exists in the sense of a face-to-face personal relationship, the introduction of a wide variety of socio-political and economic modes of trade, the show of kickbacks, cost-benefit analysis, and the availability of vote-givers and consider voting. The relationship between godfather and godson in Nigeria is contractual, and it is often written down and even sealed spiritually with an oath, or, in the extreme, in a ‘shrine’ [3].

At this juncture it is imperative to give a short introduction to the idea of democracy. The idea of democracy as a form of government dates back to ancient Greece. There exists various versions of democracy, common among these versions are the Athenian classical democracy, Marxists-Leninist democracy, Liberal and lately, Radical democracies. For the purpose of this paper the focus will be on liberal democracy also known as representative democracy and how it is hindered by politics of godfatherism in Nigeria [3]. In liberal view, democracy is a government by prevalent representation; a system of government where power resides with the people. Consequently, democracy is for the good of the people and by the people and for the people. The free press, openness and transparency of government, respect for the rule of law and constitutionalism, accountability, equality and inclusiveness, participation, consensus orientation, and effective and efficient service delivery are all common principles in liberal democracy. Since the practice has not witnessed freedom of choice, constituted authority, reverence for the rule of law, sagacity, and service delivery, the definition of democracy in Nigeria has been misconstrued with mere civil rule [10]. According to Onubi [11. P. 125] democracy means “rule by the people”, which means it is a government run by the people, and for the people. As a result, it refers to majority rule. Democracy may also be described as a concept, a process that leads to change, or a course of action for a government system [12]. Attah, Audu & Haruna [6. P. 90] further stated that democracy “entrenches and extends, or seeks to entrench and expand, citizens’ rights, ability, and capacity in a given society”.

Politics of Godfatherism in Nigeria: An Appraisal

In Nigeria, the political godfathers are a wealthy set of people who view political candidate sponsorship as a means of achieving social and economic advancement. In Nigeria, every democratic transformation program begins with the emergence of new political parties. Many of these political parties’ leaders have goals, positions, desires, and needs that are usually kept hidden [13. P. 13]. Many

who later join the parties must then depend on what the party's "godfathers" say or do. Those who wish to do very well in parties must then attend secret meetings in their godfathers' homes. They gain access to privileged knowledge about party procedures and how to manage them as a result of this. The godfathers ensure that party officials are overregulated in order to advance their own roles within the party. The system's laws are themselves instruments for making it easier for state and party officials to manipulate the democratic process [14]. In a society with an army of unemployed youths ready to be used to accomplish criminal goals, this aim becomes easier to achieve. In this type of political environment, the society consists of a place where everything goes [13].

A malleable criminal and social justice system is the last but not the least significant factor for godfatherism to thrive in Nigeria. As a result, a variety of factors are responsible for godfatherism flourishing in today's Nigerian polity [15]. The first is a profit-driven political patron, a pliable political mechanism that serves the interests of only a selected few in society, a poor civil society and electoral system, a few do-or-die office seekers, and a cynical mass media eager to serve the interests of the highest bidder in society [15]. The operationalization of political godfatherism in Nigeria, as well as the complexities that accompany it, predate the country's political independence. This is because pre-colonial Nigeria's social and political characteristics have often resembled the phenomena of prebendalism, clientelism, and patron-client transactional relationships, as described by Richard [16]. Olawale [7] posits that the term "godfather" appears in parenthesis in many western political studies in his explanation of pre-colonial patron-client prebendal relationships in Nigeria. In Nigeria, however, the patron-client relationships that popularized the word in Nigerian politics have cultural origins among many Nigerians. People having one or more types of "godfathers" is not a completely new experience in Hausa, Yoruba, and Igbo sociology; for example, the term "godfather" has a local equivalence in Hausa, Yoruba, and Igbo languages, and these terms have been in use since the pre-colonial period." The pre-colonial patron-client prebendalism, on the other hand, was quickly carried over to Nigeria's post-colonial political arrangements [14]. In supporting this claim Olawale [7. P. 87] asserts that "the founding fathers of Nigerian party politics were godfathers in a way. The first generational Nigerian leaders who made contact with Europeans in the late 1800s preceded them. The traditional rulers were the leading figures, and they later became the focal point of the British indirect rule policy in the country".

As the colonial administration came to an end in the 1950s, and nationalist activities gained traction, the few educated elites became the vanguard for the struggle for independence. The Northern People's Congress (NPC) for the north, the Action Group (AG) for the Yoruba-dominated south-west, and the National Council of Nigeria and the Cameroun (NCNC) for the Igbo-dominated eastern Nigeria were among the regional political parties created. Olawale [7. P. 87] reportage noted that godfathers position in a colonial system was to show the way for other Nigerians. "The political godfathers of this era included the then Sarduna of Sokoto, Sir Ahmadu

Bello, who led the NPC, Chief Obafemi Awolowo, who led the AG, and Nnamdi Azikiwe of the NCNC leader,” according to a study on the period’s political patrons. Mallam Aminu Kano and Alhaji Waziri Ibrahim are two other Nigerian political elder statesmen who fall into this group. Up until their deaths, these political leaders decided who might hold political office in the geopolitical regions they ruled. They act as clearinghouses for political opportunities [7. P. 88]”.

Ugwu, Izueke & Obasi [13. P. 136] espoused that in the later “political dispensation, the above-mentioned political godfathers of Nigeria’s three major regions created enormous political godsons who held various political positions.” Sir Ahmadu Bello’s political godsons, known in Nigeria as the “Kaduna Mafia,” Chief Awolowo’s political godsons, known in the South-West as the “Afenifere” (those who wish others well), among whom are Chief Bola Ige, Alhaji Lateef Jakande, and Chief Bisi Onabanjo (all former state governors from 1979–1983), and Nnamdi Azikiwe’s political godsons [15]. All of the first-generation patrons’ godsons went on to become godfathers in Nigerian politics. However, since 1999, when those in power have become political godfathers in state politics, godfatherism has become prevalent in the Nigerian polity. Godfatherism is a practice that causes people to act as though they are godfathers political heavy-weights’ unrestricted ability to control the political landscape, manipulate candidate victories (the godsons/daughters), and determine policy and program direction remained a major factor in Nigeria’s political culture [15]. Furthermore, Adeoye [17. P. 270] argued that “it got so bad under the watchful eyes of Obasanjo-led government that godfathers adopted various names: gangsters, mafia, and criminal.” Under President Obasanjo’s democratic rule, the worst manifestations of godfatherism in Nigerian history came to life for one simple reason: he encouraged and permitted it. Some of the godfathers exhibited many of the features of mafianism, with many of them behaving like “Al Capone” in a criminal world; yet, these godfathers continued their crime in an endearing political climate”. Lagos State is a veritable example of godfatherism. The former governor of Lagos Ambode is the prey of godfatherism politics, while the current Lagos State governor who succeeded Ambode is the beneficiary of godfatherism. Due to Nigeria’s present godfather structure, the country’s devastating legacies of Ibrahim Babangida (1985 to 1993), Sanni Abacha (1993 to 1998), and Olusegun Obasanjo (1999 to 2007) regimes [3].

Reasons for Godfatherism in Nigerian Politics

In Nigeria, the reason for the politics of godfatherism is not far-fetched. According to Rasak, Oye & Ake [18. P. 79] noted that a onetime governor Chimaroke Nnamani, affirms that godfather is “an impervious guardian figure who provided the lifeline and direction to the godson, perceived to live a life of total submission, subservience, and protection of the oracular personality located in the large, material frame of opulence, affluence, and decisiveness, that is, if not ruthless...strictly”.

According to Ahmed & Ali [13. P. 14] the “power of incumbency, influence, political thugs, money politics, lack of political knowledge, selfishness, greediness,

lack of publicity, over-ambition, nepotism, and politics of regionalism are among the factors that led to the politics of godfatherism in Nigeria.” Since the godfathers use their influence and resources to put their godsons and relatives in various positions of power, it is understood that corruptive tendencies exacerbate the godfathers’ economic base by causing a wide variety of difficulties in politics and rule. Those in authority often use their role to determine who will represent the citizens’ interests at all costs.

Governor Ifeanyi Okowa, for example, transforms Delta state into a family company, handing over 400 million naira (N400, 000,000) to his daughter’s office at the expense of the people. In addition, the military’s foray into politics helped in the consolidation of Nigerian godfatherism. The promotion of political and economic centralization, corruption, the accumulation of wealth in the hands of a few, and the transfer of much power to the chief executive at all levels, making the role more desirable, were all high on their list of misrule [3. P. 98].

In Nigeria, political godfathers erect a phalanx of loyalists around them and use their clout, which is often based on monetary considerations, to dominate the rest of society [19]. According to [5. P. 4], election sponsors are wealthy, popular, and influential individuals who freely contribute to a party’s voting success or support candidates during an election. Furthermore, according to Ohiole & Ojo [5], the political godfather may be less concerned with active politics or regime organization and more concerned with approachable policies from the government. In the twenty-first century, Nigeria’s godfathers fund elections, but not all election sponsors are godfathers. Godfathers, on the other hand, rule over all aspects of society, including academia, the legal system, and the religious climate. To back up the above assertion, Popoola revealed that the nation’s socioeconomic growth has been disrupted by the political godfather and godson feud. This conflict, which was rooted in a collision of interests, needs, values, and capitals, involved politicians at the highest levels of government. This has a direct impact on the nation’s socioeconomic and political growth. A good example was between Ambode the former governor of Lagos and is godfather Tinubu prior to the 2019 elections.

The Crisis of Godfather and Godson in Nigerian Politics

Godfatherism is a philosophy based on the idea that a few people with significant wealth who have the power to arbitrarily decide who gets a party ticket and also determines who wins or loose an election. The godfathers, on the other hand, intend to rule by proxy. As a result, they use violence openly and indiscriminately against those who stand in their way, including their godsons. In Nigerian politics, godfathers are fear merchants and power brokers. On a regular basis, people throng in and out of their homes, running errands or requesting one favour or another [20. P. 6]. Olawale [7. P. 80] notes that “In certain cases, the relationship between political godfathers and their adopted sons is transactional.” As Nigerians say, it’s a case of “you rub my back, and I rub your back”. Just like every business man/woman, godfathers invest in their godsons and expects returns after winning election. This

is most times accomplished by lucrative political positions, contracts, land grants, political control and power sharing with incumbents, and, if the allegations against some of them are to be taken seriously, unjustified requests for monetary backing”.

The privileges a godfather receives from his godson are strategic. In several cases, he requests the right to appoint about 8 % of those who are eligible function in his godson’s cabinet. Many godfathers often make certain that they have complete influence over the situation. Most of the godfathers also make sure they influence majority of representatives in state legislatures, and they readily use these to threaten governors with impeachment at any time misunderstanding occurs. Political godfathers in Nigeria make more money from the political process than anybody else in Nigerian politics. Those they imposed as commissioners, permanent secretaries, board chairmen, and other officials make equal monthly payments to their godfathers, just as the principal godsons do. On June 10th, 2003, the Nigerian godfather-godson relationship brought Nigerian juvenile democracy to an end. Chris Uba, a self-described godfather, used miscreants and Nigerian police to kidnap his godson, Chris Ngige, the elected governor of Anambra State. Ngige’s crime was his refusal to let his godfather, Chris Uba, nominate all political positions and take the lion’s share of the state’s allocation and instantly pay him N2.5billion. He claimed that was what he spent in making the Ngige the governor [3; 21; 22; 23].

While in Kwara state, the conflict began in 1999 to 2003 where Saraki the ex-Senate president was in competition for relevance with his former protégé Mohammed Lawal, who was at the time the state governor. Saraki who has brought four of his political godsons including Lawal into power had a fallout with him due to sharing political commissions and gains. Mohammed Lawal’s refusal to agree to Saraki’s wish led to serious political crisis between him (Lawal) and his godfather (Saraki). As a result of this Saraki was expelled from the “All people’s Party” (APP) now “All Nigerian People’s Party” (ANPP) [5. P. 6]. Then, in 2003, both men faced off in the ultimate fight to decide who would be the State’s political grandmaster. To fight the “war,” they used their immense resources. The peace of Ilorin was shattered during this “battle” when a bomb exploded on the premises of National Pilot, which is owned by the Saraki’s. During the upheaval, many people were assassinated, maimed, injured, and so on. Among those killed was Shmed PATIGI, the State Chairman of the People’s Democratic Party (PDP), who was brutally murdered in August 2002. Supporters of the two (2) camps openly threatened each other with lethal weapons, with the police acting as onlookers [5. P. 6]. However, when the junior Saraki won the State Governorship election in 2003, all of that came to an end, and the rest is history.

Similarly, the battle was also drawn in Oyo state between Ladoja and Adebibu. Adebibu claimed to have contributed financially to the “instalment” of Ladoja as governor, with the understanding that the governor would be loyal and submissive, obeying his orders and subjecting public resources to his personal whims and caprices. Ladoja, on the other hand, reneged and refused to abide by the rules. This resulted in the chaos that erupted in Ibadan after the 2003 elections until January

2006. Many lives and properties were lost, and the State House of Assembly became polarized along two (2) lines, leading to the expulsion of fourteen (14) of the thirty-two (32) members of the Assembly. In January 2006, Ladoja was impeached in less than 25 minutes, paving the way for his deputy Alao Akala. Alao Akala, his deputy, is another eager godson eager to better represent the godfather. The status quo was upheld until the Supreme Court's final decision on December 7, 2006. His expulsion was found to be unconstitutional by the court, and he was reinstated after eleven (11) months. His return to office was met with fierce opposition from his former godfather's (ADEDIBU) faction, resulting in a break in law and order in the State capital for a few days and the deaths of several innocent people [1].

Other instances were between Ambode-Tinubu in Lagos; Kachalla-Alimodu Sheriff in Borno. In these cases, the godfathers made sure that the disobedient godsons were not re-elected for a second term and that some of them were impeached. Godfatherism has become phenomenal and parasitic in Nigeria's fourth republic as a result of patronage politics, with grave implications for participation, political stability, democratic consolidation, and peace. Osayi [20. P. 7] aptly captured this thought "godfatherism and money politics are two indispensable characteristics in political discourse that can either promote or impede political stability. Godfatherism is thus, a very powerful tool that can be used to destabilize a nation due to its ability to incorporate all of the primordial components of chaos".

Theoretical Framework

The elite's theory was adopted for this paper to examine the domineering relevance of godfatherism on Nigeria's newly emerging democracy. The theory proposes that power is shared among the elites at regular intervals and at the detriment of the electorate or the masses. As Pareto [24. P. 26] asserted, "political elites shield and disassociate themselves from society, attempting to reproduce themselves as much as possible from within. They do everything necessary within their control to ensure that non-elites do not enter their membership." The political elites keep a safe, functional distance from the rest of society. They replicate themselves on an individual and selective basis in a method, which Pareto explicitly referred to as the 'circulation of elites' [24]. The standards for such elite recruitment are frequently parochial, and the procedure is typically carried out in a way that does not jeopardize the dominant elite class's conventional reputation. The ruling class, according to Pareto, also attempts to sabotage efforts at 'collective circulation of elites', preferring instead to promote individual recruitment [24].

Mosca [25], on the other hand, disagrees with Pareto that elite recruiting can only be done on a personal level. He argues that one social class should replace another and that non-elite members can enter the elite class through a process known as "collective social mobility. This refers to the social, economic, and professional status that people achieve as a result of their efforts". Mosca [25] also believes that a group of people known as the "sub-elite" already exists in many societies around the world. These individuals promote contact between the elite and the non-elite,

making them potential vehicles for elite recruitment on a wide scale. Because of this argument, both sub-elite and non-elite Nigerians can be recruited into the political elite class. Elites, according to the elite theory, are players who govern the state and national wealth and hold key roles in power systems [25]. As a result, elite class understanding is more closely linked to “Weberian understanding of power, recognized as the ability to carry out one’s will, even against the will of the wider population”. In Nigeria, godfatherism acts as a conduit for such limited elite recruitment. Underdevelopment, abject hunger, extreme youth unemployment, low health opportunities, and misinterpretation of what politics can be are the consequences in Nigeria polity [24].

The importance of the elite hypothesis to this paper is founded on its potential to explain how politics of godfatherism facilitates the transformation of individuals into the political elite class. Liberalism, as we have seen in Nigeria, fosters extreme elitist democracy and a money-driven electioneering structure, putting the populace as ‘onlookers,’ and continues to deny Nigerians much-needed institutional, political and socioeconomic advancement. Central to elite theory is structures, especially authority structures. It is founded on the premise that elite behaviour has a causal impact on the state-society dynamic while insiders have more authority and power over the state than the people. Elite ideology, according to Mosca [25], refers to the accumulation of authority in the hands of a few people that “performs all government roles, monopolizes power, and retains the benefits of power”. As a result, public policy can be perceived as a reflection of political elites’ values and preferences. The Nigerian polity exemplifies a state in which the wellbeing of the people is blatantly sacrificed to the needs of a few politicians and their cronies. The electorate is becoming increasingly poorer, while the greedy rich godfathers are becoming increasingly wealthy.

Godfatherism And Its Effects on Nigeria’s Democracy

The resurgence of godfatherism in Nigeria posed a serious obstacle to political dividends, socioeconomic growth, good governance and stability. One of the most alarming and destructive effects of godfatherism in Nigeria politics is the campaigning for a genuinely democratic and transparent political mechanism in which voters are expected to openly nominate someone who will rule them and serve their interests. Considering the circumstances in which godfathers imposed candidates of their choosing on the general populace, the right of appointing citizens of their choice to rule them is denied. This is, to say the least, diametrically opposed to political principles [2. P. 6]. When those holding public offices are not accountable to voters, who in any case did not vote in their election to public office, the allegiance of such public office is inevitably designated to their godfathers, negating one of the most important characteristics of governance and democracy, which is responsible and open government [2. P. 6]. This situation is therefore harmful to good government and political order, which are based on the rule of law, due process, responsibility, and openness of public matters.

Only by assuring their godsons of electoral victory will the godfathers increase their social, political, and economic power. As a result, elections have become a vehicle for advancing the interests of the aristocracy rather than the electorate, in Nigeria's fourth republic [3. P. 100]. The rise of godfatherism has also deprived people of the right to reap the benefits of democratic governance, in the sense that the government has been hesitant to initiate and enforce reforms that will benefit the general public. The intellectual foundations and basic ethos of democracy are being brushed aside, causing Nigerian voters to lose confidence in the democratic process and the administration. This was due to the fact that Nigerian godfatherism was essentially coercive in practice [2. P. 6]. The main motivation for entering politics was the desire to obtain wealth from government treasury, which their godsons controlled. As a result, the state's financial resource from the federation account, which was intended to raise citizens' living conditions, was of utmost importance to politicians. Hell would explode if godsons fail to reconcile their godfathers as agreed [3. P. 100].

According to Igbini & Okolie [3. P. 100] noted that "statistical analysis, from the 2003, 2007 and 2019 general elections were the worst in Nigeria's fourth republic. That is because polls were marked by widespread rigging, monetization, dishonest electoral officers and security forces, judicial injustice, democratic assassination, political thuggery, deliberate disenfranchisement of the electorate, and flagrant disrespect for the rule of law, incitement, religious opinion mobilization, youth unrest, electoral propaganda, simultaneous voting, under-age voting". Furthermore, there were also cases of irregular ballot with already thumb-printed ballot papers, the chasing of electors away from districts where their candidates are expected to receive few votes, falsification of election results and forgery of figures at polling units and data centres, including pressuring certain party agents to sign forged election results under duress. This means that democracy's prestige as the ideal system of government has been eroded [15].

The ruled in a democracy not only have the freedom to vote, but they also have the right to be voted for. Democratic godfathers use their power to exclude anyone from participating in Nigerian politics; they are political gatekeepers, dictating who can and cannot engage in politics. Since "the reigning godson is at pains to fulfil the whims and caprices of the godfather among other conflicting demands on the scarce resources," this type of condition encourages mediocrity and financial corruption. The interest of the greater majority is savagely exploited by the government's finances. According to Ugwu, Izueke & Obasi [14. P. 139], espoused that the "politics of godfatherism has made growth inaccessible to the majority of the population. As a result, godfatherism politics is one of the main forces orchestrating Nigeria's fourth republic's socio-economic and political crises. Godfatherism politics has had a devastating impact on state democracy and political progress in Nigeria today". In the present day Nigeria, the citizenry are not involved in the decision making process of issues that affect them, this has eroded the gains and tents of democracy. This is due to heavy militarized and monetized

polity largely dominated by godfathers, their thugs and private militia and has negated economic activities, especially schooling, health, security (political wrangling), agriculture, housing, and infrastructural growth, are brought to a halt as a result of these (godfatherism) in our polity [15].

Conclusion and Recommendations

The politics of godfatherism is an impediment to Nigeria's nascent democracy, as this paper has demonstrated. It has risen to prominence and has become a dominant feature of the country's electoral politics and governance. As a result, it promotes graft, breeds severe unemployment, electoral malpractices, abject poverty, and political uncertainty, endangering the democratic process as well as citizens' socioeconomic lives. One of the most alarming and destructive effects of godfatherism in Nigeria's fourth republic was to make a mockery of a genuinely democratic and transparent political mechanism in which electorates are supposed to openly nominate candidates of their choosing to represent their interests in public office. Our political leaders and their mentors (godfathers) exploit the constitutive and regulative instrument for a credible democratic struggle in order to accomplish their aims. Credible elections are important to stem the tide for democratic decay and rebirth in the nation. This is because, according to proponents of liberal democracy, once elections are conducted correctly, democracy will bring consolidation and as a result of this, the country will experience long-term peace and security. Credible elections, in essence, result in security, political stability, and socioeconomic development. From the foregoing therefore, the paper recommends the following to reduce the effects of godfatherism on Nigeria's relatively young democracy.

Stakeholders in the Nigerian election system, such as the government, electoral body, civil society, judiciary, and religious institutions, should be adamant about bolstering the democratic structure.

To prevent electoral fraud, the Independent National Electoral Commission (INEC) should implement e-voting for all elections in the country. This will help to minimize election rigging and allow aspirants to run for any job they want without swearing allegiance to the godfathers in exchange for a guaranteed winning ticket.

The existing electoral process must be re-examined in order to deemphasize money in Nigeria's political environment. To that end, monetary contributions to political parties by individuals or organisations should be made publicly, screened, and their origins verified by appropriate agencies such as the Economic and Financial Crimes Commission (EFCC). Moreover, such funds must be fully accounted for, and appropriate penalties for embezzlement should be imposed.

Nigeria's electoral laws should be changed to make it more difficult for individuals and corporations to finance political parties and candidates. This will go a long way toward eradicating godfatherism in the world, and democracy will flourish.

The country requires purposeful leadership with a vision of how to put its citizens at the centre of the political project without resorting to patron-client relationships, and who sees political power as a means of serving the common interests of its people, regardless of ethnic origin. In particular, Nigeria's political and socioeconomic growth will remain a mirage before a morally sound, dedicated, and patriotic leadership emerges to lead the people honestly with the attributes of honesty, accountability, and people-oriented policies and programs. Godfatherism politics should be discouraged, and our democratic institutions should be strengthened to avoid godfatherism politics in central government policies and programs.

REFERENCES

1. Azeez K. Electoral Violence and Nigeria's Elections. *Journal of African Election*. 2014;6(2):112–121.
2. Osakede K.O., Ijimakinwa S.O. Political Godfatherism and Democratic Consolidation in Nigeria: Empirical Evidence from Oyo State and Kwara State. *Arabian Journal of Business and Management Review*. 2016;5:1–12.
3. Igbini D.M., Okolie U.C. Godfatherism and its Threat to the Nigeria's Nascent Democracy. *Journal of Public Administration, Finance and Law*. 2020;17:93–105.
4. Nkwede J.O., Ibeogu A.S., Nwankwo O.U. Political Godfatherism and Governance in a Developing Democracy: Insight from Nigeria. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2014;3(4):137–143.
5. Ohiole K., Ojo S. Political Godfatherism and Democratic Consolidation in Nigeria: Empirical Evidence from Oyo State and Kwara State. *Arabian Journal of Business and Management Review*. 2016;5(8):1–12.
6. Attah A.P., Audu J.S., Haruna P.O. Godfatherism, Party Politics and Democracy in Nigeria: Issues and Challenges. *Journal of Good Governance and Sustainable Development in Africa*. 2014;2(2):86–93.
7. Olawale I.A. Explaining 'Godfatherism' in Nigeria Politics. *African Sociological Review*. 2005;9(2):79–105.
8. Bala J., Sonni G. Godfatherism in Nigerian Politics: Way forward. *Journal of African Development*. 1987;2(6):144–162.
9. Scott J.C. Patron-client Politics and Political Change in Southeast Asia. *American Political Science Review*. 1972;66:92–102.
10. Chukwuma O. Political Godfatherism in Nigeria: Benevolent or Malevolent Factors. *International Journal of Social and Policy Issues*. 2008;5(2):86–93.
11. Onubi A. Godfatherism in Nigerian Politics: Essence. *International Journal of Social and Policy*. 2002;2(2):120–132.
12. Agbaje O. Godfatherism and Future of Nigeria Democracy. *African Journal of Political Science and International Relation*. 2012;3(6):30–46.
13. Ahmed F., Ali A. Politics and Godfatherism and its Implication on Socio-economic and Political Development of Nigeria. *American International Journal of Social Science Research*. 2019;4(1):9–19.
14. Salawu B., Hassan A.O. Ethnic Politics and its Implications for the Survival of Democracy in Nigeria. *Journal of Public Administration and Policy Research*. 2011;3(2):28–33.
15. Ugwu C.E., Izueke E., Obasi C.J. Godfatherism in Nigeria's Politics: A Study of Obasanjo's Civilian Administration (199–2007). *International Journal of Research in Arts and Social Science*. 2013;5:130–147.
16. Richard J. *Democracy and Prebendal Politics in Nigeria: The Rise and Fall of the Second Republic*. Ibadan: Spectrum Books; 1999.

17. Adeoye O.A. Godfatherism and the Future of Nigerian Democracy. *American Journal of Political Science and International relations*. 2009;3(6):268–272.
18. Rasak B., Oye A.J., Ake M. Godfatherism and Political Patronage in Nigeria: A Theoretical Overview. *Political Science Review*. 2017;8(1):77–101.
19. Oviasuyi P.O. Impact of Godfatherism on Nigerian Politics and Administration: Anambra and Oyo States Experiences. *Educational Research Quarterly*. 2009;33:30–46.
20. Osayi F.O. Regressive Democracy: The Monstrous Role of Godfatherism in Nigeria. *International Journal of Politics and Good Governance*. 2015;6:1–25.
21. Atere A., Akinwale A. Political Parties, Godfatherism and Succession Politics 2006 in Saliu A.H. et al. *Democracy and Development in Nigeria: Conceptual Issues and Democratic Practice* (144). Ilorin: University Press; 2006.
22. Thovoethin P.S. Godfatherism and Democratic Consolidation in Nigeria: Issues and Perspectives. *Essence Journal of Philosophy, Science and Society*. 2004;1(1):69.
23. Adeyemi-suenu W. Godfatherism and Political Development: Understanding Its Impact on Nigeria's Emerging Democracy. *Essence Journal of Philosophy, Science and Society*. 2004;1(1):78.
24. Pareto C. *The Mind and Society*. New York: Harcourt, Brace and Company; 1935.
25. Mosca G.M. *The Ruling Class*. New York: Ann Arbor Publishers; 1939.

Information about the author:

Ejiroghene A. Oghuvbu — Ph.D, Lecturer of the Department of History and International Studies, Faculty of Arts, Delta State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0003-1422-3806) (e-mail: augustine4best@yahoo.com).

Эффект «крестного отца» и его влияние на нигерийскую демократию

Э.А. Огуббу

Государственный университет Дельты,
Нигерия, Абрака, ул. Абрака-Умуту 1

 augustine4best@yahoo.com

Аннотация. Эффект «Крестного отца» лежит в основе политического бандитизма в Африке и других развивающихся странах по всему миру. Этот эффект сегодня является отличительной чертой нигерийской демократии. С восстановлением демократического правления в 1999 году в стране усилилась политика «крестного отцовства», которая замедлила консолидацию демократических сил, а также подорвала эффективность государственного управления и ограничила демократическое представительство. Эффект «Крестного отца» сказался на политике страны, вызвав разобщенность, конфликты и недовольство среди различных политических и заинтересованных групп в стране. Его апатичность усугубила электоральную пассивность и аполитичность, замедляя переход к демократии в Нигерии. Таким образом, в этом исследовании исследуются причины, природа и влияние эффекта «Крестного отца» на зарождающуюся демократию Нигерии. Исследование основывается на теории элиты и показывает, что политический «крестный отец» несет ответственность за ослабление политических институтов в стране. Таким образом, в исследовании приводится вывод о том, что политические «крестные отцы» и «крестные сыновья» отказывают людям в праве голосовать за предпочитаемого ими кандидата в качестве своих лидеров. В исследовании приводятся рекомендации по реформированию системы голосования, чтобы отдельным лицам и учреждениям

было труднее финансировать политические партии и политиков. Это будет иметь большое значение для искоренения крестного отцовства в Нигерии и даст возможность для процветания демократии.

Ключевые слова: демократия, политическое «крестное отцовство», развитие, политический конфликт, личный интерес

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 15.03.2023. Статья принята к публикации: 29.05.2023.

Для цитирования:

Oghuvbi E.A. Godfatherism and Its Effects on Nigeria's Democracy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 3. С. 465–479. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-3-465-479>

Информация об авторе:

Эджирогене А. Огубу — Ph.D, преподаватель кафедры истории и международных отношений факультета искусств, Государственный университет Дельты (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0003-1422-3806) (e-mail: augustine4best@yahoo.com).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
